

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, Great Britain
International Scientific Analytical Project

No1 | March 2013

Expert group:

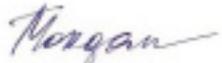
Marianna Balasanyan (Georgia), Diana Ismailova (Kazakhstan), Galina Kontsevaya (Republic of Belarus), Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Maria Shemyakina, Alexandra Zalevskaya (Russia), Magdalena Petrova Kostova-Pananyotova, Mariyana Parzulova (Bulgaria), Jemal Mehmed (Turkey)

Dear readers!

Philology is a very capacious, specific and at the same time substantial concept. It seems that we are talking about a complex of sciences dealing with the analysis of language literature. At the same time however, not only written and oral verbal environment can act as an object of philological studies, but also cultural and historical scenes and facts, expressed in verbal form, as well as the creativity – an instrument of creation of literary works and realization of talents from different epochs.

At last, philology is love! And it is not just a verbal construction. It is the love to life and to the surrounding world! This love is expressed by brilliant words of writers and poets in the most emotional and colorful form. It is the language that ensures the accumulation, storage, interpretation and intergenerational transfer of cultural traditions and information which forms the mental basis of the humanity. Word is not just a product of human intellect and an instrument of an image-conceptual thinking. Without a word there would be nothing that could form a world of a modern man.

With respect and hope for effective cooperation, - Thomas Morgan
March 13, 2013, London, UK

GISAP: Philological Sciences
Chief Editor – J.D., Prof., Acad. Pavlov V.V.

Copyright © 2013 IASHE

Design: Yury Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Belinsky

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE) Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom.

Phone: +442032899949, e-mail: office@gisap.eu, web: <http://gisap.eu>

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

CONTENTS

Азизова Н.Б., преподаватель, Кашиинский государственный университет, Узбекистан ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР. (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА).....	3
Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., Кемеровский государственный университет, Россия ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ СЛОВАРЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ, ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ, ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ.....	7
Асадов З.В., канд. филол. наук, доцент, Бакинский Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Азербайджан ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ В ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (К ЭТНОЭЙДЕМЕ «СКРИП ТЕЛЕГ»).....	14
Галлямова М.С., канд. филол. наук, доцент, Магнитогорский государственный университет, Россия ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСКИХ ИДЕЙ ДЖОРДЖА ЛИЛЛО НА ФИЛОСОФСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕНИ ДИДРО.....	17
Evstafyeva A., Assistant Prof., Togliatti State University, Russia ON A LINGUIST'S MANDATE IN WRITING CONCLUSIONS REQUESTED BY THE LAW-ENFORCEMENT AUTHORITIES.....	20
Залевская А.А., д-р филол. наук, проф., Тверской государственный университет, Россия ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И МЕТАФОРА «ЖИВОЙ ПОЛИКОДОВЫЙ ГИПЕРТЕКСТ».....	22
Колистратова А.В., преподаватель, Братский государственный университет, Россия О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ БРИТАНО-АНГЛИЙСКОЙ СИТУАЦИИ.....	26
Ли В.С., д-р филол. наук, проф., Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА VS. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ОТ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ К ВЗАИМООБОГАЩЕНИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА).....	30
Ли В. С., д-р филол. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ПРИ РЕЧЕВЫХ КОНФЛИКТАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ.....	34
Мирзоева Л.Ю. д-р филол. наук, ассоц. проф., Университет имени Сулеймана Демиреля, Казахстан ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРОДИЙНОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ.....	38
Мирзоева Л.Ю. д-р филол. наук, ассоц. проф., Университет имени Сулеймана Демиреля, Казахстан К ПРОБЛЕМЕ РАССМОТРЕНИЯ ОЦЕНОЧНОГО ПЛАНА ТЕКСТА В РАМКАХ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	41
Nilova C.V., lecturer, Institute of Economics Management and Law, Russia SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF INTERGENERATIONAL COMMUNICATION.....	45

Костова-Панайотова М., д-р филол. наук, проф., Юго-западный университет, Болгария «ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА» МАНДЕЛЬШТАМА МЕЖДУ ТЕКСТОМ И ЦИТАТОЙ.....	48
Плотникова А.А., преподаватель, Томский политехнический университет, Россия СПЕЦИФИКА АДРЕСАТА ЖАНРОВ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МИНИАТЮР).....	52
Плотникова А.А., преподаватель, Томский политехнический университет, Россия ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ЛИРИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	56
Пономаренко Е.Б., канд. филол. наук, ст. преподаватель, Российский Университет Дружбы Народов, Россия СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СООБЩЕНИЙ.....	59
Ponomarenko E. B., PhD in Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Russia LINGUISTIC MANIPULATION DEVICES (BY THE EXAMPLE OF ENGLISH AND RUSSIAN INFORMATION TEXTS).....	62
Попов А.В., инженер КИПиА, ТОО «Казкомпрессормаш», Казахстан Попов К.А., юрист, ООО “Рем-Сервис”, Россия ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТА УНИВЕРСАЛЬНОГО АЛФАВИТА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	65
Редька Я., канд. филол. наук, доцент, Чернівецький національний університет ім. Іо. Фед'ковича, Україна ТЕРЕБОВЛЯ ЕТНІЧНО-АНТРОПОГЕННА VS. ТЕРЕБОВЛІ АНРОПОНІМІЧНОЇ ТА “ЖЕРТОВНОЇ”.....	70
Саметова Ф.Т., канд. филол. наук, доцент, Университет Кайнар, Казахстан ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРОСТРАНСТВО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	77
Hamze, D., assistant in the University, University of Plovdiv “Paisii Chilendarski”, Bulgaria IRONY IN ITS PRAGMATIC ASPECT.....	79
Хамзе Д., ассистент, Пловдивски университет Паисий Хилендарски, Болгария КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИРОНИИ.....	82
Шило Е.И., аспирант, Белгородская государственная сельскохозяйственная академия, Россия ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОРФОЛОГИИ ЖИВОТНЫХ И ЕЕ ТЕРМИНОЛОГИИ (XVIII-XIX ВВ.).....	87
Якоба И.А., канд. социол. наук, доцент, Иркутский государственный технический университет, Россия ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ.....	90

Азизова Н.Б.,
преподаватель
Каршинский
государственный
университет,
Узбекистан

Участник конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена к вопросу влияния процесса глобализации на развитие языков и культур. В данном случае углубленно рассматривается глottометрия (социальной вес), т.е. возвышение социальной значимости узбекского языка в условиях глобализации

Ключевые слова: процесс глобализации, языковая картина мира, языки малых наций и народностей, организация объединенных наций, параметры жизнеспособности языка, глottометрия, население, духовное культурное наследие, письменность, интернет, интеллектуальный потенциал, коммуникация.

The article is devoted to the question of the influence of globalization on the development of languages and cultures. Glottometry (social weight) is deeply considered in this case, i.e. increasing social importance of the Uzbek language in globalization.

Keywords: globalization, language world, the languages of small nations and ethnic groups, the United Nations, the parameters of language vitality, glottometry, people, spiritual heritage, writing, internet, intellectual capacity, communication.

Нам известно, что конец XX и начало XXI веков ознаменовались в мире резко усилившимся процессом глобализации. Мировое общество переживает сложный этап всех общественных процессов, что обусловлено, в частности, и развитием информационных технологий. Глобализация охватила экономическую, политическую и культурную сферы общества. Данный феномен обсуждается во всех областях современной науки: коммуникативистике, социологии, культурологии, политологии, информатике и, конечно, в лингвистике.

В русле рассматриваемой проблемы можно остановиться на двух основных аспектах глобализации: с одной стороны - это гомогенизация жизненного мира, приверженность общим культурным ценностям, стремление все универсализировать, с другой - естественно, растущая взаимозависимость, интеграция отдельных форм общественного сознания, когда под воздействием процессов глобализации формируется единый, целостный универсальный социум. Влияние глобализации на языковую картину мира позитивно и отрицательно. Языкам больших народностей растёт каждодневная потребность, а малые на стадии исчезновения.

По поводу данного явления известный учёный по философии языка К.Ханазаров считает, что «глобализация является объективным про-

цессом, отнюдь не ставящим перед собой цели наносить ущерб существующим языкам. Однако она своим ускорением и расширением подрывает основу под языками, смыкает почву, на которой держатся тысячи языков и прежде всего языки малых наций, народностей, племен и этнических групп»¹.

С целью сохранения языков малых наций и народностей со стороны ООН принимались несколько международных нормативных актов и деклараций. В принятых документах свидетельствуются об осознании на глобальном уровне важности проблемы сохранения малых языков. В числе этих актов:

- Венская декларация, принятая на Всемирной конференции по правам человека (1993 г.) и утверждающая право «членов национальных и других меньшинств на использование своего родного языка» (ст. 19);
- Призыв Генеральной Ассамблеи ООН уделять большее внимание многоязычию (декабрь 1999 г.);
- Резолюция 52/262 (часть 2) Генеральной Ассамблеи ООН, акцентирующая внимание на сохранении и защите всех языков;
- Доклад Генерального секретаря ООН на 58-й сессии (2003 г.) о мерах по защите, распространению и сохранению всех языков мира.

Важность языкового многообразия и его распространения подчеркивается и в § 52-53 «Декларации принципов», принятой Всемирным саммитом по Информационному

обществу в Женеве (декабрь 2003 г.). Большинство этих текстов посвящено возможным индивидуальным правам для прав групп и целых народов на использование национальных языков международные стандарты и меры по их защите разработаны пока в существенно меньшей степени.

В условиях глобализации роль и функционирование узбекского языка значительно расширились. После придания статуса государственного языка узбекский язык стал функционировать в общественно-политических сферах, науке, образовании, технике и технологиях, производстве, дипломатии и т.д.

В условиях глобализации, несомненно, возникает вопрос, связанный с жизнеспособностью языка. Какие параметры существует жизнеспособности языка? Сегодня учёные придерживаются к следующим параметрам живучести языка:

- Абсолютное число говорящих;
- Отношение числа говорящих на данном языке к общей численности этнической группы;
- Изменения областей использования языка;
- Новые сферы использования языка;
- Средства массовой информации;
- Учебные материалы и уровень грамотности на данном языке;
- Образование на национальном языке играет существенную роль в его жизнеспособности.

1 <http://mytashkent.uz/2010/12/09/globalizatsiya-i-perspektivyi-yazyikov/>

№	Название узбекского языка	Периоды
1.	Древнетюркский язык	VII-X века
2.	Старотюркский язык	XI-XII века
3.	Староузбекский язык	XIII-XVI века
4.	Новый узбекский язык	XVII-XX века
5.	Современный узбекский литературный язык	С 30-х годов XX века до настоящего времени ²

Поскольку уровень грамотности тесно связан с социальным и экономическим развитием. Для этого необходимы учебные и электронные ресурсы по разным отраслям науки, учитывающие все возрастные группы и всех уровней владения языком;

- Правительственная и официальная позиция и политика по отношению к языку, включая официальный статус и использование языка;
- Отношение к языку членов соответствующей этноязыковой группы
- Уровень документированности данного языка.

Исходя из вышеуказанных параметров, попытаемся проанализировать узбекский язык. Узбекский язык имеет свои древние XV вековые исторические корни, богатое научно-теоретическое наследие. Узбекский язык прошёл долгий исторический путь развития:

В процессе исследования разнотипные источники анализируя развитие узбекского языка, определили его социальный вес (глottометрия), исходя из его выполняемых функций внутри республики. Глottометрия как направление в лингвистике пока не разработано, наметены некоторые штрихи, через неё мы определили факторы, которые, возможно, приведут узбекский язык, как языка межэтнического и распространенного.

При помощи этих факторов определились проблемы, связанные для дальнейшего развития узбекского языка:

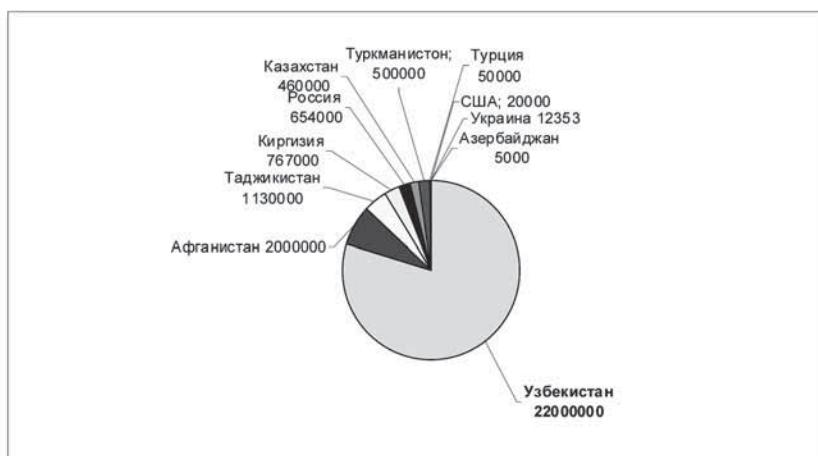
² Периодизация узбекского языка является сложным процессом. В процессе исследования мы выяснили, что сведения о периодизации узбекского языка даны по-разному в источниках. Поэтому пришлось сведения обобщить условно. - Смотрите: Г.Абдурахмонов Г.Ходжаева Современный узбекский язык.-Т.Укитувчи2003.-с.268-273; Нурманов и другие. Современный узбекский литературный язык..-Т.: «Узбекистан», 2005.-С.33-41.

³ <http://www.anons.uz> Скоро будет нас 30 миллионов. Численность постоянного населения Республики Узбекистан на 1 июля текущего года превысила 29,7 млн человек.

июля 2012 года составило – 29, 735 700 миллионов³. С точки зрения научного прогнозирования можно сделать вывод, что население Узбекистана возрастёт к 2015 годам до 36,333 миллионов людей.

Если анализировать данные сведения с точки зрения языка, то можно повысить рейтинг узбекского языка не за счёт представителей самой нации, а изучающих в качестве второго языка.

2) Степень имеющихся культур-

- повышение рейтинга узбекского языка;
- повысить степень используемости в качестве языка интернет (т.е. создание множества веб-сайтов на узбекском языке, программы переводчиков);
- узбекский язык в качестве языка информации (перевести на иностранные языки произведения известных узбекских классиков и другие произведения, отражающие национальные ценности).

Первым параметром, измеряемым в глottометрии, является **территориальная распространённость узбекского языка**. Для этого необходимо обратить на следующую таблицу. В ней указано приблизительное количество проживающих узбеков по странам.

По сведениям государственного комитета статистики Республики Узбекистан население республики на 1

июля 2012 года составило – 29, 735 700 миллионов³. С точки зрения научного прогнозирования можно сделать вывод, что население Узбекистана возрастёт к 2015 годам до 36,333 миллионов людей.

Если анализировать данные сведения с точки зрения языка, то можно повысить рейтинг узбекского языка не за счёт представителей самой нации, а изучающих в качестве второго языка.

Нам известно, Узбекистан издревле считался одним из очагов восточной цивилизации. Республика имеет богатое духовно-культурное наследие мыслителей и ученых известных миру. И на сегодня она является страной, имеющей в определённой степени научных и технологических достижений. Если анализировать с точки зрения исследования, то наше духовно-культурное наследие в основном переведено на языки СНГ, а на иностранные языки – английском, немецком, французском, японском, китайском и других языках в малом количестве или не имеется. Учитывая вышесказанное надо усовершенствовать переводческие школы.

В настоящее время необходимо усовершенствовать науку и технологию. Поскольку Узбекистан является

1	VI-IV века д. н. э.	Авесто
2	V-VIII века	Орхуно-Енисей
3	VIII-XIII века	турецкий (уйгурский)
4	конец I тыс. до н.э. – XIII века	согдийское
5	с XIII века по 1929 года	арабской
6	с 1929 по 1939 года	латиницей
7	с 1940 года по настоящее время	кириллицей
8	с 1995 года	латиницей

богатой страной, в её недрах найдены все элементы Менделеевской системы. В республике для её освоения необходимо создание новой технологии, а также участие в зарубежных партнёров, привлечение зарубежных специалистов, открытие совместных предприятий - возможно, приведут к развитию узбекского языка в сфере производства, и это может послужить почвой для повышения её рейтинга среди межэтнических и распространенных языков.

3) Степень распространённости религиозной литературы и древних письменностей.

Центральная Азия является родиной религиозного учения «Авесто», также с центром Исламской культуры. В течение своей истории узбекский народ пользовался различной письменностью, например,

Известно, что узбекское национальное духовное наследие создано на трёх письменностях и трех языках.

Следовательно, необходимо перевести духовное наследие, созданное на арабском, персидском и староузбекском языках на узбекский язык, и информацию о них необходимо внести в Интернет во всемирную энциклопедию Википедию. Поскольку информации в Википедии на самом развитом английском языке составляет около 3 миллионов страниц, а в целом в сети Интернет около 313 млрд. страниц, т.е. примерно равно к 68,4%.

4) Степень потребности узбекского языка в сети Интернет

С целью определения степени потребности всех языков в сети Интернет, мы обратились к рейтингу иностранных языков, исследованный Рунетом. Для ответа на вопросы, “какие иностранные языки сегодня, популярны и каково их востребованность?” “Есть ли востребованность узбекскому языку?” попробуем воспользоваться данными «Яндекса». Исходя из опросов страницы Рунет в

течение месяца среди развитых языков:

- узбекским языком интересуются 850 человек, и занимает 28 место;
- с требованием переводчика узбекского языка опрашивают 223 человека, и занимает 32 место;
- среди самых распространенных языков узбекский язык занимает 53 место.

Таким образом, в системе Интернет следует создать множество веб-сайтов, касающихся всех сфер общественной жизни, а также создание переводческих программ с получения информации о культуре узбекского народа для представителей других национальностей.

5) Интеллектуальный потенциал республики

Узбекистан среди стран Центрально-Азиатского региона является одним из крупных научных центров. Она имеет сильный научно-духовный потенциал. В настоящее время республика имеет:

- Академию наук, Академия государства и строительства общества при Президенте Республики Узбекистан;
- Академию Маймуна;
- свыше 120 научно-исследовательских институтов;
- свыше 60 высших учебных заведений.

• В период 2007-2010гг. учеными АН РУз получены следующие важнейшие научные результаты мирового уровня:

• в области астрономии – исследованы объекты галактик и Вселенной и впервые в астрономической науке суворенного Узбекистана обнаружена новая малая планета, который присвоено имя «Самарканд» Международным астрономическим союзом в штате Гарвард.

• в области физики - получены новые полупроводниковые наноматериалы, в том числе на основе кремния создана теория оптических солитонов в конденсированных системах;

• в области супрамолекулярной химии - открыто новое явление, устанавливающее связь между строением и условиями образования полиморфных комплексов;

• в области генной инженерии - впервые в мировой практике мето-

«PlatoNick»

*International multilingual social network
for scientists and intellectuals*

- Possibility of the informal communication with colleagues from various countries
- Demonstration and recognition of the creative potential
- Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review

<http://platonick.com>

дом ген-нокаяут технологии создан уникальный сорт хлопчатника (скороспелый, засухоустойчивый, высокое качество волокна);

- в области фармацевтики – созданы и разрабатываются технологии промышленного производства 15 новых отечественных лекарственных препаратов;

- в области медицины – разработаны диагностические тест-системы для определения инфекционных заболеваний (гепатиты А, В, С; сифилис, СПИД и др.);

- в области археологии - открыты впервые на территории Узбекистана очаги древней цивилизации (грот Обирахмат) и показано, что страна сыграла важную роль в формировании человека современного типа;

- в области истории - изучены периоды становления и развития государственности на территории Узбекистана;

- в области востоковедения - проведена систематизация уникальной коллекции Рукописного фонда, что обогатило знания в области литературы, искусства, лингвистики, истории и других наук.

- в области языкоznания - завершено 5-ти томное издание Толкового словаря узбекского языка.

6) Степень развитости коммуникационной системы.

В стране организована спутниковая сеть распространения телерадиопрограмм. Сегодня от-

ечественная система телекоммуникаций имеет прямые международные каналы по 28 направлениям с выходом на 180 стран мира, осуществляется вещание в Интернете в режиме реального времени. Во многом решающее значение в системе мер, направленных на повышение уровня и качества информационной деятельности, имело совершенствование национальной системы подготовки и переподготовки кадров с учетом опыта передовых стран. В результате этой масштабной работы только за прошедшие десять лет число печатных СМИ возросло в 1,5 раза, электронных СМИ в 7 раз и составляет сегодня около 1200 средств массовой информации. Около 53 процентов всех телеканалов и 85 процентов радиоканалов являются негосударственными. Средства массовой информации представлены на более чем 7 языках народов и этносов, населяющих Узбекистан, печатные материалы и телепередачи распространяются, в том числе на английском языке. В процесс производства эфирной продукции внедряются современные цифровые и мультимедийные технологии. Стремительно растет количество пользователей Интернетом, число которых составляет на сегодняшний день более 6 млн.

Таким образом, учитывая сте-

пень развитости коммуникационной системы, необходимо создать национальный образовательный канал, и информации, касающиеся духовности и просвещения велось на всех языках.

Литература:

1. Каримов И.А. Высокая духовность – непобедимая сила. Т.: «Маънавият», 2008.- с.176
2. Каримов И.А. Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране. Т.: «Узбекистан», 2010
3. Ханазаров К.Х.. К проблеме развития философии языка. Т.: «Узбекистан», 2007.-с 134.
4. Абдурахмонов Г., .Ходжаева Г. Современный узбекский язык.-Т.:Уқитувчи 2003.-с.268-273;
5. Нурманов и другие. Современный узбекский литературный язык.-Т.: «Узбекистан», 2005.-С.33-41.
6. <http://mytashkent.uz/2010/12/09/globalizatsiya-i-perspektivy-i-yazyikov/>
7. <http://www.anons.uz> Скоро будет нас 30 миллионов. Численность постоянного населения Республики Узбекистан на 1 июля текущего года превысила 29,7 млн человек.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONGRESS

International Scientific Congress – multisectoral scientific-analytical forum for professional scientists and practitioners

Main goals of the IASHE scientific Congresses:

- **Promotion of development of international scientific communications and cooperation of scientists from different countries**
- **Promotion of scientific progress through the discussion, comprehensive and collateral overcoming of urgent problems of modern science by scientists from different countries**

For additional information
please contact us:
www: <http://gisap.eu>
e-mail: congress@gisap.eu

Араева Л. А.,
д-р филол. наук,
проф.
Кемеровский
государственный
университет,
Россия

Участник
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

ЭЛЕКТРОННЫЙ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ СЛОВАРЬ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ, ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ, ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

В статье представлено понимание естественной категоризации мира, находящееся в основе создания электронного пропозиционально-фреймового многоязычного словаря; представлены на примере взаимосвязанных фреймов ассоциативные связи, производимые обыденным сознанием жителей Придона; представлена практическая значимость словаря для пользователей.

Ключевые слова: логическая категория, естественная категория, фрейм, пропозициональная структура, пропозиция.

Understanding of the natural world categorization, which is a basis for the creation of the electronic propositional-frame multilanguage dictionary is provided in the article; associative links, carried out by the ordinary people of the Don region, are presented through the example of interrelated frames; practical significance of the dictionary for users is represented.

Keywords: logical category, natural category, frame, propositional structure, proposition.

Глобализация открыла границы для сотрудничества людей разных стран. Отличительная черта XXI века – возможности межкультурной коммуникации как на уровне делового, так и обыденного общения. Люди различных национальностей, говорящие на разных языках, характеризующиеся различными культурными ценностями, различными формами вербального и невербального этикета, в силу, прежде всего, экономической потребности, взаимодействуют между собой. Необходимость взаимопонимания обусловлена и международным туризмом. Различного рода переговоры достигают положительного результата в том случае, если люди понимают друг друга, проявляя толерантность в общении. Как представляется, толерантность – это не только и не просто терпимость к сложившимся стереотипам поведения людей разных культур, это еще и понимание стереотипов, знание которых необходимо для эффективного общения.

Как выявить особенные и общие черты различных наций, как понять друг друга, что для этого необходимо сделать? Естественный ответ на данный вопрос – выучить язык. Легче всего это сделать, уехав в чужую страну, окунуться в языковую атмосферу, слышать, видеть, ощущать аромат иной жизни. А как быть, если такой возможности нет? Между тем появляются перспективы научного, делового сотрудничества. И язык необходимо выучить в достаточно короткий срок. В настоящее время в России достаточно много фирм, в

которых преподается иностранный язык с использованием новых методик. Анализ этих методик выявляет, что преподавание ориентировано на изучение языка в границах определенных тем, изложенных в предельно упрощенной форме. Это тексты, в которых содержатся диалоги: вопрос и примерный ответ на поставленный вопрос; в скобках кириллицей (для русскоговорящих) написано произношение иностранного слова. При мерно таким же образом устроены и разговорники для туристов. В современных двуязычных словарях обнаруживается стремление авторов давать рядом с основным словом значительное число однокоренной лексики с указанием значений и приведением контекстов. И все-таки изучать язык с использованием имеющейся сегодня учебной и лексикографической литературы достаточно сложно и неэффективно, о чем свидетельствует выбор в настоящее время гуманитарными факультетами вузов в качестве тестов при поступлении, где есть право выбора, не иностранного языка, а истории. Негативную роль при изучении языка играют также тесты, используемые в школах в качестве подготовки к ЕГЭ. В результате школьники знают написание слов, которые далеко не всегда могут правильно произнести.

Недостатком преподавания иностранного языка является то, что оно ориентировано на достаточно жесткие постулаты структурно-системной лингвистики. В настоящее время изменилась точка зрения на изучение языка. Если

традиционная лингвистика взяла на вооружение основные положения своего идеолога Ф. де Соссюра, изучая только внутрисистемные связи в языке, в отвлечении от человека, то современная, антропоцентрическая лингвистика выявляет особенности связи языка с мыслительной деятельностью человека. По сути дела, так рассматривался язык со времен Древней Греции, к когнитивному анализу языковых фактов лингвисты России обратились в конце 19 – начале XX века (А. А. Потебня, Кассирер, Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крущевский, Г. Г. Шпет и др.), время, которое В. И. Вернадский обозначил как третий взрыв в науке планетарного масштаба. Но, к сожалению, исследование языка в данном направлении быстро закончилось: в СССР во всех вузах и школах преподавание русского языка велось в структурно-системной парадигме, с этих же позиций он описывался учеными. Исследования языка за границей, в силу «железного занавеса», большей части русистов были неизвестны. Только в конце XX века лингвисты России вновь вернулись к антропоцентрическому анализу языка, анализу языка через человека. Стала актуальной фраза Потебни: язык – это человек.

Не менее актуальным стало обращение к тому, как человек познает мир. В свое время Потебня (а до него Кондальяк, еще раньше – Платон в диалоге «Кратил») отметил, что, познавая мир, человек постоянно сравнивает один предмет с другим, обнаруживая при этом сходство либо различие познаваемых предметов. Предмет без его связи с

другими, похожими или различными предметами, познать в принципе невозможно. В этом проявляется такая черта мыслительной деятельности человека, как дискурсивность, на что обратили внимание философы эллинской эпохи. Ученые в различных сферах научного знания, равно как и философы, более двух тысячелетий работали в рамках логических категорий Аристотеля, которые, несомненно, значимы как в точных науках, так и в жизненных ситуациях. Но, тем не менее, обычный человек мыслит преимущественно в рамках других категорий, о чем писали авторы Грамматики Пор-Рояля, Гумбольдт, Потебня, Выготский. Наиболее четко естественные категории научно обосновал Л. Витгенштейн [Лакофф 2004]. Человек на основании какого-либо, иногда достаточно далекого сходства, объединяет вещи в одну категорию. Данное сходство Витгенштейн обозначил как фамильное. Таким образом, слово, именующее вещь, может входить в разные категории. Например, когда человек говорит о завтраке, у него в голове связываются такие вещи, как стол, стул, кухня, вилка, нож, ложка, кофе, каша, бутерброд, стакан, чашка, бокал, кухонное полотенце и т.д. Ассоциативный ряд может быть продолжен в зависимости от того, что человек поглощает за завтраком, с помощью чего, на чем, где, в чем готовит пищу и т.д. В зависимости от употребления постоянно одного продукта выявляется ядерный элемент такой категории. Для одних это будет кофе (и все ассоциации, связанные с данным напитком), для других – чай (и соответствующие ассоциации), для третьих – бутерброд, для четвертых – каша. Таким образом, естественная категория подвижна, связана с особенностями жизнедеятельности индивидуума, члены категории соединяются между собой по принципу «фамильного сходства». Прототипичным для категории оказывается наиболее употребляемый предмет, обозначенный в языке конкретным словом. Для русского сознания завтрак ассоциируется, прежде всего, с кофе, чаем, бутербродом, кашей. Остальные

члены категории вариативны. Члены данной категории могут входить в иные категории. Например, кофе может входить в категорию не только потребления, но и производствия, изготовления, продажи данного продукта, равно как и чай. Стол, за которым завтракают, может входить в категорию мебели; вилки, ножи, чашки, стаканы, блюдца – в категорию посуды и т.д. То есть границы естественных категорий размыты. В разных языках эти категории могут наполняться разными смыслами, но принцип связи именуемых вещей для всего человечества един – пропозиционально-фреймовый. Данный подход и кладется в основу словаря нового типа.

Двуязычные и имеющиеся многоязычные словари, несомненно, совершенствуются, но, тем не менее, они пока мало чем отличаются от словарей, изданных в XX веке. Словари – результат практического применения положений действующей в лингвистике научной парадигмы. Предлагаемый словарь построен по принципу работы мозга человека, с учетом актуализации пропозициональных структур, единых для современной цивилизации. Учет действия пропозиций в границах пропозициональных структур выявляет специфику их реализации в каждом языке, что позволяет конструктивно решать коммуникативные задачи любой сложности. С помощью данного словаря можно одновременно изучить столько языков, сколько человеку необходимо для работы в разных общественных сферах. В словаре помимо означенных высказываний предполагается наличие видеоклипов той ситуации, которая представлена вербально. Цель видеозаписей – войти в языковую и культурную реальность, определить специфику невербальных компонентов общения.

Покажем вербальную пропозиционально обусловленную связь в пределах фреймов на материале русских донских говоров на уровне обыденного сознания, с тем, чтобы наглядно представить данную связь. В качестве исходного возьмем фрейм «корова», который есть в

каждой стране. Приведем свои рассуждения. Каждый, кого заинтересует рассматриваемая проблема, может изложить анализируемый материал на своем языке (английском, китайском, французском и т.д.). Представленное описание в совокупности позволит выявить, как реализованы слова в пределах рассматриваемой категории, какими формами они выражены. В результате можно определить особенности мировидения людей разных национальностей, показать часть языковой картины мира и оформить данный материал в качестве словарных статей пропозиционально-фреймового словаря.

Основным подспорьем в жизни жителей села является корова, которая дает основной продукт питания – молоко. Коров, как и других домашних животных, необходимо содержать в помещении (так же, как и остальных домашних животных); для них существуют пастбища; люди, которые ухаживают за коровами (работники, пастухи); для них готовится пища. Трудовые действия определяются временем, в течение которого работают люди с перерывом на отдых. Детеныши коров ассоциативно связаны в памяти человека с детенышами других животных. Таким образом, фреймы оказываются взаимно связанными, проявляя при этом в языке типизированный характер. По сути дела, фреймы, пересекаясь, являются собой узлы ассоциаций, позволяющие в совокупности представить оязыковленную картину мира.

Наглядно изложенное выше можно представить следующим образом.

Фрейм «корова»

Корова по количеству молока называется *молочницей*. Молочница – это корова, дающая большое количество молока.

Значимым является и возможность отела. Если корова не телится, ее называют *холостой, жеребой*; корову, которая телится часто, именуют *плодовитой*.

Яловую корову, которая доится второй сезон, называют *передойкой*. *Передойка не телится, а доится*

Наименования действий коровы, связанных с отелом, проявляют наблюдательность жителей сел: *починать* – состояние коровы перед отелом; *пропочинать* – находится в состоянии, непосредственно предшествующем отелу. По времени отела – *летошица*.

Отмечены названия коров, кормящих молоком своих детенышей. *Подсосая, подсоска* – кормящая молоком. *Корову телок сосет, она и подсосая.*

По степени упитанности корова, теленок (равно как и человек) называются *худоба*.

Любая породистая скотина именуется как *породная*.

Скотина, любящая гулять, блуждать именуется *пригульной, гулевой*.

Старая корова называется *постарелая*.

Имена коров по месяцу рождения: *Майка, Маечка, Октябринка*.

Быки используются в сельскохозяйственных работах. *Подручный бык=цабэ* – бык в упряжке слева. *Подручным быком называли того, что идет по непаханому полю, еще его цабэ называли*.

Фрейм «молоко»

В рамках пропозициональной структуры (ПС) «результат – действие – время» реализуется пропозиция «молоко, получаемое от коровы в определенное время суток». Данная пропозиция прототипична для обыденного сознания. В результате появляются такие номинации, как: *утреннее, утреннее, утренник; обедное, обедник, обедочник, обедечник; полдневное молоко: В полдень сдоили – это полдневное молоко, вечероное, вечернее, вечерошник*.

ПС «средство по внутренней характеристике» объективируется в пропозиции «молоко по степени жирности» – *каймачное*.

Данный продукт хранят в емкости из определенного материала – *порточное молоко: Для сцеживания молоко выливали в сумки. Сумки делали из портков. Туда выщеживали молоко, и портошное молоко получалось, а также в определенной посуде – кадушечное молоко*.

Различается молоко по способу

приготовления – *откидное. В сумочку откинешь, стекёт, откидное молоко пореже, чем творог; сбирочное молоко: Квасют, а потом в сумку откидывают и слаживают на зиму в кадушечку или в горшок, это и сбирочное молоко*. Таким образом, в сознании жителей *порточное, кадушечное, откидное, сбирочное молоко* – это одно и то же молоко, которое в зависимости от ситуации, цели коммуникации называется либо по способу приготовления (*сбирочное, откидное*), либо по месту хранения (*порточное, кадушечное*). Словообразительно-пропозициональная синонимия [Араева, Катышев 2000, Араева 2009, Шумилова 2010, Фаломкина 2012], используемая в речи, позволяет в нужной ситуации выделить необходимые качества продукта. *Порточное молоко* – это также сюзьма, творожная масса. Из молока делают масло, которое по способу приготовления называют *сколотянным маслом* (масло, сделанное вручную); *сбирочным маслом* (из топленой сметаны). Масло изготавливают также из растений: *сверпное масло* – из сурепицы. Вручную делается *сбирочный творог*.

Молоко есть и у других животных, что обуславливает такие названия, как *козье, кобылье молоко*, каждое из которых имеет особую ценность для человека. Используется и такое название, как *гадючье молоко* «сок одуванчика» (сок одуванчика по цвету напоминает молоко, по вкусу – горькое, как яд у гадюки).

Пополашное молоко – смешанное с водой для продажи. *Сним* – молоко на сним – молоко, оставленное для снятия сливок.

Названия посуды, средств для кипячения молока, изготовления масла: *топленник* – широкий горшок для кипячения молока; *течка* – желоб для сливания масла.

Остатки после того, как масло изготавляют, называют *сколотиной*. *Масло собыем, сколотина остается, свиней ей кормим*.

Фрейм «пища для скота»

Пища для скота: трушанка – смесь соломы и сена для скота; поспа – мука,

заваренная кипятком. Постой кормят маленьких телят.

Фрейм «болезни коров и других животных»

Болезни коров и других животных – *перелоги* – 1) боли в животе у животных; 2) болезнь у коров, когда перестают действовать задние ноги; *подсед* – болезнь желудка животного. *Поножная* – болезнь ног (у рогатого скота).

Фрейм «детеныши коров и других животных»

Название детенышей коровы входит в ряд именований детенышей животных:

по взрослому животному: *козельчик, куренок, курчонок* – оперившийся цыпленок, *соменок, лошонок*;

- по времени рождения: *летнух* – поросенок; *летница* – теленок;

- по временному признаку: *потёлка* – телка от 1 года до 2 лет; *зеленая телка*;

- по посуде, в которой готовится мясо детеныша – *сковородничек* – поросенок;

- по призывным словам: *цуник, цуцок* – щенок; *теля-теля* – теленок;

- по размерам: *малюн* – ягненок;

- по внешнему виду: *куцынёнок* – щенок;

- по сходству с формой какого-либо предмета: *шарёнок, кубёнок* – щенок;

- по сходству с другим животным: *волчок* – бычок, *тюлень* – бычок на втором году жизни; *курушата* – индюшата;

- по характеру: *бешеная тёлка*;

- по издаваемым звукам – *пискляк, писклок* – цыпленок. *Пискляк все орет* – исть хочет.

Фрейм «призывы животных»

В донских говорах отмечен ряд слов, с помощью которых призывают либо отгоняют животных.

Подзывают животных:

кось-кось – для лошадей;

козя-козя, кызя-кызя – для коз;

кеть-кеть, кыття-кыття, веч-веч – для овец;

кузю-кузю – для поросят;
кега-кега – для гусей;
Отгоняют животных:
кизи-кизи, кызы-кызы, кизь-кизь,
кырь-кырь, кыть-кыть – для коз и
овец;
цобе-цобе – для быков – налево;
цоп-цоп – для быков – направо.

Фрейм «пастухи»

Пастухи именуются:

- по объекту пастьбы: скотиня-
чий, овечный, овчарух, овчарник, бы-
чэтник; кайдальник (кайдал – стадо
на откорм);
- месту: отводчик (отвод – ме-
сто, где пасутся казённые лошади);
- действию: погоныч, погонеч,
погоныш;

Орудие пастуха: подсекальник –
кнут.

Действие: попас – пастьба. Пасту-
ху за попас кто деньгами платил, кто
зерном.

Фрейм «работники, ухаживающие за животными»

Работники, ухаживающие за жи-
вотными, представлены номинация-
ми: индюшатница, воловница – скот-
ница, валовник, овчарка.

Фрейм «помещение для животных и других нужд»

Отмечена группа помещений как для
животных, так и для других нужд жите-
лей сел:

- по животному, для которого
предназначено помещение: курыш
- курятник, свинух, свинятник,
скотник, птичник, коровник, те-
лятник;
- по сельхозпродуктам: сенни-
ца, соломник, мякинник, хлебник, за-
купной сарай – для закупаемого зерна,
запасный магазин – амбар для хране-
ния запасов общего станичного хлеба,
половник-половень-половня - амбар
для половы, бахчевник;
- по средству обогревания:
угольник – для угля и дров;
- по сельскохозяйственному
инвентарю: каретник: Закатник или
каретник, туда все закатывали на
зиму: косилку, веялку; возовой сарай,

повоzочный сарай – для повозок и с/х
инвентаря;

- по субъекту: доярница, доярня
– помещение для дойки коров в поле;
- по действию: закатный, вкат-
ной, подкатной, подлетный сарай, за-
катник = каретник: Закатник или ка-
ретник, туда все закатывали на зиму:
косилку, веялку. Подкатной сарай, под-
летный сарай – трехстенный сарай или
навес. В подлетный сарай можно под-
катывать воз и бахчу сложить;
- по месту расположения: подса-
рай – там брички, арбы, косарки;
- по времени использования:
зимник - теплый скотный двор и изба
при нем в поле.

Фрейм «земельные участки для выпаса скота»

Немаловажное значение для жи-
телей села имеют именования земель-
ных участков для выпаса скота:

поскотина – место отдыха скота;
толока – пастбище. Толока – это
выбитая земля. На ней пасут скот,
чтобы удобрить землю. Пасут 2-3
года;

торовище – место для стоянки
скота; место, на котором лежало жи-
вотное;

толочный пай – толока одного хо-
зяина;

пригул – участок земли для откор-
ма скота;

тырло – место отдыха и водопоя
скота в поле;

полевицна – место в поле для от-
дыха скота;

расход – пастбище;

попас – место, отведенное для време-
ненной пастьбы скота;

попасная трава – трава, посевя-
ная для скота.

Фрейм «время работы и отдыха»

Работа и отдых (чаще во время
сельскохозяйственных работ, но в од-
ном случае и в связи с кормлением те-
лят, что проявляет размытость границ
естественных категорий) сопряжены
со временем.

Одно из распространенных и
видных издалека деревьев Придонья
является дуб, описанный в мифах, в

устном народном творчестве и худо-
жественной литературе. В анализи-
руемых языковых формах проявляет-
ся сближение человека с природой и
самодеятельного развертывания своих
внутренних ощущений «в той мере,
в какой его духовные силы диффе-
ренцируются, вступая между собой в
разнообразные соотношения» [Гум-
больдт 1984: 104], запечатлеваяющиеся
в языковорчестве. Время определя-
ется жителями Дона через соотноше-
ние движения солнца по небосводу и
степенью видимости солнца по соот-
ношению с дубом, которая меняется
в зависимости от положения солнца
на небосклоне. В этом способе ис-
числения времени суток проявляется
способность жителей сел определять
время по природному ритму, который,
прежде всего, связан с прохождением
солнца по небосводу, и выделять объ-
ект, на котором отражается это про-
хождение. На солнце смотреть слож-
но, оно слепит глаза, а дуб – метка,
косвенным образом указывающая на
место нахождения солнца на небе.
Знание времени необходимо для опре-
деления времени подъема после сна,
начала и конца работы.

По соотношению дуба с солнцем
определяется время полдника.

Время в дуб – 10-11 часов. Время в
дуб, значить пора полдничать.

Солнце в дуб - 1. Положение солн-
ца над горизонтом при восходе или за-
кате. Солнца, кога садится или взошло
невысока, то говорять: солнца в дуб. 2.
положение солнца на небе в поддень.
Солнца в дуб стала в полдня, када са-
мая жара наступает днем. Одним и
тем же словосочетанием солнце в дуб
обозначается восход и закат (энанти-
осемия в пределах одного лексико-се-
мантического варианта); этим же сло-
восочетанием обозначается полдень.
Устойчивое в донских говорах слово-
сочетание Солнце в дуб многозначно,
включает следующие лексико-семан-
тические варианты:

1. Положение солнца над горизон-
том при восходе или закате. Солнца,
кога садится или взошло невысока, то
говорять: солнца в дуб;

2. Положение солнца на небе в
поддень. Солнца в дуб стала в полу-
дня, када самая жара наступает
днем.

В многозначности устойчивого выражения проявляется многомерность семантического пространства, сопряженного с реализацией пересекающихся пропозициональных структур: субъект – действие – место; субъект – действие – время. Данные ПС актуализованы в контекстах, но формально в словосочетании *солнце в дуб* представлена ПС «субъект – действие (имплицитно) – объект». То есть в обыденном языковом сознании жителей Дона за явленной формой, укороченной ввиду имплицитности действия (что характерно для русского языкового сознания в целом), на уровне бессознательного имеют место указанные выше ПС, которые эксплицируются в речевом контексте. Это то потенциальное, которое всегда имеет место в языке и при необходимости реализуется в речи, направляемое жизненным опытом и пропозициями, синтезирующими жизненный опыт. Выявленное наслаждение проявляет специфику ментальности описываемого этноса.

Употребления одного и того же выражения даже без контекста снимает двусмысленность, если оно произнесено в определенное время (восход, закат, полдень). В данном случае срабатывает жизненный опыт, ставшие стереотипными ассоциативные связи. Достаточно в полдень сказать «солнце в дуб», чтобы люди остановили работу и пошли отдыхать. Этому способствует ситуация: жара, в которую работать трудно. Чтобы легче перенести ее, лучше отдохнуть в тени, перекусить, с тем, чтобы потом, когда жара спадет, можно было работать более продуктивно. Когда человек вспоминает событие из своей жизни или говорит о времени как о факте, то в его речи всегда есть конкретизаторы: *солнце в дуб – взошло невысоко, садится; стало в полдня*. Совмещение в одном устойчивом словосочетании разных ассоциаций, связанных с прохождением солнца по небосводу, проявляет экономию речевых усилий и специфику пропозициональной связаннысти именуемых явлений в обыденном сознании.

Жителями Дона отмечается града-

ция восхода и заката солнца словосочетанием *солнце в полдуба*.

Солнце в полдуба - 1. Положение солнца на восходе или закате, более близкое к горизонту, чем «в дуб». *Солнца в полдуба*, значить *ешо не высоко поднялось*; 2. *Солнце на небе, близкое к положению в полдень*. Уже солнца в полдуба: пора кофеек пить. То есть в полдень – время обеда, а время, близкое к полудню, – это полдник. Таким образом, солнце в дуб и солнце в полдуба различаются значимой для жителей Дона градацией восхода и захода солнца (вероятно, что *солнце в полдуба* – означает более низкое положение при восходе солнца и более высокое при его заходе по сравнению с выражением *солнце в дуб*). Солнце в дуб во втором значении означает полдень, а солнце в полдуба – время, близкое к полудню. И тогда, когда солнце в полдуба, люди полдничают, а когда солнце в дуб – обедают. То есть эти разграничения имеют pragматическую значимость.

Солнце у дуба - Положение солнца, близкое к закату. *И поехал бы говорить, да солнце у дуба, перед вечером уж дела*.

Солнце за дуб - Заход солнца. *Солнца за дуб – эта солнцы заката, восемь часов; его не видна за дубом*.

Проявляется удивительное чувство семантики предлога: *солнце в дуб* (см. значение выше), *солнце у дуба* – это еще не закат, а время, близкое к закату (еще можно работать); *солнце за дуб* – закат солнца (прекращение работы).

Время обозначается также по приemu пищи людьми либо животными.

Ранние завтраки – раннее утро, время восхода солнца

Поздние завтраки – позднее утро, часов 9-10 утра. *Солнышко поднималось в ранние завтраки, а потом в поздние пошло*.

В свининой, в свинячий полдень - В 9-10 часов утра (первоначальное время кормления свиней). *Вот долго спала, в свинячий полдни встала*.

Телячья пора – утреннее прохладное время. *Телячье время до жары, по холодку пасется, а как чуть притечет, он сразу бегит в закуток*.

Телячье время – ранний вечер. *Раньше в телячье время и ребята и девчата домой приходили*.

В полдни, в полудни, в полудень, в полуднях, в полднях – в 3-4 часа дня.

Время суток определяется через соотношение солнца со временем приема пищи между работой. Если в приведенных выше словосочетаниях прием пищи имплицитирован, то в данных ниже словосочетаниях он эксплицирован.

Солнышко в завтраки – положение солнца в 7-9 часов утра. *Солнышко в завтраки – это восемь часов*.

Солнце в завтраках. Положение солнца в 8-9 часов утра. *Восемь-девять часов, солнце уж в завтраках*.

Солнце в полдни/ Солнце в полднях - Солнце в 3-4 часа дня. *Солнца ужсе в полднях, часа 4 дня*.

Солнце с полднен. *Солнце после полудня. Солнце ужсе с полднен – пора полудновать*.

Солнце в обедах, в обеды. О положении солнца в 12 часов дня. *солнцет в обедах, будем кушать*.

Солнце с обед. Положение солнца после полудня. *Ужсе солнци с обед пошла, часа три будеть*.

Таким образом, определение времени через соотношение солнца с дубом и через соотношение солнца с приемом пищи в определенной мере пересекаются, образуя пропозиционально обусловленные синонимичные отношения.

Отмечено несколько названий вечернего времени.

Подвечерок – предвечернее время.

Ранние подвечерки – 3-4 дня. *Победали в 12 часов, а подвечерки ранние в три часа*.

Поздние подвечерки – 6-7 часов вечера. *С обеда начнет светать – это ужс ранние подвечерки, а потом – поздние подвечерки*.

Солнце в подвечерках, в подвечерки – положение солнца на небе после полудня. *Подвечерки солнце свернули*.

Полдень - 12-2 часа дня.

Рабочее время суток определяется также по времени работы, называемом упругом.

Упруг - период, состоящий из нескольких часов сельскохозяйственных работ без перерыва.

Первый упруг – первый период работы с утра до полудня. Первый упруг – это рабочий день с 8 до 12 часов дня.

Второй упруг = обеденный упруг – период работы от завтрака до обеда. Во втором упруге хорошо работали, потом обедали. Он же обеденный упруг – период работы до обеда. Утром запрягали пахать быков, до обеда пашем, упруг обеденный.

Третий упруг – время работы от обеда до вечера. Я отработала уже третий упруг, темнеет уже.

Упряжка = упруг:

Первая упряжка – с утра до обеда;

Вторая упряжка – с обеда до окончания работы.

Приведенные устойчивые выражения взаимно дополняют друг друга, обозначая начало, окончание работы, перерывы на прием пищи. Синонимичные устойчивые выражения ре-презентируют пропозиции, в одной из которых объективируется очередность работы, в другой – прием пищи: второй упруг = обеденный упруг; либо – время суток: третий упруг = вечерний упруг. Все вместе они создают образную языковую картину мира, связанную с временной организацией летних сельскохозяйственных работ.

Закат солнца обуславливает определение времени по звездам. Одна и та же звезда в зависимости от времени суток называется вечерней либо утренней.

Вечерняя звезда (зарница, заря) – Венера. Чуть солнца упадет, она будет видна, вечерняя звезда.

Утренняя (утрешня) звезда (зарница, заря). Сегодня я проснулся и увидел утреннюю звезду.

Ночное и раннее утреннее время определяется по крику петухов (кочетов), которые, по народным поверьям, приветствуют восход солнца, а ночью своим криком отгоняют нечистую силу. Если дневное время в сознании жителей Дона соотносится с работой, то ночное время связано с гуляньем, а раннее утреннее время – с подъемом на работу.

До кочетов – до глубокой ночи, до пения первых петухов.

С кочетами – поздно (ложиться спать); очень рано (вставать).

Перед кочетами – до рассвета, перед петухами (вставать).

Первые кочета – о полночи (как факт).

С первыми кочетами – в полночь (вставать).

До вторых кочетов – очень долго, за полночь (прогулять).

Со вторыми кочетами – очень рано, до рассвета (вставать).

До третьих кочетов – до рассвета (вставать до рассвета).

Трети кочета – о наступлении рассвета (идти домой).

С третьими кочетами – на рассвете (вставать).

Ночью время определяется по звездам. Звезды называются по сходству с прототипичными для сельских жителей предметами:

Колодец – созвездие Большой Медведицы. Четыре звездочки – колодец.

Повозка – созвездие Большая медведица, похожее на воз.

Фрейм «цветовая гамма»

Широко в донских говорах представлена цветовая гамма, в том числе и названия коров и телят по цвету:

- по цвету овощей – *кабаковый, бурячный, капустный, тыкальный/желтый, цвета тыквы, тыквенный;*
- по цвету цветов – *маковый;*
- по цвету посуды – *бутылочный, бутыльный;*
- по цвету травы – *заблеклый, полowy – цвета половы: Половая овца кричит. Салатовая – о шали;*
- по цвету огня – *пламенный, жаровой;*
- по цвету драгоценных металлов – *золотый;*
- по цвету неба – *небесный;*
- по цвету золы – *зольный, золотый;*
- по цвету тела – *телешовый, тельный – телесный;*
- по цвету песка – *песковатый – песочного цвета. Песковатый цвет маркий;*

- по цвету кожи коров и телят: *рябчатый (о теленке) с белыми и черными пятнами; белобокенская – о тёлушке; буренка – корова бурого цвета.*

Описание можно проводить

дальше. Один фрейм оказывается сопряженным с другим, и так до бесконечности. Представленность материала в пропозиционально-фреймовом словаре проявляет лексику, обозначающую связанные с точки зрения человека реалии действительности. Отчасти таким образом построен Толковый словарь великорусского языка В. И. Даля. В данной статье показана ассоциативная нить пересечений, pragmatically значимых для обыденного сознания. Выявляется то, что актуально для каждого русского человека, занимающегося животноводством, в частности содержанием коров: помещения, работники, корм для скота. В тоже время сами лексические единицы порой оказываются специфичными. Например, временной цикл суток, сложившийся в языковом сознании жителей Дона, являет собой целостный, упорядоченный фрагмент картины мира, который органично входит в состав общей картины мира описываемого этноса, высвечивает особенности его жизненного уклада, укоренившиеся стереотипы.

Резюме

Научные конференции в России с приглашением иностранных ученых, поездки российских ученых за границу, участие бизнесменов в международных экономических проектах, создание единого образовательного пространства в рамках Болонского соглашения между странами Евросоюза обуславливают необходимость владения в современном мире несколькими языками.

Когнитивная лингвистика, учитывающая особенности работы мозга и реализацию этих процессов в языке, дает возможность более естественного изучения различных языков. Мир познается человеком посредством языка, с помощью языка человек устанавливает связи именуемых вещей в пределах категорий, на что в свое время обратил внимание Аристотель, выделив логические категории. Однако далеко не всегда человек с обыденным сознанием познает мир посредством логических категорий. Как отмечал А. А. Потеб-

ня, человеку свойственно в большей мере ассоциативное мышление, или, используя терминологию Э. де Боно, - латеральное.

В. фон Гумбольдт, задолго до Л. Витгенштейна, обратил внимание на то, что в языках (не только древних, но и в современных) слова объединяются говорящими в единую категорию на основе какого-либо одного общего признака, который значительно позже Витгенштейн назвал «фамильным», а сами категории – естественными, характерными для обыденного сознания.

В основе любого языка находятся одни и те же пропозициональные структуры. Являясь единными для всего человечества, они, проявляя дискурсивность мышления, оказываются в плenу той языковой системы, в которой реализуются в виде пропозиций. Как правило, фреймы имеют радиальный характер связи пропозиций, что является свидетельством латерального, творческого, ассоциативного мышления, именуемого явлением бытия по принципу «фамильного сходства» с известными ранее явлениями, то есть с опорой на жизненный опыт. Таким образом, можно констатировать, что познание мира осуществляется на основе естественной языковой категоризации мира, которая, по Лакоффу, аналогична когнитивной естественной категоризации, научно обоснованной Л. Витгенштейном.

Категории характеризуются полевым устройством, имеют размытые границы, что обуславливает их пересечение с другими категориями, существующими в языке.

Идея такого словаря основывается на уже имеющихся ассоциативных словарях, изданных в разное время А. А. Леонтьевым и Ю. Н. Кауловым. Но эти словари, имея научную значимость, непонятны обычному пользователю.

Предлагаемый словарь ориентирован на обычного потребителя, желающего знать другой язык. Каким образом должен быть устроен этот словарь? Выделяется фрейм и все метонимические, метафорические пропозициональные ассоциации, которые его репрезентируют.

Например: *корова* – место содержания – пастбище – корм – время кормления, дойки – работники – молоко – детеныши – продукты из молока и мяса коровы и т.п.

Каждое слово снабжено меткой, нажатие на которую позволяет прочесть (со звуковым оформлением фраз) все, что касается той или иной ассоциации. Человек, изучающий язык, может посмотреть, как именуются, например, детеныши других животных, какие поведенческие особенности этих животных выделяются в том или ином языке и т.п.

Фреймы сопровождаются видеопоказом описываемых фрагментов действительности с целью использования визуальных возможностей человека, изучающего язык, и видения им невербальных компонентов, которые применяются в речевой ситуации людьми разных стран.

Достоинство такого словаря в том, что в нем используются механизмы познания мира, свойственные представителям современной цивилиза-

ции. Сравнение дает возможность видения общих и дифференциальных фонетических, лексических, грамматических реализаций в каждом из языков.

В силу того, что данный словарь является электронным, он может пополняться новыми, актуальными концептами с реализацией их концептосферы.

Связанные между собой фреймы представлены в виде кругов с названиями фреймов, в каждом из которых заложена информация на разных языках, которая извлекается нажатием курсора.

Работы для исследователей много. Приглашаю к сотрудничеству любого, кого заинтересовала идея создания нового типа словаря в электронной версии, который окажет неоценимую помощь в межкультурной коммуникации и изучении иностранных языков.

Литература:

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 272с.
2. Араева Л.А., Катышев П.А. Представление о годовом цикле в системе отыменных суффиксальных существительных печатный // Актуальные проблемы русистики. – Томск: Изд-во ТГУ, 2000. – С.203-208.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкоzнанию. - М.: Прогресс, 1984. – 396с.
4. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
5. Словарь русских донских говоров. – В 3-х томах. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1976.
6. Фаломкина И. П. Пропозиционально-фреймовое моделирование словообразовательной ниши с формантом *–н/я/* (на материале русских народных говоров): Дис... канд. филол.наук. – Кемерово, 2012. – 260 с.
7. Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка). – Кемерово: КемГУ, 2010. – 199 с.

Асадов З.В., канд. филол.

наук, доцент

Бакинский Филиал

Московского

государственного

университета имени

М.В. Ломоносова,

Азербайджан

Участник конференции,

Национального первенства

по научной аналитике,

Открытого Европейско-

Азиатского первенства по

научной аналитике

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ В ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ (К ЭТНОЭЙДЕМЕ «СКРИП ТЕЛЕГ»)

В статье на материале памятников письменности Древней Руси рассматривается проблема отражения национально-культурной идентичности древних тюрков на основе анализа этноэйдема «скрип телег».

Ключевые слова: этноэйдема, лакуна, скрип телег, древние тюрки, этносфера.

In article is considered the problem of representation of national-cultural identity of ancient Turks on the basis of the analysis of the ethnoeydem «a squeak of carts» on a material of manuscripts of Ancient Russia.

Keywords: ethnoeydem, lacuna, a squeak of carts, ancient Turks, ethnosphere.

Сегодня исследователи отмечают довольно пестрый понятийно-терминологический аппарат для исследований инокультурных текстов (ср.: «безэквивалентная лексика» (Л.С.Бархударов), «лакуны» (Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин), «случайные пробелы» (Ч.Хоккет), «засуспенции» (Г.Д.Гачев) и др.) Подобные термины, фиксирующие расхождения в языках и культурах, составляют различную степень охвата исследовательского материала и потому отражают этнографические и лингвокультурологические характеристики текста более или менее точно. Л.А.Шейман и Н.М.Варич, исследуя национально-культурное своеобразие определенного этноса, считают целесообразным пользоваться понятием «этноэйдема» – «сквозного образа национальных картин мира и традиций различных этнических общностей, отраженных в языковом материале» [9, 44].

В нашем исследовании за основу изучения и исследования национально-культурной идентичности, отраженной в древних текстах, берется понятие этноэйдемы. Сразу отметим, что данный термин представляется нам наиболее приемлемым, так как он дает возможность непротиворечиво и последовательно сопоставлять и исследовать языки и культуры с помощью одного инструмента (в одних и тех же терминах). Иначе говоря, такой способ осмыслиения национально-культурных особенностей различных этнических общностей в рамках текстуально межкультурных элементов, исторически зафиксированных в памятниках письменности Древней Руси, представляется нам наиболее плодотворным. В этом отношении рассмотрим этноэйдему «скрип телег», зафиксированную нами в древнерусских текстах.

Как известно, печенеги, торки, кыпчаки, монголо-татары и другие древние

тюркские племена упоминались авторами летописей почти всегда как «поганые» грабители и разбойники, как жестокие безбожники («поганая измаилтины, рекомыя половци»). Достаточно в этом отношении обратиться в любой памятник древнерусской письменной культуры, в котором в той или иной степени отражены нашесть твия древних тюрков. Рассказы летописцев о разорении древнерусских городов древнетюркскими племенами (в основном, отметим, что возникшие на юге и северо-востоке Руси) очень широко известны в составе различных летописей и житий. Правда, следует и признать тот факт, что именно подобное отношение к русскому народу и русскому государству отражают почти все древнерусские памятники письменности, в особенности, древние летописи. Не углубляясь в данном вопросе, отметим, что до сих пор мнения многих ученых в этом вопросе сводится к одному: разрушительная сила Орды и карательные отряды древнейших тюркских племен от печенегов до монголо-татар нанесли огромный ущерб политico-общественной, морально-культурной жизни древнерусского государства (например, в рассказе о разорении Киева Батыем летописец прямо указывает, что хотя Батый сам лично пощадил воеводу Димитрия за его воинскую храбрость, но татары перебили всех, даже тех, кто пытался скрыться в церкви: «отъ тягости повалившаяся с ними стены церковныя»).

По-нашему мнению, весьма оригинально нашествие тюркских племен рисует Галицко-Волынская летопись, которая повествует о южнорусских событиях от начала до конца XIII века с достаточно полной информацией о биографии ряда древнерусских князей. В этой летописи помещен рассказ о взятии Киева Батыем в 1240 г. В начале этого рассказа читаем: «Въ лѣтѣ. 685. 7. мѣсяцѣ [6748

(1240)] Приде Батыи Кыевоу въ силѣ та же цѣ многомъ множествомъ силы своеи и окроужи градъ и осталпи си Татарская и быс градъ во ободержаны велицѣ и бѣ Батыи оу города и троци его бысъ дахуо градъ и не бѣ слышати ѿ гласа скрипания телѣгъ еї множества ревения вельблудъ его и ръжания ѿ гласа стадъ конь его и бѣ исполнена» [8, 536]. Как видим из данного отрывка, нашествие монголо-татарского хана Батыя олицетворяется летописцем со скрипом телег, от которого неслышно было «ревение» верблюдов, «ржание» коней. Словом, скрип телег для летописца означал начало прихода зла, насилия и разрушений: он олицетворял страх и гибель русской земли, увод жен и детей, разграбления и пожары, убийства и насилия... Этот же способ изображения летописцем натиска кочевников цитирует А.А.Пауткин, отмечая силу, мощь и опасность, исходящих из подобного изображения [7, 77-78].

Но почему древнерусский летописец использовал эпитет «скрип телег»? это было случайным образом выражением для автора текста или все же он имел в своей основе определенную коннотативную нагрузку? Или же автор выбрал для своего рассказа обычный эпитет того времени, или скорее всего какой-то литературный этикет, который характеризовал стандартный, карательный поход тюркских войск? Думаем, подобное наше суждение не лишено актуальности и смысла, так как древние летописцы, судя по их изображениям событий и действий в своих рассказах, действительно, не стремились копаться в мелочах. По справедливому замечанию А.А.Пауткина, «их прежде всего интересовали события и поступки, а не состояния и признаки» [7, 213]. Однако, выходит, что нарушения подобной

«стилевой закономерности» настойчиво побуждает задуматься над фактами, оказывающимися исключением из общего правила. При более внимательном лингвосоциокультурном анализе древнерусских летописей становится очевидным (может быть и естественным!), что отдельные фрагменты летописного текста насыщены пестрой стилевой конкретикой, где автор, думается, специально указывает и на состояния и признаки.

Заранее оговоримся: все это оказывается вовсе не так просто, как кажется. Назвать подобное образное выражение устойчивым сочетанием слов, или шаблонным образным выражением, или же просто литературным этикетом, означало бы совсем упростить специфику древнерусской письменной культуры. Академик Д.С.Лихачев, характеризуя метод работы древнерусского летописца, писал: «Летописец не столько рассказчик, сколько «протоколист»» [6, 262]. Исходя из этого мы можем добавить, что раз уж протоколист, то, следовательно, автор летописей не является очевидцем событий – он лишь фиксирует свидетельства других людей, участников событий, удостоверяя определенный исторический факт и превращая «чужую» информацию в летописный документ.

Отметим, что в какой-то мере летопись могла бы восприниматься в древнерусской средневековой культуре как своеобразный документ, однако снова возникает вопрос: всегда ли древний автор-книжник зафиксировал то, чего он сам не видел и не знал или всегда ли летописец руководствовался моловой и письменными источниками (договоры, посольские грамоты, ярлыки и т.п.)? Думаем, ответ будет неоднозначным, впрочем, как и само мнение вышеупомянутого академика Д.С.Лихачева. В этом отношении исследователь уже несколько иначе подходит к данному вопросу и весьма справедливо замечает здесь одну важную деталь, характеризующую древнерусскую средневековую письменную традицию: «Было бы неправильно усматривать в литературном этикете русского средневековья только совокупность механистически повторяющихся шаблонов и трафаретов, недостаток творческой выдумки, «окостенение» творчества и смешивать этот литературный этикет с шаблонами отдельных без-

дарных произведений XIX в. Все дело в том, что все эти словесные формулы, стилистические особенности, определенные повторяющиеся ситуации и т.д. применяются вовсе не механически, а именно там, где они требуются. Писатель выбирает, размышляет, озабочен общей «благообразностью» изложения. ... Перед нами творчество, а не механический подбор трафаретов – творчество, в котором писатель стремится выразить свои представления о должном и прличествующем, не столько изобретая новое, сколько комбинируя старое» [6, 90-91]. Стало быть, мы должны признать и второе замечание исследователя. Однако вопросы, поставленные нами выше, все же остаются открытыми. Потому попробуем ответить на выше поставленные вопросы с других аспектов, обратившись к самим древнерусским текстам. В первую очередь, сам летописец свою «писанину» характеризует четко и лаконично: «Хронографо же ноужа есть писати все и вся бывшая» [8, 820]. Но как не упустить это «все и вся»?

В этом отношении проанализируем вышеуказанный отрывок.

Дело в том, что в те времена тюрки, вообще кочевой степной народ, и на войну шел вместе с телегами и повозками, предназначенными для разных целей. Тюрки-кочевники не смазывали деревянные колеса своих телег и потому от них всегда издавался жуткий, страшный, хриплый звук, который вызывал своеобразный страх и напряжение. Однако все это для обычного степняка было дело обыденным, он жил под скрипом этих колес, он просыпался под гулом телег. В этом отношении Н.С.Борисов весьма тонко обрисовывает обыденную жизнь кочевника: «Вся жизнь степняка проходила под аккомпанемент однообразного и унылого звука – скрипа деревянных колес. Под этот звук он уходил и в мир иной... **Современному горожанину трудно не содрогнуться от этой дикой музыки** (выделено нами – З.А.)» [1, 252]. Добавим, что и в древности русские, как показывают памятники письменности Древней Руси, также не могли не содрогнуться от скрипа колес телег. Именно подобное употребление словосочетания «скрип телег» мы находим также в весьма известном произведении Древней Руси,

рассказывающем о победе русских князей Дмитрия Ивановича и его брата князя Владимира Андреевича над монголо-татарским ханом Мамаем, – в «Задонщине» («Слово Софония рязанца», известное в двух редакциях и пяти списках XV-XVIIвв.): «Уже бо возвеяша силнии вѣтри с моря на усть Дону и Непра, прилѣлѣяша великиа тучи на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в нихъ трепещут синие молнии. Быти стуку и грому велику на рѣчкы Непрядвѣ межь Дономъ и Непромъ, пасти трупу человѣчью на полѣ куликовѣ пролити ся кровѣ на рѣчкы Непрядвѣ. Ужебовѣскрипѣли телегы межь Дономъ и Непромъ, идоут хинове в Рускую землю» [3, 164].

Описывая нашествия Мамая, автор «Задонщины» сравнивает это зло со скрипом телег, которые исходили из войска Мамая, когда рать последнего двигалась на Русь. Интересно, что от этого скрипа телег, судя по словам автора текста, даже птицы под облаками начинают лететь и чирикать, вороны часто грают, галки говорят своим голосом, орлы кличут, волки грозно воют, а лисицы кости брещут, потому что Мамай на Русскую землю идет. Ср.: «А уже бѣды их пасоща птицы крилати, подъ облаки летаютъ, ворони часто граютъ, а галицы свою рѣчью говорять, орлы восклегчуть, а волци грозно воютъ, а лисицы на кости брещутъ» [3, 164-165]. Стало быть, не случайно, что степь для русского народа всегда была диким миром и не зря, выходит, что русские называли ее «Диким полем». «Образ жизни кочевников-степняков казался нашим предкам (имеется в виду древнерусскому народу – З.А.) «диким», то есть первозданным и примитивным. И если степь и манила русского человека, то лишь как манит все непонятное и запретное» [1, 252-253]. Как видим, письменная традиция Древней Руси показывает, что скрип телег в древнерусской лингвокультурной общности явно однозначно олицетворял нашествие врагов – а именно – древнетюркских племен.

Но вдруг, как будто памятники письменности Древней Руси отражают совсем иное употребление данного оборота. «Скрип телег» неожиданно становится для древнерусского человека чем-то родным, ему издавна знакомым (в

положительном смысле) и даже, можно сказать, чем-то приятным. Так, в «Слове о полку Игореве», в произведении о котором написано до сих пор более тысячи исследований, и которое, несмотря на всестороннее его изучение, до сих пор вызывает многочисленные дискуссии по поводу «темных мест», зафиксированных в нем, а также по поводу его автора и т.п., мы зафиксировали один, по нашему мнению, немаловажный отрывок. Неизвестный автор «Слова» изображает скрип кыпчакских телег с благородством, с особенной симпатией, сравнивая этот звук с мелодией «на небе парящих лебедей». Ср.: ...«Свисть рѣчью вѣста збися дивъ, кличетъ връху дрѣва, велитъ послушати земли незнаемъ, вльзъ и по морию, и по Сулию, и Сурожу, и Корсуню и тебѣ Тьмутораканский бльванъ. А половци неготовами дорогами побѣгоща к Дону великому: кричатъ тѣлѣгы по-лунощи, рѣзы, лебеди роспущени» [3, 97-98]. Наше толкование данного отрывка таково: «Свистом звериным всталъ вѣбесившийся Дивъ, кличетъ на верхушке дерева, велитъ прислушати землямъ незнаемымъ (незнакомымъ): Поволжью и Поморью, Посулю и Сурожу, Корсуню и тебя предупреждаетъ Тьмутораканский истуканъ (или камень). А потому что половцы неготовыми дорогами побежали к Дону Великому, кричатъ телеги въ полночи, словно лебеди испуганные кричатъ».

Не странно ли, что автор «Слова» вдруг подобно образно, довольно «мягкю» рисует картину нашествия кыпчаков? Н.С.Борисов, известный исследователь взаимоотношений степи и Древней Руси, этот отрывок называет довольно смелым сравнением автора «Слова» и пишет: «... Но если все же вы однажды заметите, что скрип несмазанных колес перестал раздражать ваш слух, – можете поздравить себя: вы пробудили в себе спящие гены степной цивилизации... Так, может быть, не так уж и неправы те, кто полагает, что в жилах автора поэмы текла степная кровь? (выделено нами – З.А.)» [1, 252]. Дело в том, что на первый взгляд обычное словосочетание «скрип телег» выражает, по нашему мнению, не только простую констатацию факта нашествия кыпчаков и обычное олицетворение кыпчакского ига путем определенного образного выражения. Словосочетание «скрип телег» несет

в себе целую культуру, целый быт, национально-культурную идентичность и нравы древнетюркской степной жизни, оно есть и само олицетворение жизни древних тюрков на Дешти-Кыпчаке. Вот как оплакивает автор «Сокровенного сказания» (XIII век) смерть Темучина: «Отошель ты государь мои, став поклажей скрипучей телеги... (выделено нами – З.А.)» [5, 69]. Значит, скрип телег действительно был для тюркского кочевника чем-то родным, очень знакомым ему с раннего детства, олицетворял в его сознании что-то связанное с его Родиной, со степью, с Дешти-Кыпчаком, и, наконец, олицетворял национально-культурную самобытность древнетюркского народа. «Запах полыни и тающий в бесконечности горизонт – это, так сказать, «поэзия» степной жизни. Но была у нее и своя «проза». Грязь и убожество ворьичного дома... Кислый запах овчины и давно не мытых человеческих тел... И наконец, все те же однообразные звуки – блеяние овец, мычание коров и скрип телег...» [1, 251-252]. А для русина же этот скрип всегда оставался смертоносящим предупреждением о нашествии тюрков, о приходе внешних врагов.

Следовательно, «в основе этноса лежит не похожесть особей, его составляющих, а связи, цементирующие коллектив и простирающиеся на природные особенности населяемого данным коллективом ландшафта» [4, 44]. Иначе говоря, природные особенности ландшафта в какой-то степени имеют тесную связь с формированием «этносферы» (термин Л.Гумилёва) народа: в нашем случае, скрип телег является ландшафтно-обусловленной характеристикой половцев, коннотативным кодом, связывающим историю природы, рельефа и образа жизни с историей самого народа. «Подобно метеорам, появлялись и исчезали кочевые империи, менялись их этнические названия (скифы, саки, гуны, аланы, авары, булгары, хазары, савиры, половцы, печенеги, татары), но с изменением имени язык древних кочевников не менялся, как и быт, так и образ жизни, и этнический характер и культура: тюрки по-прежнему жили под скрипом телег, в круглых или восьмигранных юртах, ели конину, пили кислое молоко (кумыс), пасли скот... (выделено нами – З.А.)» [2, 73]. Иначе говоря, скрип телег – как неотъемлемая «фигура» в жизни

и укладе тюркских кочевых племен, могла ассоциироваться только с этими племенами, что в открытом виде подтверждают и древнерусские источники.

Таким образом, считаем, что распространение понятия «этноэйдема» на исследование слов и выражений, олицетворяющих национально-культурную идентичность определенного этноса, представляется нам целесообразным и теоретически оправданным: такое расширение понятия «этноэйдема», с одной стороны, основывается на положении о тесной связи языка и культуры, а, с другой, выявление наряду с лингвокультурологическими и этнопсихологическими, языковых (лексико-семантических) черт способствует установлению некоторых конкретных проявлений корреляции языка и культуры.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики – Грант № EIF-2011-1(3)-82/81/5.

Литература:

1. Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М.: Молодая гвардия, 2004.
2. Будаев Н. Западные тюрки в странах Востока. Алма-Ата. 2000.
3. Древняя русская литература (под ред. проф. И.Н.Прокофьева). М.: Просвещение, 1988.
4. Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Кипчакская Степь в 945-1225 гг. // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана: Тезисы докладов и сообщений географической конференции. Алма-Ата. 1980. С. 41-57.
5. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1. М.-Л., 1941.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979.
7. Пауткин А.А. Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М.: МГУ, 2002.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Изд. 2-е. С.-Пб., 1908.
9. Шейман Л.А., Варич Н.М. О «национальных картинах мира» и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. Фрунзе, 1976. Вып.6. С. 38-49.

Галлямова М.С.,
канд. филол. наук,
доцент

Магнитогорский
государственный
университет, Россия

Участник конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике, Открытого
Европейско-Азиатского
первенства по научной
аналитике

ВЛИЯНИЕ ТВОРЧЕСКИХ ИДЕЙ ДЖОРДЖА ЛИЛЛО НА ФИЛОСОФСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ДЕНИ ДИДРО

В статье рассматриваются философские и этические доминанты в английской и французской литературе XVIII века. Взаимосвязь философии материализма с законами нравственности выявляется в сравнительно-типологическом анализе мировоззрения двух драматургов Джорджа Лилло и Дени Дидро.

Ключевые слова: эпоха Просвещения, Джордж Лилло, Дени Дидро, философия, буржуазия, мещанская трагедия, драма.

The article is devoted to the philosophical and ethical dominants in the English and French literature of the XVIII century. The relationship of materialism philosophy with the laws of morality is revealed in the comparative-typological analysis of two dramatists' ideology George Lillo and Denis Diderot.

Keywords: the age of Enlightenment, George Lillo, Denis Diderot, philosophy, bourgeoisie, domestic tragedy, drama.

Философию нередко представляют как весьма абстрактную науку, далекую от реальной, повседневной жизни. Нет ничего более абсурдного, чем мнение такого рода. В действительности все проблемы философия берет из жизни и решает их с единственной целью - помочь человеку в его совершенствовании и развитии, в достижении желаемых целей и идеалов, в преодолении трудностей и стремлении к успеху. Философия дает человеку богатый фактический материал для размышлений, а также эффективный инструментарий мыслительной деятельности. У литературы та же цель и аналогичные принципы.

Эпоха Просвещения объединила всех прогрессивно мыслящих представителей культуры, искусства, науки и философии. В первой половине века происходят существенные перемены в литературе Англии, Франции, Германии, а позже можно проследить единое направление данных изменений, очевидное сходство этических требований, критериев, выдвигаемых писателями, чье творчество было тесно и органично связано с философией.

Философские концепции Дж. Локка, Г. В. Лейбница, И. Канта предопределили чуть ли не на целое столетие взгляды просветителей на человеческую природу, на возможности, заложенные в человеке, и условия их развития, на сознание и его отношение к миру. В своем творчестве мыслители и писатели XVIII века хотели видеть в качестве героя человека естественного.

Просветительская литература, центром идей которой становится Англия, отличалась тематическим богатством и жанровым разнообра-

зием. Джордж Лилло (1693-1739) внес определенный вклад в развитие общего литературного процесса. Его мещанская трагедия лишь на короткое время заняла видное место в системе литературных жанров. Однако она не исчезла бесследно, а прошла сложную эволюцию и воплотилась в жанре драмы, родоначальником которого принято считать Дени Дидро (1713 - 1784). Так, идеи и образы Джорджа Лилло нашли продолжение в творчестве его последователей.

Интерес к пьесам английского драматурга со стороны критиков не ослабевает и сегодня. В последние годы появился ряд зарубежных исследований (Б. Бейка, Л. Коул, Л. Фриман), посвященных трудам Джорджа Лилло, различным аспектам его произведений. Однако наследие писателя многогранно, и в нем существует целый ряд составляющих, изученных не до конца. Так, нравственно-философская проблематика, которую стал развивать Дени Дидро в XVIII веке, основываясь на творческих работах своего английского предшественника, сегодня, как мы считаем, раскрыта не полностью.

В данной статье можно проследить, как нравственно-философские аспекты мировоззрения Джорджа Лилло, сформированные рецепцией культурного наследия эпохи Просвещения в Англии, отражаются в творчестве французского философа и драматурга Дени Дидро и как соотносятся между собой ценностные системы литературных традиций.

Курс идейного развития Дени Дидро от католицизма к материализму изображал путь нового класса буржуазии во время подготовки

французской революции XVIII века. Политический режим полного абсолютизма в силу развития мануфактур и технических изобретений и под влиянием промышленной революции в Англии переживал большой кризис. Франция находилась накануне промышленного переворота. Юридически дворянство и духовенство составляли два привилегированных сословия. Наиболее передовую, научную идеологию могла выработать буржуазия, являвшаяся на том этапе экономически наиболее прогрессивным классом, боровшимся за политическую власть. В отличие от Вольтера, сторонника либерального дворянства Д. Дидро поддерживал буржуазию. Именно он сосредоточил на себе ненависть реакционных идеологов дворянства и духовенства.

Дени Дидро целиком и полностью разделил точку зрения Джорджа Лилло на историческую перспективу и роль ведущего класса. Свои политические взгляды, философские и исторические взгляды, эстетическую систему - все то, что было подсказано реальным ходом социальной борьбы, Лилло и Дидро подчиняли непосредственным целям идеологического наступления. Еще никогда критика феодальных понятий и пропаганда новых идей и знаний не получали такого масштаба. Драматурги отрицали сословные привилегии, утверждали материалистический взгляд на природу, критиковали законы классицизма и объявляли свои новые правила и нормы. Эстетика просветителей предполагала принцип реалистического изображения действительности и

представление естественного человека в качестве героя. Девизом всей деятельности Дидро вслед за Лилло была фраза: «Людям разумным нравится лишь реальный мир» [1, 223].

С появлением пьес Джорджа Лилло «театр стал кафедрой проповедника» [2, 226]. Французский драматург преследовал ту же цель в своих пьесах. Для Дидро писатель - это общественный деятель, мыслитель, глубоко изучающий жизнь. Обращаясь к писателям Дидро пишет: «Составьте себе точные представления о жизни, согласуйте свое поведение с долгом, станьте добродетельным человеком и поверьте, что работа и время, затраченные на человека, не пропадут даром для автора. Моральное совершенство, которое воцарится в вашем характере и нравах, бросит отблеск величия и справедливости на все, что вы пишете. Если вам нужно нарисовать порок, подумайте, как враждебен он всей природе и общественному и личному счастью, и вы нарисуете его с силой. Если же речь идет о добродетели, то как вы сможете внушить любовь к ней, если не вдохновитесь ею сами?» [1, 247]

Становление и укрепление принципов английской мещанской трагедии во Франции началось в середине XVIII века и связано именно с появлением пьес Дени Дидро «Побочный сын» («Un fils naturel», 1757) и «Отец семейства» («Père de famille», 1758). Все это происходило под влиянием пьес Джорджа Лилло «Лондонский купец или история Джорджа Барнвэла» («London Merchant or the History of George Barnwell», 1731) и «Роковое любопытство» («Fatal Curiosity», 1736).

По теории классицизма обыденная жизнь иронически изображалась в низших жанрах. Дидро настаивал на высокой общественной значимости «частного существования» и для доказательства этого предложил новую схему деления на жанры. Это - веселая комедия, которая изображает смешное и порочное, серьезная комедия, повествующая о добродетели и долге человека, и трагедия, воспроизводящая семейные несчастья и социальные катастрофы. Однако главным жанром Дидро признавал мещанскую драму, в

которой сочетаются признаки серьезной комедии и трагедии.

Чувствительность и нравоучение - основные черты этого жанра, вопросы семьи и морали - его главные темы, добродетельные буржуа - преобладающие герои. Новый жанр, который возник благодаря Джорджу Лилло, вполне соответствовал задачам эпохи Просвещения, театр отменил все условия и стал проводником освободительных, философских идей.

Дидро перенял от Лилло достаточно много полезного для себя. Вслед за ним он делает героями своих произведений людей из обыкновенной среды. Пьесы его поучительны и написаны прозой. Новый герой пришел в искусство и на театральные подмостки, с которых уже сотню лет величественно декламировал Александрийские стихи высокопоставленный герой классицистических трагедий. Теперь зрители должны были принять героя буржуа, героя гражданина. В пьесах поднимаются новые проблемы. Не борьба человека с роком должна волновать драматурга, а борьба человека против общественной несправедливости. Таковы были взгляды Дени Дидро на теорию нового жанра, сформировавшиеся, во многом, под влиянием пьес Джорджа Лилло и английской мещанской трагедией в целом.

Теория драмы Дидро сложилась в борьбе с классицизмом. Основной недостаток классицистической трагедии Дидро видит в холодности. В ней, по его убеждению, действуют не живые, непосредственные люди, а надменные полководцы, короли, давно разучившиеся чувствовать и говорить просто и естественно. Д. Дидро считает, что придворно-аристократическая среда не то место, где писатель может найти своего героя. Дидро советовал драматургам посещать харчевни, кабаки, рыночные площади - там они могут встретить более поэтические характеры, чем в высшем свете. Для придания веса своей драматической теории Дидро ссылается на авторитет своего предшественника, Джорджа Лилло. Как он считает, в пьесах Лилло за kostюмами и гримом можно разглядеть настоящего человека.

Дидро ратует за драматургию острых, динамичных ситуаций, от-

ражающую напряженные конфликты действительности. Он стремится ввести в произведение человека сильных страстей, большого гражданского мужества. На наш взгляд, проблема положительного героя является центральной в драматургии Дени Дидро. «Всегда нужно думать о добродетели и добродетельных людях, когда пишешь» [1, 219]. Он боролся за объединение в герое высоких гражданских и простых человеческих черт.

Именно эти мысли легли в основу двух пьес Дидро «Побочный сын» и «Отец семейства». Фабула «Побочного сына» построена на внутренней борьбе в душе героя пьесы Дорвалья, который влюбился в невесту своего друга Клервиля и разрывается между двумя чувствами - дружбы и любви. Дорвалья в свою очередь любит подругу Розалии Констанция. Все действующие лица необыкновенно благородны. В конце пьесы выясняется, что Дорваль - побочный сын отца Розалии, таким образом, брак между ними не возможен, и запутанные отношения между героями разрешаются благополучно. Драма наполнена длинными диалогами о семейных добродетелях, любви, о воспитании детей и т. п.

Если в первой пьесе защищались права незаконнорожденных детей, то в другой своей пьесе, «Отец семейства», Дидро выступил на защиту права молодого человека выбирать себе жену по велению сердца, а не по желанию отца. Отец семейства (характерно, что у него нет даже имени), по мнению Дидро, - обобщенный образ идеального буржуа семьянина. Он обеспокоен поведением своего сына Сент-Альбена, который поздно возвращается домой. Выясняется, что юноша беззастенчиво влюблен в бедную швею Софи. Отец противится его женитьбе. Но, в конце концов, чувство человечности одерживает в нем верх над корыстными соображениями.

Дидро вводит в драматургию реального буржуа, который обладает передовым сознанием, имеет отзывчивое сердце, строгие моральные принципы как Торогуд в пьесе Джорджа Лилло. Только такая драма, с точки зрения Дидро, способна оказать мак-

симальное воздействие на народ, воспитать его в просветительском духе. Система таких художественных образов, реализуясь на уровне авторской теории, способствовала проявлению эстетического, нравственного идеала Дени Дидро в тексте его драм.

Эстетика Дидро тесно связана с его материалистической философией. Вслед за драматургом передовой английской буржуазии Джорджем Лилло, Дени Дидро учил изображать не абстрактного человека, а конкретного героя как члена общества, взятого в зависимости от определяющих его характер социально-бытовых условий. Дидро отрицал дуалистическое учение о раздвоении материального и духовного начала, признавая, что существует только материя, обладающая чувствительностью, а сложные и разнообразные явления - лишь результат движения ее частиц. Человек представляет собою только то, что из него делает социальный строй, воспитание и смена фактов. Мировоззрение людей формируется, прежде всего, об-

ществом, поэтому истоки нравственности следует искать в отношениях между ними.

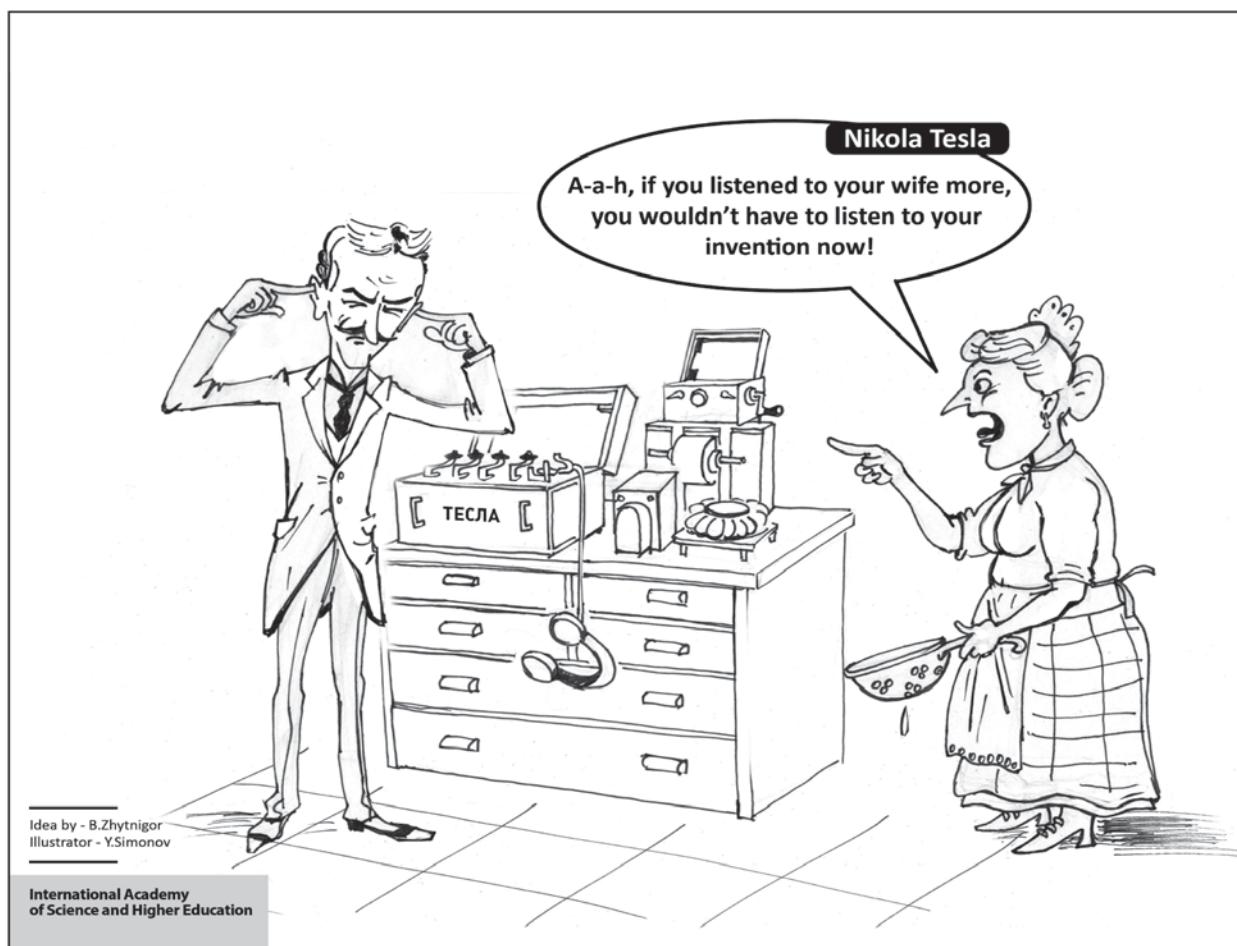
Мораль Дидро воспринимал как категорию социальную, определяемую общественными отношениями, а его атеизм был связан с его материалистическим мировоззрением и опирался на глубокие научные и философские знания. Дидро доказывал, что религия тормозит идеальное развитие общества, является средством порабощения людей; церковь - это воплощение религиозного суеверия и фанатизма. В своих политических воззрениях Дидро исходил из убеждения, что источником любой власти является средний класс. Поддерживая идею народовластия, Дидро считал республиканскую форму правления наиболее естественной и справедливой.

Признавая огромную воспитательную роль театра, Лилло, а вслед за ним и Дидро разрушили многие принципы классицизма, которые, став условностями, препятствовали

развитию литературы, а также проникновению в общественное сознание нового содержания и смысла. Драматурги требовали от произведений для театра реалистичности и идейности. Сюжет, согласно их точке зрения, должен основываться на событии жизненно подлинном, душой нового театра должен стать естественный человек в частных обстоятельствах. Таким образом, цель драматургов - воспроизведение жизненной философии материалистов и благородных нравов третьего сословия. Этому и посвящены драматургические и философские произведения Джорджа Лилло и Дени Дидро.

Литература:

1. Дени Дидро. О драматической поэзии. Перевод Р.Линцер//Дени Дидро. Эстетика и литературная критика. - М.: Худож. лит., 1980. - С. 216-300.
2. Thorlby A. The Penguin Companion to Literature. Baltimore, Md., 1969 - P. 226.

Evstafyeva A.,
Assistant Prof.
Togliatti State University,
Russia

Participant of the Conference,
National Research Analytics
Championship,
Open European-Asian Research
Analytics Championship

ON A LINGUIST'S MANDATE IN WRITING CONCLUSIONS REQUESTED BY THE LAW-ENFORCEMENT AUTHORITIES

The present paper addresses the issue of establishing the limits of competence of a linguist writing the studies upon request by the law-enforcement authorities. It tackles the issues of statuses of symbols that function in hate speech in conflict texts with the elements of verbal extremism.

Keywords: hate speech, conflict text, limits of competence of a linguist.

One of the tasks for an expert writing a study upon request by the law-enforcement authorities is to give answers to the posed questions within his/her competence. Thus, in the process of linguistic studies a philologist may only analyse a linguistic form of utterances. Verification of content of utterances, identification of psychological impact methods, image analysis etc. do not fall within his/her competence. However, it is not uncommon when the ontology of some utterances would set an expert thinking of which kind of study exactly should be undertaken, and does the linguistic form of a text always require a solely linguistic commentary. It should be noted, that prescribing a comprehensive study, which is envisaged to result in offering the expert opinions from various fields of booklore, may not be considered a nostrum in this case, since it implies that, though there is one and certain subject for the study, the conclusions by every expert shall be presented as a separate text containing the study confined by methods of certain scientific field.

Let us consider some disputable cases we were prompted by to write the present paper.

When responding to the request of local office of the Federal Security Service of the Russian Federation in regard to linguistic study of the leaflet headed “the Jews go up the tiles – the Russian nation dies” we found out that the utterance we qualify as a judgemental opinion with practical reference *«Four letters on the dreidel represent the cabballistic symbols denoting the four historic empires the Jews are playing with as they wish»*, contains an inaccuracy. This inaccuracy is contained in the fragment with practical reference *«letters on the dreidel represent the cabballistic symbols denoting the four historic empires»*. According to the Encyclopedia of Symbols by E. Sheynin, one of the Chanukah symbols is a tetrahedral “sevivon” spinning top [6,

p. 253]. The Russian Wikipedia contains the “Дрейдл” entry and there is English entry for “Dreidel” [1], providing other names for this spinning top (Yiddish: דְּרֵיְדָל plural: dreylekh, Hebrew: זְבִבָּן Sevivon) and it is confirmed that children do play with it as a Chanukah toy.

The names of the symbols are of particular interests here, which, in the opinion of the leaflet’s author, are representing *the four historic empires*. As such, we found no dictionaries, encyclopaedias or any other sources confirming that symbols on the dreidel sides really denote the empires. According to the abovementioned «Encyclopedia» and «Wikipedia», the four symbols are the four letters of the Hebrew alphabet. The following information is given in the English «Dreidel» entry of «Wikipedia»: נ (Nun), ג (Gimel), ה (Hei), ש (Shin), which together form the acronym for “*לו גדול חayah שם*” (Nes Gadol Hayah Sham – “a great miracle happened there”) [1].

Possibly, author of the leaflet was not aware of meanings of the four symbols. Since it is difficult to suppose what exactly were those four empires meant by the author, we may suspect that he had correlated the four symbols with the four cardinal directions – north, east, south and west. Presumably, with some information on the dreidel symbols the author let himself fantasize a bit and distort the information deliberately having mentioned some empires, which assertedly are *spinned and played with by the Jews as they wish*. Therefore, the information on a child’s play with the dreidel was presented by the author as the whole world, all the countries being manipulated by the Jews.

In the course of analysing this utterance from the leaflet we asked ourselves the following questions: Does a linguist have to discover the meaning of letters on the dreidel, which in the text goes as *«Four*

letters on the dreidel represent the cabballistic symbols denoting the four historic empires the Jews are playing with as they wish» without even mentioning what those four letter were? Could an expert in religious confessions be involved in discovering the meaning of these symbols? And who should decide on what kind of the text study is required – should it always be a person having legal education, a judge, for instance?

The necessity in involving an expert in religious confessions also comes to mind when reading the text of a leaflet headed «Whom the “Fathers” of the Church are employed by?», which was submitted for a study by the same law-enforcement authority. In the given leaflet there is an utterance *Hasidic sect Habad*, which may be classified as a judgemental opinion with practical reference or as a statement of fact depending on how an expert in religious confessions or political science would define a status of the Habad organization. A linguist, however, faces a challenging task: to define whether the word *sect* was used in a proper or a figurative meaning. When analysing this word we were guided by the New Dictionary of Russian Language by T.F. Yefremova, where one of the definitions gave a direct meaning ‘A religious community dissented from the established church’, the second was a figurative meaning and gave ‘A clannish group of persons retreated in their narrow group interests’. The latter meaning is labelled *infml* (informal, colloquial) [4, p. 578]. Thus, if author of the leaflet used the word *sect* in its direct meaning, the utterance represents a statement of fact. If however, the word was used in the figurative meaning, the utterance becomes a judgemental opinion with practical reference, and stipulates the necessity of performing a linguistic study with respect to degree and nature of the negative connotation.

Materials of the magazine headed «WinterAttack zine #3 (Extreme right peri-

figure 1

НЕ ГОЛЬ

odical)», submitted for a study by the same law-enforcement authority, contain various onyms, the graphic presentation of which made us think of the necessity to perform not only a linguistic, but a semiological analysis as well, which would help understand the status of the symbols in question, and whether they are letters, abbreviations, symbols or whatever they represent.

Speaking of status of symbols, we would like to take the liberty of describing the two tendencies occurring in materials of the pro-fascist orientation. Today, the graffiti, leaflets and radical magazines show the growing intention of not using the fascist swastika as an individual element but rather as a paralinguistic tool serving as a graphic design to an utterance. This instance stipulates a transition of message from the swastika directly to

the utterance itself (correspondingly, the significance of the utterance is amplified at both textual and subtextual levels) [3]. It should be noted however, that the revealed tendency does not imply that there is a total renouncing the swastika by the authors of pro-fascist texts.

This tendency is also revealed in the

names of the extreme right music bands and in the common text design of the discussed magazine (see Fig. 1 and 2).

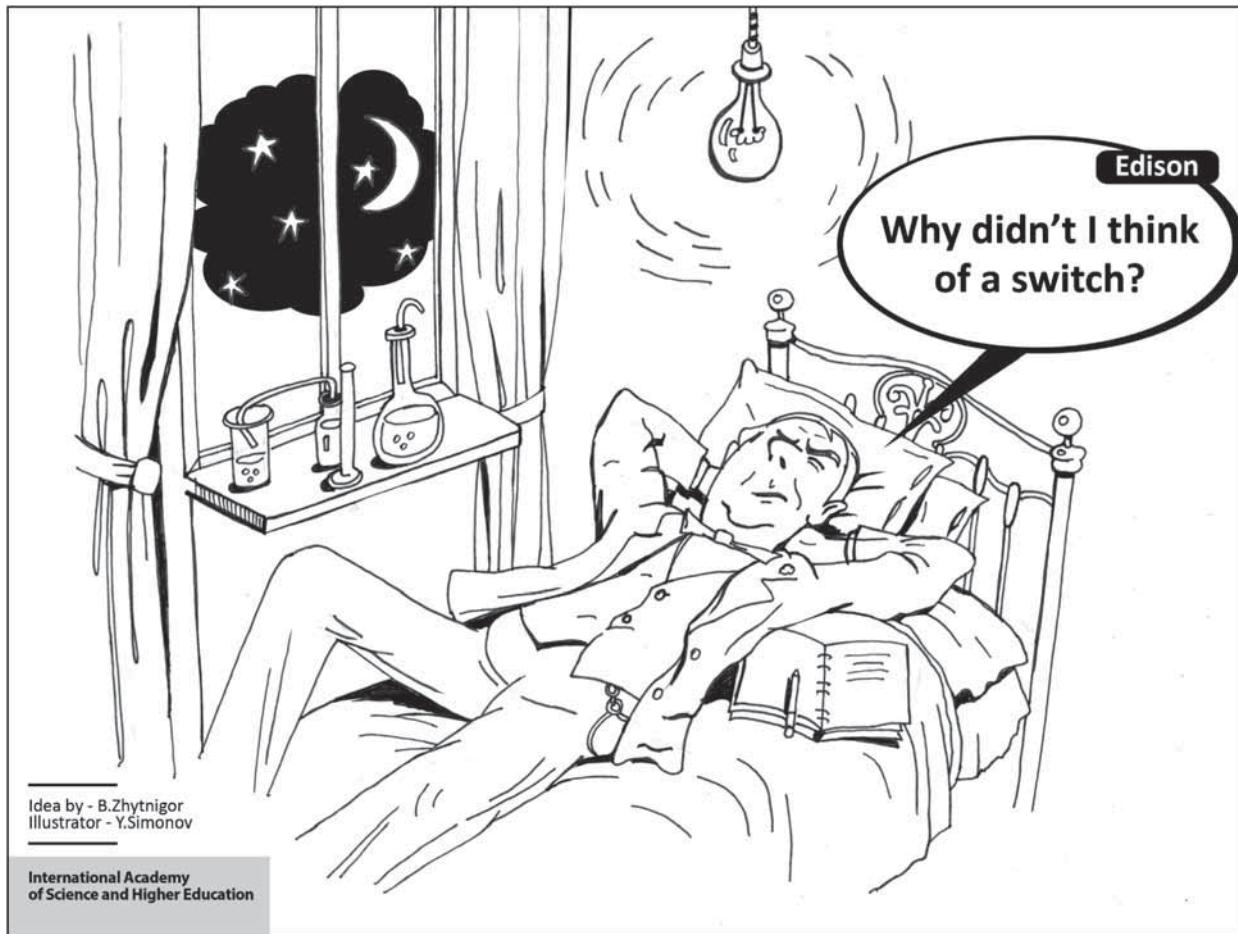
The second tendency appears in the graffiti and involves refusing (although not totally) to decorate the walls with popular Nazi swastika and going for parallel substitution with ancient pa-

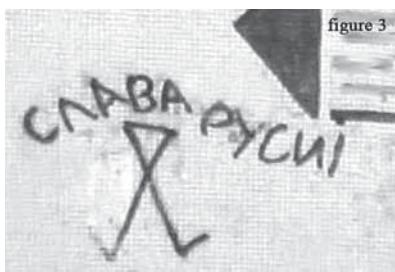
*Prices: £ 10.- (Europe & Rest of the World)
Whs prices: on request (Minimum order 6 copies)
Shipping: postage included to Portugal, Spain & Italy*

figure 2

Sturmkaiser project was born in 2003 to spread war and terror through its music. In the several years the band recorded one demo, one full-length (in 2 different editions, the first,

gan symbols, some of which represent symbols (e.g. triskele), and other being symbols and letters put together side-by-side (e.g. the Elder Futhark runes). As such, Figure 3 shows a snapshot of the wall inscribed with exclamation *GLORY TO RUS!* and the Odal rune above it. The Russian Wikipedia has the «Odal» entry describing the use of the Odal rune (ancient German Opila — «heritage», Anglo-Saxon Oefel) in Nazi symbolism [5]. The fact that today not everybody would be motivated to search the Web (not even on the extremely popular Wikipedia) for the meaning of ancient Scandinavian rune, gives the neo-Nazis an opportunity to use the rune as a cryptographic sign understandable only by “the insiders”.

It does not take to be a psychologist to understand that such tendency is determined by the intention of those drawing on the walls and fences to escape responsibility (for vandalism, drawing the Nazi insignia etc.), while at the same time making a public statement on their viewpoints, and leaving a reminder for “the insiders” with the aim of supporting loyalty to their creed etc.

Although it is fairly easy to determine the causes of the second tendency, it seems very difficult for us to conclude on the conditions of occurrence of the first one. Yet, none of the relevant literature on the subject under study has provided us with any of possible origins of the first tendency, which we may have considered convincing.

The phrase and the symbol in Figure 4 demonstrate actualization of both ten-

cies in the graffiti. Notably, this graffiti is still there on the wall of a secondary school right next to the place where the author of this paper lives, although the Nazi inscriptions and hate speech have been viciously and thoroughly painted out (by school officials?) with grey paint (see Figure 4: a grey part of the building to the left of the word *БЕГУЩИЕ* (*the running ones*)).

The word *БЕГУЩИЕ* (*the running ones*) serves as a substitute for the ancient triskele symbol and demonstrates actualization of the first tendency. Beside there is a swastika symbol enclosed in circle (in this case – the broken circle) resembling both Celtic and solar crosses, which is indicative of the second tendency actualization.

The studied word and the symbol were inscribed with the same handwriting by the same spray can as were the Nazi inscriptions and symbols, which had been straight away painted out with grey paint because of their barbarity and plainness to everyone. However, the word *БЕГУЩИЕ* (*the running ones*) and the cross-in-the-circle symbol were left untouched because of the function they fulfil (and not because the vandalism fighters ran out of paint!). Half-deciphered, inscribed with one word, and treated literally the triskele symbol, and the altered, simplified swastika started to function as cryptograms with two meanings: direct, literal and figurative (having a subtext only understandable among “the insiders”);

The story with inscriptions near the school has its sequel and relates to a linguistic spray art of neo-Nazis after the law enforcement authorities had failed with investigative work. Such art lies in creating hybrids of cryptograms and monograms. Their analysis goes beyond the subject of the present paper.

Although the authors of such graffiti have no ambitions as to their artistry (the wall inscriptions are rough-and-ready and look primitive), the “art” itself is of interest for a variety of experts.

Surely, the mentioning of these tendencies would not resolve the issue of limits of competence for a linguist, but it just poses the pending questions: Is it justifiable to consign a preliminary semiological analysis before the linguistic study? Does a linguist's competence cover the deciphering of pagan symbols, which formerly were used not only as symbols, but as the letters? Could an image inserted in letters (as in Figure 2) be a subject of linguistic analysis? Does a linguist's competence cover the deciphering of numerical abbreviations of the pro-fascist subject-matter?

Putting it in a nutshell, we would state that despite the growing demand for linguistic analyses, the forensic linguistics shows a slow pace of development, while the number of disputable issues does not seem to decrease. Assuming the importance of their job, the experts, in the course of their analysing the utterances, are trying to give a professional opinion, which has to be as objective as possible; however, due to series of causes, such objectivity is very rarely to be achieved.

P.S. The materials mentioned above have been provided not only for a linguistic, but for a psychological study as well (apart from the text in Figure 4.). Everything that was mentioned in the present paper has no concern with materials of any level of classification.

References,

1. Dreidel // Wikipedia [web-site]. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Dreidel> (access date: 12/11/2012).
2. Дрейдл// Wikipedia [web-site]. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Дрейдл> (access date: 12/11/2012).
3. A. Evstafyeva. Hate speech in the mass media: linguistic and extralinguistic functioning factors: the thesis for a candidate of Philological Sciences. 10/02/01. Togliatti, 2009. 298p.
4. T.F. Yefremova. The New Russian Language Dictionary. Explanatory-word-formative. Moscow, 2000. V.2: П-Я. 1088p.
5. Odal // Wikipedia [web-site]. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Одал> (access date: 12.11.2012).
6. E. Sheynin. Encyclopedia of Symbols. Moscow, 2003. 591p.

Залевская А.А.,
д-р филол. наук,
проф.

Тверской
государственный
университет,
Россия

Участник
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И МЕТАФОРА «ЖИВОЙ ПОЛИКОДОВЫЙ ГИПЕРТЕКСТ»

УДК 81'23

Значение слова в лексиконе человека идентифицируется посредством включения во внутренний контекст живого поликодового гипертекста – мультимодального продукта переработки разнообразного опыта познания и общения, который формируется и функционирует как многоуровневая самоорганизующаяся динамическая функциональная система кодов и кодовых переходов. Необходимость учёта (на разных уровнях осознаваемости) более или менее широкой сети эмоционально-оценочно маркированных выводных знаний и переживаний регулируется потребностями текущей ситуации естественного семиозиса и реализуется по множеству признаков разных модальностей.

Ключевые слова: значение слова, лексикон индивида, внутренний контекст, поликодовый текст, гипертекст, естественный семиозис.

Word meaning in a mental lexicon is identified in a certain inner context and mediates access to a personal polycode hypertext as a multimodal product of information processing, a multilevel self-organizing functional dynamic system of codes and code switching activity. The current situation of natural semiosis regulates the necessity of activating (at different levels of consciousness) more or less wide ranges of inferential knowledge which is evaluative-emotionally marked and evoked by multiple links based on dimensions and features of various modality.

Keywords: word meaning, mental lexicon, inner context, polycode text, hypertext, natural semiosis.

Вводные замечания

Известно, что идея гипертекста возникла в результате очередной попытки учёных «подсмотреть» у природы оптимальный способ организации некоторого вида деятельности, а именно – попытаться имитировать принципы работы мозга человека для повышения эффективности обмена информацией в современных условиях, позволяющих использовать всё новые достижения техники. В то же время представляется важным наличие теории, способной объяснить специфику ментального гипертекста и тем самым способствовать дальнейшему совершенствованию новых информационных технологий. Поскольку возможная теория такого типа была ещё в 1970-е гг. разработана в целях выявления принципов организации внутреннего лексикона человека (см.: [Залевская 1977; 1982; 1988; 1990; 1992; 2005; 2007; 2011; 2012а; 2012б]), ниже рассматриваются основные особенности единой информационной базы индивида как самоорганизующейся функциональной динамической системы – продукта переработки опыта познания и общения в процессе адаптации индивида к естественной и социальной среде. Особое место при этом отводится роли идентификации слова через его включение во внутренний контекст и двойной жизни значения слова (в социуме и в ментальном лексиконе), поскольку именно через социально закреплённое за словом значение индивид выходит на образа мира, который

в плане организации и принципов навигации может трактоваться как живой поликодовый гипертекст, вне которого никакое понимание или взаимопонимание реализоваться не может.

Специфика живого поликодового гипертекста

Теория специфики индивидуального поликодового гипертекста фактически была сформулирована в публикации [Залевская 1977], где речь идёт о слове как средстве доступа к единой информационной базе человека – системе «кодов и кодовых переходов» (термин Н.И. Жинкина). Особенности этой системы (включая специфику входящих в неё единиц и принципы их организации) выводились из анализа путей переработки человеком верbalного и неверbalного опыта познания и общения, что в сочетании с анализом результатов многолетнего экспериментального исследования привело к заключению о слитости слова у индивида с эмоционально-оценочно маркированными продуктами перцептивных и когнитивных процессов. Была также разработана модель процесса речемыслительной деятельности, постулирующая функционирование разнокодовых единиц в зависимости от этапа обсуждаемого процесса (от единиц высшего уровня обобщения, маркирующих компрессию смысла при формировании образа результата речемыслительной деятельности, до признаков и признаков признаков, определяющих направление поиска при вы-

боре слов и речевых моделей, а также на этапе речевой реализации). Тем самым рассматриваемая теория была с самого начала ориентирована на объединение в единую систему разнокодовых продуктов переработки индивидом его опыта взаимодействия с естественной и социальной средой. Обратим внимание на то, что такая трактовка хорошо согласуется с современными представлениями об архитектуре мозга и о специфике мозговой деятельности человека (см., например, [Голдберг 2003]).

Дальнейшее уточнение и развитие рассматриваемой теории шло по ряду направлений, из которых можно особо отметить следующие.

С опорой на работы И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, Л.В. Щербы, Н.И. Жинкина было показано, как через переработку многообразного опыта при множестве глубинных переходов слово начинает играть роль, сходную с ролью лазерного луча при считывании голограммы. Известно, что голограмма характеризуется, в частности, объёмностью и тем, что по её части можно восстановить целое, повернуть это целое разными гранями, увидеть его в разных ракурсах. Подобно этому слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.) при обязательной включённости в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при изначально подразумеваемой (на разных уровнях осознаваемости) целостности и эмоционально-оценочной поме-

ченности. Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был акцентировать внимание на том, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом, т.е. хранится в памяти и может быть из неё извлечено во всём богатстве установленных сущностей, их многомерных связей и отношений между ними.

В работе [Залевская 1982] было сделано уточнение специфики слова в индивидуальном лексиконе как точки пересечения множества связей по различным основаниям (продуктам переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта), в том числе не только по существенным признакам именуемых объектов (действий, состояний и т.д.), но по всем возможным видам признаков и, более того, по признакам признаков, каждый из которых может оказаться важным (существенным, характерным, актуальным) для некоторой личности в определённой ситуации. В книге [Залевская 1990] был обобщён опыт экспериментальных и дальнейших теоретических изысканий в области лексикона человека, а в [Залевская 1988] описательным путём введена спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, призванная показать всё расширяющиеся круги связей, выводных знаний и сопровождающих их переживаний, которые обеспечивают взаимопонимание при общении благодаря «раскручиванию» гипотетической спирали в двух направлениях: в прошлый опыт и в прогнозирование дальнейшего разворачивания ситуации по всем возможным линиям, из которых выбирается какая-то наиболее подходящая для текущего момента (по принципу «для меня – здесь – сейчас»). Соответствующий рисунок трёхмерного пространства (с пересечением осей «внешний контекст», «внутренний контекст» и «картина мира») был введён в книге [Залевская 1999: 246] с последующим указанием на то, что представленную на этом рисунке ось «картина мира» следует называть «образ мира», чтобы избежать смешения понятий «индивидуальный образ мира» (т.е. психический феномен) и «языковая картина мира» (т.е. продукт научного описания того, что закреплено языковы-

ми средствами и нашло отображение в текстах культуры) (см.: [Залевская 2007: 167]).

К числу важных для уточнения понятия единой информационной базы человека относится книга «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» [Залевская 1992], в которой фактически произошел переход на другое наименование, хотя по сути первоначальная трактовка того, что лежит за словом у носителя языка, не изменилась. Термин «индивидуальное знание», с одной стороны, продолжает акцентировать внимание на принадлежности знания (ранее – единой информационной базы) человеку как субъекту деятельности и личности, а с другой – противополагает индивидуальное знание знанию коллективному. Принципиально важным является подразделение коллективного знания на два подвида: «коллективное знание – 1» и «коллективное знание – 2»; под первым понимается функционирующее в культуре коллективное знание-переживание, а под вторым – только зарегистрированная в артефактах часть такого знания (т.е. тем или иным образом материализованные продукты протекающие в культуре процессов получения знания и пользования им в различных сферах жизни общества). Было показано, что индивидуальное знание тесно связано с обоими подвидами коллективного знания, в то время как научный анализ, ориентированный исключительно на «коллективное знание – 2» (в том числе – на тексты, грамматики и словари), неизбежно оказывается редукционистским. Была также сделана попытка осмыслить двойную жизнь значения слова, обращённого одной своей ипостасью к социуму, а другой – к личности, с целью объяснения того, как названное в свое время единой информационной базой человека «работает» в процессах познания и общения, обеспечивая успешность или ошибочность референции на разных уровнях индивидуального сознания и подсознания.

Фокусированию на двойной жизни значения и на специфике значения слова как «живого знания» посвящены монографии [Залевская 2011; 2012a], где также рассматриваются вопросы методологии психолингвистического исследования лексики и приводятся некоторые примеры из моего обширного опыта

экспериментальных исследований с применением внутриязыковых и межъязыковых / межкультурных сопоставлений.

Идентификации слова как включение во внутренний контекст

В лингвистических исследованиях контекст обычно трактуется как фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы. Такая дефиниция явно ориентирована на цели научного анализа, на работу с текстом как таковым. Иной акцент (не на тексте, а на сути именуемого) наблюдается в определении контекста как фона функционирования некоторой сущности, релевантного для её понимания [Васильева и др. 1995: 52]. Заметим, что в данном случае имеет место фактический выход за рамки лингвистики.

Если ставится задача через слово (и с учётом двойной жизни значения) выйти на то, что лежит ЗА СЛОВОМ в лексиконе как функциональной динамической системе, обеспечивающей принципиальную возможность доступа к образу мира индивида, то в качестве контекста выступит фон для идентификации некоторой сущности, а именно – некоторая проекция голограммы образа мира, которая увязывается со словом, имеющим смысл только при наличии такого фона. Мало назвать такой фон «эксталингвистическим знанием», необходимо понять специфику такого знания/переживания – ЖИВОГО ЗНАНИЯ как достояния ЧЕЛОВЕКА, к тому же не просто HOMO LOQUENCE – «человека говорящего», но ИНДИВИДА (как представителя вида и как личности), познающего мир, чувствующего и эмоционально-оценочно помечющего всё воспринятое, в том числе и связанное со словом – важнейшим инструментом познания, общения, адаптации к естественной и социальной среде. В такой ситуации для носителя языка слово слияется с именуемой им вещью (вспомним неоднократные высказывания Н.И. Жинкина о том, что слыша речь, мы думаем не о словах, а о действительности, см.: [Жинкин 1982]).

Иначе говоря, если для лингвистики как науки в центре внимания вполне естественно и закономерно находится ИМЯ

вещи, то для обычного носителя языка не менее естественно и закономерно главным оказывается имя ВЕЩИ (в широком смысле, т.е. речь идёт о любом объекте, действиях, ситуациях, качестве и т.д.). Но любая ВЕЩЬ существует не сама по себе, она не только представляет собой определённую сущность, но и имеет специфические признаки, выполняет те или иные функции, включена в какие-то необходимые или возможные ситуации, предлагающие как предшествующие условия и импликации, так и последующие следствия и т.д., а главное – любая ВЕЩЬ имеет некоторый СМЫСЛ, ту или иную значимость для индивида как личности, что переживается в плане соответствующей маркированности (обратим внимание на то, что «ни хорошо, ни плохо» – тоже определённая и вполне значимая метка). Как бы то ни было, но идентификация слова как имени ВЕЩИ требует обращения к образу мира, вне которого слово остаётся «пустым». То, в какой мере (до какого уровня «глубины») требуется актуализация лежащих за словом знаний и переживаний (т.е. раскручивается постулируемая мною спираль идентификации слова и понимания текста), определяется конкретной ситуацией естественного семиозиса (это же, кстати, наблюдается и при использовании комплекса экспериментальных процедур, именуемого мною психолингвистическим портретированием лексики: в зависимости от требуемого заданием уровня метаязыковой активности испытуемых всплывают весьма различающиеся глубинные контексты, см. подробнее: [Залевская 2011; 2012a]).

Иными словами, для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует – даже услышанное без верbalного и/или ситуативного контекста оно неизбежно актуализирует (на разных уровнях осознаваемости) некоторую ситуацию, представление об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных знаний, которые наше подсознание усердно готовит к использованию в случае необходимости. При этом целостность человека (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могут привести те

или иные действия и т.д.) и постоянная включённость индивида в те или иные естественные и социально-культурные «контексты» обеспечивают возможность удивительного и загадочного феномена на эмерджентности, благодаря которому на пересечении трех фундаментальных осей: ИНДИВИД (ЛИЧНОСТЬ), ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА), СОЦИАЛЬНЫЙ МИР (КУЛЬТУРА) возникает СМЫСЛ, не являющийся простой суммой значений слов, посредством которых можно было бы описать некоторое событие.

Иначе говоря, главное при исследовании процесса идентификации слова – не сам по себе факт наличия или отсутствия у предъявляемого слова некоторого вербального (т.е. «материализованного», «внешнего») контекста в его традиционной трактовке, а ориентация на выявление действий и операций, а также верbalных и невербальных опор, обеспечивающих выход индивида на глубинные связи и отношения, образы и обобщения, признаки и признаки признаков объектов, ситуаций и т.п., благодаря чему происходит идентификация слова как понимание/переживание смысла, на который указывает (или намекает) предъявленное в эксперименте слово.

Заключение

Итак, живой поликодовый гипертекст формируется нейрофизиологическими и психическими механизмами переработки информации в естественном и социальном окружении человека при постоянно изменяющихся условиях взаимодействия комплекса внешних и внутренних факторов. Успешность такой переработки и соответствие получаемых продуктов потребностям текущей ситуации достигаются за счёт выхода (через посредство социально принятого значения слова) на систему кодов и кодовых переходов, в своей совокупности обеспечивающих целостность образа мира при учёте (на разных уровнях осознаваемости) множественных выводных знаний и переживаний, увязываемых посредством опоры на эмоционально-оценочно маркированные признаки и признаки признаков тех или иных сущностей (объектов, действий, состояний, качеств и т.д.). В тот или иной момент времени любая из

таких опор может оказаться актуальной для личности, выступая в функции своеобразного «тэга» для актуализации определённого направления пути поиска в многомерной сети внутрикодовых и межкодовых связей.

Именно такая возможность лежит в основе эвристического поиска, способствует формированию эффекта эмерджентности через опору на живой поликодовый гипертекст.

Литература:

1. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М., 1995. 175 с.
2. Голдберг Э. Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация / Пер. с англ. Москва, 2003. 335 с. / URL: <http://the-fifth-way.narod.ru/ExecutiveBrain/index.htm>
3. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., 1982. 157 с.
4. Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977. 83 с.
5. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982. 80 с.
6. Залевская А.А. Понимание текста: психолингвистический подход. Калинин, 1988. 95 с.
7. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990. 206 с.
8. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992. 134 с.
9. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М., 1999. 382 с.
10. Залевская А.А. Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. Москва, 2005. 542 с.
11. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. 2-е изд. Москва, 2007. 560 с.
12. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь, 2011. 240 с.
13. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012a. 278 с.
14. Залевская А.А. Значение слова в индивидуальном лексиконе // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2012b. Vol. III. S. 479–493.

Колистратова А.В.,
преподаватель
Братский
государственный
университет,
Россия
Участник
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике

О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ БРИТАНО-АНГЛИЙСКОЙ СИТУАЦИИ

Статья посвящена исследованию эволюционного развития дискурса фольклора в контексте британо-английской ситуации. В связи с этим обсуждается проблема семиотической природы фольклорных знаков в различные периоды культурного развития общества, рассматриваются условия становления жанровой системы фольклора в процессе его исторического развития, а также поднимается вопрос о необходимости интегрированного изучения фольклорного дискурса.

Ключевые слова: фольклорный дискурс, жанровая система, возможный мир, архетип.

В настоящей статье представлены некоторые итоги исследования дискурса фольклора с привлечением положений теории возможных миров и аналитической психологии, позволяющие утверждать о наличии ряда особенностей, характеризующих данный тип дискурса.

В современной научной литературе представлен широкий диапазон определений понятия *дискурс*, которое является объединяющим началом в исследованиях гуманитарного знания. Особый интерес вызывает толкование данного понятия, принадлежащее Ю.С. Степанову. Ученый считает, что дискурс – это «первоначально особое использование языка для выражения особой ментальности» [Степанов, 1995, с. 38]. Другими словами, согласно теории Ю.С. Степанова дискурс продуцируется как особый «ментальный мир», конструируемый на основе архетипического бессознательного.

Таким образом, под термином *дискурс фольклора* мы предлагаем понимать следующее: фольклорный дискурс – непрерывно воспроизводимая, в процессе устной или письменной коммуникации, вербальная часть народного творчества, основанная на архетипическом бессознательном, создаваемая социальной или этнической общностью, в которой отражаются ее ожидания, культура быта, система ценностей.

Лингвосемиотический анализ эволюции фольклорного дискурса в британо-английском контексте ситуации указывает на то, что формирование нового фольклорного знания действительно происходит на основе архетипического бессознательного, существующего в сознании в форме определенных психических архетипов, и отражающегося в семантике языковых знаков, определенная совокупность которых образует фольклорные тексты.

Понятие «психический архетип» рассматривается в работе с опорой на положения, выдвинутые К.Г. Юнгом, следуя которым нам удалось выявить те самые архетипические следы в фольклорном дискурсе на разных этапах общественного развития Англии. В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что в текстах фольклора наиболее явно высвечиваются признаки психического архетипа Трикстера [см. К.Г. Юнг].

Следуя положениям теории возможных миров, представленных в работах современных ученых [см. А.П. Бабушкин, С.Н. Плотникова], получаем, что фольклорный дискурс выступает подобием такого дискурсивного «конструктора» мира, где происходит объединение представителей различных дискурсивных сообществ для достижения общей цели. В момент порождения дискурса они осуществляют совместное дискурсивное конструирование мира, понимание которого возможно посредством тщательного семантического анализа лексем, входящих в состав его высказываний.

Изучение основных этапов формирования англоязычного фольклорного дискурса позволяет выявить глубинные механизмы человеческого сознания и восприятия информации и проследить изменения мышления в процессе развития ценностей определенного социума в разные исторические периоды.

Следует отметить, что процесс исследования фольклорного дискурса эпохи Средневековья представляет собой достаточно сложную процедуру, поскольку проследить бытование фольклорных текстов той далекой от нас эпохи в процессе устной коммуникации не возможно. Более того, уникальность фольклорных текстов рассматриваемого исторического периода развития общества обусловлена сложностью поиска самих текстов. В

данной статье в качестве иллюстративного материала мы в основном используем примеры, заимствованные из книги Джорджа Тревельяна «История Англии» [Trevelyan, 1926].

В научной литературе эпохи Средневековья именуют «темными веками», однако данный период характеризуется также как время поисков нового содержания и новых форм культуры, положившее начало собственно европейской истории. Средневековая Англия – период в истории Англии, начавшийся в V веке с вывода римских войск из провинции Римская Британия и вторжения германцев, а закончившийся в XVI веке. Окончанием Средних веков в Англии считается период правления Генриха VIII.

Таким образом, рассматриваемая эпоха представляет собой длительный период в истории, в рамках которого происходило зарождение определенных механизмов человеческого сознания, вскрытие которых помогает лучше понять особенности современного дискурса фольклора.

В период раннего средневековья идеиные позиции феодалов и крестьян еще не оформились и крестьянство, только рождавшееся как особый класс общества, в мировоззренческом отношении растворялось в более широких и неопределенных слоях [Гуревич, 1990]. Однако необходимо отметить, что абсолютное преобладание сельского населения не могло не сказаться на всей системе отношений человека с миром: способ видения мира, присущий земледельцу доминировал в общественном сознании и поведении.

Привязанный к земле хозяйством, поглощенный сельским трудом, человек воспринимал природу как часть самого себя, и не относился к ней как к простому объекту приложения труда. Крестьянин рассматривал землю как свое продолжение. Картина мира,

которая доминировала в сознании средневекового крестьянина, оказываясь стабильной, неподвижной.

Необходимо отметить, что «средневековое общество в своей толще было обществом бесписьменным» [Гуревич, 1981, с. 19] в котором большая роль отводилась устной словесности. Таким образом, одним из основных фольклорных жанров той эпохи была поэзия бардов, которая помогала укреплять национальный дух и чувство превосходства перед завоевателями, истребляющими местное население и изгоняющими их с плодородных равнинных земель на горные территории.

Барды – (ирландск. bard, валлийск. bardd, слово неизвестного значения) — певцы-поэты у кельтских народов. Поэзия их — исключительно лирическая, с намеками на героизм, поэзия природы, любовная и религиозная. Главное назначение бардов — восхвальять своего правителя и хулить своих врагов. Барды пользовались, особенно у галлов и валлийцев, большим моральным авторитетом и влиянием на политические дела. Они были носителями национальной идеи, но в то же время и разжигателями внутренних распреяй [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/534/Барды].

Таким образом, становится вполне ясным смысловое содержание одного древнего уэльского заклинания, пророчащего судьбу захватчиков:

*Their God they shall praise,
Their language they shall keep,
Their land they shall lose except wild
Wales [Trevelyan, 1926, P. 47]*

Следующей важнейшей особенностью средневековой культуры является особая роль христианского вероучения и христианской церкви, которая имела доминирующее влияние на сознание населения. На фоне ограниченных знаний об окружающем мире, церковь предлагала людям стройную систему знаний о мире, его устройстве, действующих в нем силах. Эта картина мира целиком определяла менталитет верующих селян и горожан и основывалась на образах и толкованиях Библии. Таким образом, значение звучащего слова в средневековой культуре было чрезвычайно велико. Молитвы воспринимались функционально как заклинания, проповеди на библейские сюжеты — как руководство к обыденной жизни, маги-

ческие формулы — как способ решить проблемы. Все это формировало средневековый менталитет. Люди привыкли напряженно вглядываться в окружающую действительность, воспринимая ее как некий текст, систему символов, содержащих некий высший смысл. Эти слова-символы надо было уметь распознать и извлекать из них божественный смысл. Природа в средневековом понимании, как раз и была тем великим резервуаром символов, что можно проиллюстрировать следующими паремиями:

1. *Snowflakes are kisses from heaven.*
2. *Snowmen fall from heaven ... unassembled.*

Семантика слов “snowflakes”, “snowmen” представлена в словарях очень узким диапазоном интерпретанты. Так, “snowflakes” представлена следующими словарными дефинициями: 1) one of the small, feathery masses or flakes in which snow falls (RHDEL); 2) a small flat six-sided bit of frozen water that falls as snow (LDEL). Имя “snowmen” интерпретируется как 1) a figure, resembling that of a man, made out of packed snow (RHDEL); 2) snow shaped to resemble a human figure (WNCD). Семантика лексемы “heaven” раскрывается в словарной помете: “heaven is a common religious cosmological or metaphysical term for the physical or transcendent place from which heavenly beings (such as God, angels) originate, are enthroned or inhabit. It is commonly believed that heavenly beings can descend to earth or take on earth flesh and earthly beings can ascend to Heaven in the afterlife or in exceptional cases enter Heaven alive. Heaven is often described as a “higher place”, the holiest place, a Paradise. Some believe in the possibility of a Heaven on Earth in a World to Come [Wikipedia].

Таким образом, можно предположить, что употребление данных знаков в языке фольклора имеет общую интерпретанту «явления природы из Рая, святого, божественного места».

Преобладание особого «церковного» мировоззрения в эпоху классического Средневековья обусловило существование особой культуры, пронизанной элементами смирения, страха преодолевать который помогал целый мир смеховых форм, отражающих происходящие события. Так появился фольклорный жанр — перевертыши, активно использовавшийся актерами и певцами, выступающими на городских площадях во время народных праздников, ярма-

рок, гуляний. Приведем иллюстрирующий данное положение пример:

*A man in the wilderness asked me,
How many strawberries grow in the sea?
I answered him, as I thought good,
As many as red herrings grow in the wood.*

В данном примере, на наш взгляд, контрастируют два сценария, в одном из них опорной номинацией является *red herrings*, которая имеет переносное значение. Обратимся к анализу словарных дефиниций знака «red herrings»: 1) a fact or subject which is introduced to draw people attention away from the main point (LDEL); 2) something intended to divert attention from the real problem or matter at hand; a misleading clue; 3) something that distracts attention from the real issue (WNCD). Таким образом, по принципу семантического сложения выводим следующее внутрилексемное значение: a subject which is introduced to draw people attention from the real problem, a misleading clue that distracts attention from the real issue. Дефиниционный анализ выявляет наличие переносного значения словосочетания «red herrings», которое раскрывает иной сценарий, контрастирующий с первым. Другими словами, происходит игра смыслов, возникающая в результате противопоставления сценариев. Следовательно, можно заключить, что перестановки слов в фольклорном тексте осуществляют двойное действие: с одной стороны, создают комический эффект, объединяя несопоставимое, с другой стороны, происходит образование знака, обладающего новым семантическим значением. Таким образом, игровое начало фольклорного сознания, воплощенное в языковых формах фольклора, выводит человека в «возможный мир», в котором отсутствуют законы и правила реального мира.

Создаваемый языком фольклора возможный мир представлял средневековому человеку возможность проживать в нескольких возможных мирах, что является собой, по сути, реализацию функции Трикстера. В языке, проявление данного архетипа в эпоху Средневековья находит свое отражение в семантике знака, которая раскрывается в зависимости от контекста ситуации. Следующий пример также является яркой иллюстрацией специфических особенностей фольклорных текстов эпохи Средневековья.

One fine October morning
In September, last July,
The moon lay thick upon the ground,
The snow shone in the sky.

The flowers were singing gaily
And the birds were in full bloom.
I went down to the cellar
To sweep the upstairs room
(К.Н. Атарова)

Данный пример является прототипически сильной иллюстрацией архетипа Трикстера - логической подмены, способствующей конструированию «возможного мира». В данном примере отчетливо наблюдается нарушение отношений логического субъекта и предиката. Другими словами, предикатия отражает такое состояние субъекта, которое не соответствует ее основному свойству, отнесенности к действительности. Таким образом, можно говорить о нарушении логики здравого смысла, которая «мгновенно отделяет истину от вымысла и фантазии на основании принципа: «так в жизни не бывает» [3]. В результате семантического анализа лексем, входящих в состав представленного иллюстрационного материала было установлено, что бессмысленные, на первый взгляд, фольклорные высказывания обладают довольно мощной иллокутивной функцией, которую описать в текстах подобного рода сложно. Здесь наблюдается чисто игровая культура, в основе которой – ритм и, очевидно, иллокутивная функция определяется в природном назначении игры, которая ставит ритм выше смысла. Она не может быть определена более конкретно, в силу того, что назначение деятельности, связанной с фольклорным дискурсом не имеет выраженной pragmatischen цели, поскольку все фольклорные ритуалы, празднества – это попытки уйти от действительности, которая в средние века была суровой.

Необходимо отметить еще одну особенность, повлиявшую на становление мировоззрения Средневекового англичанина. Это активная христианизация общества. Именно в эпоху Средневековья миссионеры активно понесли христианство в массы. Как мы уже упоминали, христианство являлось идеальным стержнем культуры и духовной жизни средневекового сознания. Поскольку основная масса общества оставалась все еще неграмотной, мис-

сионеры должны были растолковывать народу основные положения богословия и внушать принципы христианского поведения. Для того чтобы в течение длительного времени удержать внимание публики некоторые миссионеры пользовались короткими рассказами, написанными виде притчей на житейские темы. Другими словами, была создана почва для образования таких фольклорных жанров как предания и легенды. Христианские миссионеры следовали и внедряли определенные доктрины о рае и аде, как попасть в один и избежать другого. Приведем пример, иллюстрирующий данное положение:

The present life of man upon earth seems to me, in comparison with that time which is unknown to us, like to the swift flight of a sparrow through the house wherein you sit at supper in winter; with your Ealdormen and thegns, while the fire blazes in the midst and the hall is warmed, but the wintry storms of rain or snow are raging abroad. The sparrow, flying in at one door and immediately out at another, whilst he is within, is safe from the wintry tempest; but, after a short space of fair weather, he immediately vanishes out of your sight, passing from winter into winter again. So this life of man appears for a little while, but of what is to follow or what went before we know nothing at all. If, therefore, this new doctrine tells us something more certain, it seems justly to deserve to be followed [Trevelyan, 1926, P. 51-52]

В противовес этим доктам в обществе существовали поэтические версии популярных суеверий о потусторонней жизни, что привело к образованию таких фольклорных жанров как быличка, сказка.

Очевидно, что вся культурная жизнь средневекового периода прошла сложный путь в своем развитии. Фольклор как составная часть этой культуры представляет собой не простую совокупность словесных форм устного народного творчества. Это целостная система народных знаний, особый национальный взгляд на мир. Что касается жанровой системы фольклора в эпоху Средневековья, то можно предположить, что она обусловлена ситуациями ритуализированного быта, структурами мифологического мышления и неотделима от них. Массовая средневековая

культура опиралась на изустные проповеди и увещевания. Она существовала через сознание безграмотного человека. Это была культура молить, мифов, легенд, заклятий, уличных песен бардов, приукрашенных проповедей служителей церкви.

В исторический период, именуемый в литературе, эпохой Просвещения (вторая половина XVII века в Англии) ведущая роль в духовном развитии народа переходит к профессиональному искусству. Литература и другие виды профессионального искусства начинают заимствовать фольклорные мотивы в силу их оригинальности. Данный процесс проявляется в количественном уменьшении объема фольклорного текста, в частичном или полном переосмыслинении его содержания. В качестве примера, иллюстрирующего данное положение, приведем фольклорный текст, изначально повествующий о великой чуме в Лондоне, первыми признаками которой были розовые пятна на коже человека и усиленное чиханье, а неизбежным концом – смерть. Однако, со временем, он утрачивает связь с историческим событием прошлого и функционирует в качестве безобидной детской песенки-игры.

Ring around the rosy

A pocketful of posies

"Ashes, Ashes"

We all fall down!

(http://www.rhymes.org.uk/ring_around_the_rosy.htm)

Анализ исторических корней детских стишков, собранных в книге “Mother Goose Rhymes”, указывает на то, что большая часть из них представляет собой переосмыщенную и сокращенную форму старинных заклинаний, поверий, обычаев, примет, заговоров, баллад, любовных песен и много другого. Таким образом, логично утверждать, что переосмыщенная сокращенная форма фольклорного текста эпохи Просвещения способствует зарождению особого возможного мира, в семантике которого запечатлевается иное отношение общества к миру.

Формирование культурных доминант эпохи постмодерна осуществляется под большим влиянием информационных технологий, создающих благоприятную среду для непрерывной смены культурного контекста. Стремительное развитие современно-

го мира требует столь же стремительных перевоплощений от личности, обусловленных сменой контекста интерпретаций.

В связи с ослаблением взаимодействия человека с земельными ресурсами, так называемая «жизнь по календарному циклу», которая была характерна для этноса, уходит в прошлое. Стремительный темп социального развития способствует переосмыслению сущности понятия «ресурс выживания», который взаимосвязан с непрерывным возникновением стрессовых ситуаций. Под *стрессовыми ситуациями* мы понимаем свершение событий, имеющих отношение к сохранению современных человеческих благ: престижа, материальной состоятельности, почета и уважения в обществе. Таким образом, страх становится ключевым видом человеческого отношения к миру. Страх вырывает человека из повседневной жизни и открывает нечто совершенно новое. Новое, всегда страшно, поскольку выступает в таинственном, необычном виде, источником которого является архетипическое бессознательное. Примерами, подтверждающим вышеизложенные суждения, могут послужить многочисленные городские сетевые легенды, презентирующие современный фольклорный дискурс.

Однако мы считаем необходимым, в рамках данной статьи, обращение к анализу современных сетевых городских легенд с целью вскрытия еще одной специфической особенности фольклорного дискурса, вернее того знания, которое заложено в высказываниях, формирующих фольклорные тексты. В качестве иллюстративного материала рассмотрим сетевую городскую легенду (3) *“The Tale of the Hookerman”*

(<http://urbanlegendonline.com>)

Следует подчеркнуть, что уже в первом смысловом единстве, рассматриваемого примера, наблюдается изменение дейктического обозначения времени.

Long ago, when the trains were still the main commerce transportation in the state, an accident occurred on the tracks of Budd Lake. Now these tracks, which run through Netcong, Flanders, and Budd Lake, were said to carry coal, and other fuel sources.

Таким образом, в рамках одного

смыслового единства наблюдается оппозиция дейктических слов *long ago – now*, которая конструирует особое пространство, пространство без временной границы.

Более того, употребление лексемы *trains* в высказывании *When the trains were still the main commerce transportation* указывает на определенный исторический период (XVII в.), характеризующийся наличием железнодорожного транспортного средства, используемого для удовлетворения потребностей общества.

Необходимо отметить, что с середины XVII века в обществе прочно укоренилась протестантская идеология, отличительной чертой которой является единство веры и знания. В этом плане интерес вызывает следующее высказывание городской легенды:

Now, for all intents and purposes, there actually is a green light that seems to hang over the tracks in this area – but unscarily enough it is supposedly due to chemical deposits in the soil, either due to pollution or natural mines. Still, the sight of the green light on the tracks in the middle of the night will always recall the tragic tale of the Hookerman.

В заключительной части фольклорного текста происходит рациональное объяснение причины. Речь идет о последовательном перечислении природных явлений – chemical deposits in the soil, pollution, natural mines. Таким образом, лингвистический анализ современного фольклорного дискурса позволяет сделать вывод о наличии тесной взаимосвязи архетипического и естественнонаучного знания.

Итак, в ходе анализа примеров, препрезентирующих фольклорный дискурс в процессе эволюционного развития были выявлены следующие характерные особенности: 1) фольклорный дискурс можно отнести к открытому типу дискурса, в котором инвариантные показатели восходят к архетипическому бессознательному; 2) в фольклорном дискурсе нарушаются основные параметры иллоктивной функции высказывания, что приводит к их нерелевантности с точки зрения речевого акта с практическим действием; 3) единство архетипического бессознательного и естественнонаучного знания является главной характеристикой фольклорного знания.

Литература:

1. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Принцип Причинности//Язык и наука конца 20 века. – М.: Наука, 1995. – С. 38

2. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirknig.com/> (Дата обращения 12.11.2011).

3. Бабушкин А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – 86 с.

4. Плотникова С.Н. Языковое. Дискурсивное и коммуникативное пространство//Вестник ИГЛУ. Сер. Филология: Язык. Культура. Коммуникация. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – Вып. 1. – С. 131-136.

5. Гуревич А.Я. Средневековый мир и культура безмольствующего большинства [Текст] / А.Я. Гуревич. - М.: Искусство, 1990.

6. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. - М.: Искусство, 1981.

7. Trevelyan, G.M. History of England. – Longmans, Green and Co. LTD, 1926. – 723 p.

Источники примеры:

1. Атарова К.Н. Стихи Матушки Гусыни: Сборник / Составл. К.Н. Атаровой. – На англ. и русск. яз. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 384 с.

2. Nursery Rhymes - Lyrics, Origins & History! http://www.rhymes.org.uk/ring_around_the_rosy.htm

3. Urban Legends <http://urbanlegendonline.com>

4. Словари:

5. LDEL – Longman Dictionary of English Language and Culture [Text]. – Edinburgh: Addison Wesley Longman, 1999. – 1568 p.

6. RHDEL – The Random House Dictionary of the English Language [Text]/ Ed. by Jess Stein. – New York: Random House, 1970. – 2059 p.

7. WNCD – Webster’s New Collegiate Dictionary [Text] / by G.&C. Merriam Co. – Springfield, Massachusetts, U.S.A., 1973. – 1535 p.

8. WNNCD – Webster’s Ninth New Collegiate Dictionary [Text] / MERRIAM-WEBSTER INC., Publishers. – Springfield, Massachusetts, U.S.A., 1991. – 1566 p.

Ли В.С.,
д-р филол. наук,
проф.
Казахский
национальный
университет
имени аль-Фараби,
Казахстан

Участник
конференций,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

Принято считать, что состояние современной лингвистики, тенденции ее развития невозможно охарактеризовать какой-то единой схемой, поскольку в силу своеобразия онтологии языка, его особой роли в жизни человека и социума в целом он действительно неисчерпаем и необозрим, как необозрима и жизнь человека. И сам человек живет прежде всего в мире языка, и язык – это «дом бытия» (по М. Хайдегеру). Понятно, что этот «дом» неисчерпаем, как бесконечно и неисчерпаемо и само бытие. Такой подход к языку, характеризующийся отказом от рассмотрения языка «в себе и для себя», предопределил такую тенденцию развития современной лингвистики, как формирование новых предметов лингвистики, «освоение новых «территорий», которые традиционно принадлежали другим отраслям научного знания. И лингвистика становится также неисчерпаемой. Неисчерпаемость современной лингвистики не только в том, что она в силу особенностей своего объекта изучения должна быть многогранной, но и в связи с высоким уровнем ее развития, под влиянием разнообразия подходов к языку, наличия многообразных теорий и концепций языка и, наконец, существования различных национальных и региональных школ и направлений, связанных с определенной национально-культурной и научной традицией. Многогранность лингвистики как науки можно объяснить и тем, что тенденции к интеграции гуманитарных отраслей знания,

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА VS. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ОТ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ К ВЗАИМООБОГАЩЕНИЮ

(НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА)

В статье на материале лингвистической экспертизы газетного текста рассматриваются проблемы использования научного аппарата современной когнитивной лингвистики для решения прикладных задач, связанных с праворегулированием. Приводятся теоретические положения концептуального анализа языка, используемые при лингвистическом исследовании конфликтных речевых произведений.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, концепт, концептуальный анализ, текст, лингвистическая экспертиза.

In the article on the material linguistic examination of newspaper text deals with the problems of the scientific apparatus of modern cognitive linguistics for applications related to right regulation. Theoretical position of the conceptual analysis of the language used in the study of linguistic conflict speech products.

Keywords: applied linguistics, concept, conceptual analysis, text, linguistic expertise

к консолидации наук не по объекту, а по решаемым проблемам привели к лингвистическому экспансионизму, в результате чего сама лингвистика утратила свои четко очерченные контуры. В свое время А.А. Леонтьев в докладе под весьма симптоматичным и полемичным названием «Надгробное слово «чистой» лингвистике» пишет следующее: «Простой анализ выходящей под маркой общей лингвистики литературы показывает, что она либо носит откровенно прикладной характер, либо перерастает в психолингвистику, нейролингвистику, социолингвистику и т.д., либо, наконец, срастается с логикой как наукой о выводном знании, философией и т.д.» [4, 308]. Однако эти «надгробные слова» «чистой», теоретической лингвистике весьма односторонне характеризуют действительное состояние современной теоретической лингвистики. Они свидетельствуют скорее не о «смерти» лингвистики как единой науки, а о ее новом облике и новых задачах, решаемых ею совместно с другими отраслями гуманитарного знания, с логикой и философией в том числе: «В основе всех понятий, с которыми оперирует логика и философия, лежат концепты естественного языка, заключающего в себе океан концентрированного опыта человечества, сокровищу недостаточно изученных и недооцениваемых знаний... Человек уже произвел (первичный) философский, логический и психологический анализ, и результаты его отражены и закреплены в языке.

Прежде чем двигаться дальше в любом из направлений, предлагаемых различными науками, необходимо извлечь все, что возможно из языка, и сделать это должна лингвистика» [9, 21]. Современная лингвистика на этом пути извлекла многое из того, что не было замечено традиционной «чистой» лингвистикой. Углубление научной рефлексии способствовало также изменению взгляда на язык, на его онтологические свойства, его предназначение в жизнедеятельности отдельного языкового социума и языкового индивидуума. И все это в совокупности предопределило новую роль лингвистики в системе знаний о мире и человеке и создало мистификацию кажущегося растворения лингвистики в других науках. Но одно бесспорно: противопоставление «чистой», теоретической лингвистики и лингвистики прикладной – не генеральная линия развития науки о языке, скорее, следует говорить о новых отношениях между научными дисциплинами. В связи с этим весьма примечательно мнение Вяч. Вс. Иванова, который в своей книге под много значимым названием «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» пишет следующее: «Связи языкоznания, с одной стороны, и шенноновской теории информации и колмогоровской теории сложности, с другой, представляют примеры того, как в будущем могут начать складываться отношения между научными дисциплинами. Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных

границ между ними наступит время исследований по проблемам, а не по установленному условному размежеванию сфер занятий. Можно надеяться, что от принятой сейчас традиционной и весьма консервативной классификации знаний уже скоро останутся одни воспоминания» [3, 29].

С этим мнением следует согласиться, поскольку, действительно, вместо традиционной «классификации знаний» пришло время нового «отношения между научными дисциплинами». Более того, эти новые отношения привели к новым дисциплинам, которые формируются по проблемам. Понятно, что изменились и задачи самой лингвистики, которая всё отчетливее приобретает облик междисциплинарной области гуманитарных исследований, о чем свидетельствуют такие названия новых «лингвистик», как прагмалингвистика (лингвопрагматика), геолингвистика, урбанистическая лингвистика, гендерная лингвистика, политическая лингвистика, юрислингвистика, лингвокультурология, лингвокриминалистика и др. Все эти дисциплины «носят открыто прикладной характер», в связи с чем появилось новое противопоставление (или противостояние): теоретическая лингвистика vs. прикладная лингвистика. Однако это противопоставление, как показывают состояния современной лингвистики и основные тенденции ее развития, представляется надуманным, поскольку проблематика теоретической и прикладной лингвистики оказалась единой. Более того, стало совершенно очевидным, что решение прикладной задачи невозможно без использования научно-исследовательского аппарата теоретической лингвистики. В свою очередь, прикладные задачи выявили новые аспекты, казалось бы, сугубо теоретической проблемы, способствовали формированию новой методологии науки о языке. Всё это заставляет говорить не о противостоянии «чистой», теоретической лингвистики и лингвистики прикладной, а о взаимообогащении их. Покажем это на материале лингвистического ис-

следования текста для решения прикладной задачи, а именно, задачи правового регулирования.

Одно из главных правил проведения лингвистической экспертизы – оставаться в рамках компетенции специалиста-лингвиста и не решать сугубо юридические задачи. Так, при экспертизе конфликтного текста перед лингвистом часто ставится вопрос об оскорбительной направленности, например, газетной публикации. Однако при этом одновременно ставится вопрос и о клеветническом характере публикации. Обычно лингвист-эксперт отвечает, что этот вопрос сугубо правовой и на него должны отвечать судебные органы (см. об этом [1], [5], и др.). Тем не менее, нередки случаи, когда собственно лингвистический анализ текста позволяет определить, считать публикацию клеветой или нет.

В одной из казахстанских газет была опубликована статья, которая была написана на материале интервью, взятого журналистом у независимого юриста, против которого после появления публикации было возбуждено уголовное дело за распространение клеветы в печати. Перед лингвистом был поставлен такой вопрос: «Можно ли считать, что представленная на исследование газетная публикация с интервью Абдулова Р.С. по своей общей направленности, по своему содержанию соответствует понятию, которое в языке обозначается словом «клевета»?». Приводим краткий вариант заключения специалиста.

Для ответа на поставленный вопрос целесообразно провести концептуальный анализ слова клевета, поскольку такой анализ в отличие от традиционного лексико-семантического позволяет установить все смысловые компоненты, которые содержит слово как выражение определенного понятия, именуемого концептом. В лингвистике представлено несколько определений термина концепт (от лат. *conceptus*) (см., в частности, работы [2], [8] и др.). Часто его отождествляют со словом понятие или представление. Обычно же концепт рассматривается как единица нашей когниции, т.е. как представитель всей суммы знаний о каком-либо явлении действительно-

сти. Не случайно в некоторых новейших словарях дается такое толкование слову концепт: «В лингвистике: исторически сложившийся целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых значений, относящихся к основополагающей ментальной, духовной или жизнеобразующей физической сфере бытия человека» [7, 362]. В нашем случае для ответа на поставленный вопрос необходимо определить именно тот «целостный, понятийно (идейно) нерасторжимый комплекс языковых значений» слова клевета, который следует соотнести с содержанием представленной на исследование публикации, прежде всего с содержанием интервью Абдулова Р.С.

Комплекс языковых значений, передающих наши знания о мире, которые представлены в концепте клевета, состоит из нескольких смысловых компонентов, отражающих разные аспекты анализируемого концепта (эти смысловые компоненты в лингвистической литературе принято заключать в лапки (‘……’)).

Для установления первого смыслового компонента необходимо определить так называемую деривационную природу слова клевета. Это слово относится к отглагольным именам типа дело, работа, забота, тревога, бег. Слово клевета образовано от клеветать. Это – глагол несовершенного вида, и его видовая семантика формирует важнейший компонент концепта клевета. Несовершенный вид русского глагола имеет несколько значений. В нашем случае актуальным является значение, которое в видовой паре глагола проявляется в оппозиции ‘контролируемость – неконтролируемость’. При этом совершенный вид (СВ) способен обладать семантическим компонентом ‘неконтролируемость’, в то время как несовершенный вид (НСВ) обязательно связан с компонентом ‘контролируемость’. Наглядно такое соотношение можно продемонстрировать на таких примерах: *Не урони* (СВ) – *Не роняй* (НСВ), *Не разбей* (СВ) – Не разбивай (НСВ), *Не упади* (СВ) – Не падай (НСВ) и т.п. Как можно заметить, совершенный вид в этих парах обозначает

действие, происходящее в случае неконтролируемости его со стороны субъекта, поэтому можно сказать Не разбивай случайно эту тарелку. Несовершенный же вид в приведенных примерах обозначает действие, зависящее от субъекта, контролируемое им. Поэтому фразы типа *Не разбивай случайно эту тарелку воспринимаются как неправильные. Показательно, что иностранцы, плохо владеющие русским языком, и в языковом сознании которых еще не сформировалась четко видовая оппозиция русского глагола, могут сказать: *Не открай окно вместо Не открывай окно. Таким образом, клеветать, глагол несовершенного вида, содержит в своей семантике компонент ‘контролируемость’, т.е. обозначает действие, которое контролируется субъектом, полностью зависит от его целей и намерений. Именно этот семантический компонент мотивирует значение слова клевета, которое именует такое действие, состояние или событие, которые контролируются субъектом, зависят от его воли, намерений и целей. Задачей лингвиста для ответа на поставленный судом вопрос является установление именно этих намерений и целей и соотнесение их с семантическим компонентом слова клевета. В этом слове, как и в слове клеветать, содержится семантический компонент ‘порочить, обесчестить’, реализующий видовое значение контролируемости. Содержится ли этот семантический компонент в представленной на исследование публикации и каковы же ее цели, намерения, прежде всего помещенного в ней интервью Абдулова Р.С.? В тексте интервью эта цель передана след. образом:

При изучении обстоятельств дела и истории взаимоотношений бывших партнеров на протяжении почти пяти лет возникает вопрос – отчего независимый юрист буквально сел «на хвост предпринимателей? Он ведь и по сей день бьет во все колокола, пытаясь привлечь внимание финансовой полиции, органов внутренних дел и прокуратуры, комитета национальной безопасности, агентства РК по борьбе с коррупцией.

Как можно заметить, цель Абдулова Р.С. – борьба с коррупцией и теневым бизнесом, а не желание опорочить и обесчестить кого-либо, т.е. нельзя считать, что у Абдулова Р.С., когда он давал журналисту интервью, было намерение оклеветать кого-либо, распространить через газету клевету. Таким образом, первый смысловой компонент концепта клевета ‘опорочить, обесчестить’ отсутствует в исследуемом тексте. Цель публикации – привлечь внимание общественности и правоохранительных органов к коррупции в теневом бизнесе.

Второй семантический компонент концепта клевета – ‘надуманность, ложность’. Этот семантический компонент обычно используется при толковании слова клевета: «Ложное обвинение, заведомо ложный слух, позорящий кого-л., а также распространение таких слухов» [6. Т. II, 56]. Для решения правовых вопросов и вопросов, связанных с коммуникативными (речевыми) конфликтами, важно не только проверить сообщаемую информацию на соответствие ее действительности, но и определить источник такой информации. Понятно, что первая часть этой задачи (соответствие информации действительности) не является предметом лингвистического исследования, но источник информации может быть установлен. Для этого необходимо провести семантический анализ текста с использованием понятия авторизации. С помощью этой категории излагаемая в тексте информация квалифицируется в отношении источника и способа ее получения. Другими словами, говорящий (пишущий) обязан, сообщая информацию, во-первых, квалифицировать ее как свою или чужую, во-вторых, квалифицировать информацию по способу ее получения. В представленном на исследование материале в качестве средства выражения категории авторизации выступают ссылки на источник полученной информации:

Ко мне подходили родители, чьи дети были замешаны в «кладбищенском скандале», называя прямо организаторов сбора металлолома с могил. Вот когда я впервые услышал о Фариде Исмаилове как о главе группировки.

Этот и другие фрагменты из интервью Абдулова Р.С. свидетельствуют о том, что сообщаемая им информация не является его выдумкой, а взята из указанных им источников. Таким образом, анализ содержания публикации с интервью Абдулова Р.С. свидетельствует о том, что сведения о Ф. Исмаилове не являются какой-то выдумкой Абдулова Р.С.

Третий обязательный семантический компонент концепта клевета – ‘негативная информация о ком-либо или о чем-либо’. В данном случае критерий достоверности или ложности сведений не учитывается, а только признак наличия отрицательной информации, поскольку даже ложные сведения о ком-либо, положительно характеризующие его, не относятся к клевете. Ср, комплименты, дифирамбы, восхваления, панегирики и т.п.

В исследуемом тексте присутствует негативная информация о Ф. Исмаилове, а именно:

В прошлом Фарид Исмаилов возглавлял группировку, которая занималась хищением цветных металлов с городских кладбищ; заведомо ложные показания, фальсификация доказательств, мошенничество в крупном размере, нарушение правил бухгалтерского учета, уклонение от уплаты налогов, распространение наркотиков и порнографии.

Четвертый семантический компонент концепта клевета – ‘предосудительность’ - отражает так наз. деонтологический аспект рассматриваемого явления, в нашем случае - соответствие или несоответствие поступка этическим нормам поведения человека. Клевета, распространение клеветы в любом социуме рассматривается как нарушение общепринятых норм морали и поэтому считается предосудительным поступком, осуждаемым людьми. В исследуемом тексте не обнаружено ни одного случая указания на аморальность поступков Абдулова Р.С., на предосудительность его действий. Более того, следует признать, что Абдулов Р.С., активно выступая против нарушений законов, норм поведения и т.п., находит поддержку и одобрение со стороны других людей, которые обращаются к нему за помощью:

Зная о том, что я «воюю» с Исмаиловым, ко мне обращались и другие люди с просьбой пресечь этот беспредел в их районе. В основном, это женщины-пенсионерки, выступать открыто им мешает страх перед ним.

Таким образом, в представленной на исследование публикации отсутствует семантический компонент ‘предосудительность’, поэтому действия Абдулова Р.С. нельзя считать аморальными.

Проведенный концептуальный анализ слова клевета, позволяющий установить все его семантические компоненты, и сопоставление этих компонентов с содержанием публикации свидетельствуют о том, что только один семантический компонент (‘негативная информация’) присутствует в тексте. Три компонента (‘желание опорочить’, ‘надуманность’, ‘предосудительность’) отсутствуют в представленном на исследование материале. Между тем, совершенно очевидно, что для того, чтобы считать ту или иную публикацию клеветой, необходимо наличие в ней всех семантических компонентов, посколь-

ку концепт (в нашем случае концепт клевета) – это «целостный, понятый нерасторжимый комплекс языковых значений». Таким образом, считать представленную на исследование публикацию с интервью Абдулова Р.С. клеветой нет лингвистических оснований.

Приведенное лингвистическое исследование газетной публикации, основанное на концептуальном анализе слова клевета, решает прежде всего сугубо прикладные задачи, и вывод об отсутствии каких-либо собственно лингвистических оснований для признания журналистского материала клеветой отвечает на конкретно поставленный юридический вопрос. Тем не менее, такие экспертизы текста представляют не меньший интерес и для теоретической лингвистики, поскольку анализируемый в них языковой материал позволяет увидеть новые аспекты той или иной лингвистической проблемы и вместе с тем проверить состоятельность определенной научной концепции и соответствующего научно-исследовательского аппарата.

Литература:

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта: Наука, 2010.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
3. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – М., 2004.
4. Леонтьев А.А.. Надгробное слово “чистой лингвистике” // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции. Т. II. – М.: МГУ, 1995. – С. 308-309.
5. Ли В.С., Карымсакова Р.Д., Тапалова Р.Б. Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике. – Алматы: Казак университеті, 2008.
6. Словарь русского языка. В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1984.
7. Толковый словарь русского языка. /Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008.
8. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. - М.: Флинта: Наука, 2009.
9. Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.: Языки русской культуры, 1996.

The AICAC Secretariat
 Tel: + 12 024700848
 Tel: + 44 2088168055
 e-mail: secretariat@court-inter.us
 skype: court-inter

AICAC
 AMERICAN INTERNATIONAL
 COMMERCIAL
 ARBITRATION COURT

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

Ли В. С.,
д-р филол. наук,
проф.
Казахский
национальный
университет
им. аль-Фараби,
Казахстан

Участник
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ ПРИ РЕЧЕВЫХ КОНФЛИКТАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются проблемы речевого конфликта как одной из форм социальной коммуникации. На основе лингвистического исследования записи разговоров устанавливаются наиболее типичные коммуникативные ситуации, связанные с речевыми конфликтами. Дается лингвопрагматическая характеристика коммуникативных тактик, используемых конфликтующими сторонами для реализации своих намерений и отстаивания своих позиций. Социально-правовая оценка коммуникативного конфликта дается на материале лингвистической экспертизы текста.

Ключевые слова: речевой конфликт, коммуникативная тактика, речевой акт, коммуникативное поведение, лингвистическая экспертиза текста.

The problems of verbal conflict as a form of social communication covered in this article. On the basis of linguistic research call recording provides the most typical communicative situations of speech conflicts. We give a characterization linguopragmatic communication tactics used by parties to the conflict to implement their intentions and defend their positions. Social and legal assessment of communicative conflict given the material linguistic expertise text.

Keywords: speech conflict, communication tactics, speech act, communicative behavior, linguistic expertise text.

Коммуникативные конфликты с той или степенью остроты сопровождают повседневную жизнь человека и социума в целом. Тем не менее, коммуникативный конфликт – это отнюдь не спор или дискуссия с целью доказать правоту определенной точки зрения, это не обмен мнениями и доказательствами в пользу некоего положения, это и не полемика вокруг определенной проблемы. Коммуникативный конфликт – это особая речевая ситуация, когда наиболее остро проявляются противоречия между собеседниками, в обостренной форме проявляются межличностные отношения и разговор приобретает черты непримиримой борьбы. Каждый собеседник, стремясь непременно одержать победу в такой борьбе, действует по принципу «все средства хороши», придерживается тактики унижения и оскорбления собеседника, игнорирования доводов противной стороны. В такой словесной борьбе собеседники, как правило, не думают о последствиях выбранной ими коммуникативной стратегии и используемых при этом речевых тактиках, хотя все это порой может обернуться против них же: «... не следует забывать, что любая речь, кроме стратегической коммуникативной цели, выполняет функцию самопрезентации автора. Речевые тактики оскорбления, насмешки, издевки могут оказаться бумерангом, способным нанести удар не только

по противнику, но и по самому автору» [4: 84]. Помимо «самопрезентации», когда автор выставляет себя в невыгодном свете, «бумерангом» могут стать и более серьезные разбирательства, крайней формой которых выступают судебные. В таких случаях суды принимают решение лишь с учетом заключения лингвиста-эксперта, который квалифицированно может провести исследование конфликтного текста, дать ему правовую оценку (см. об этом [1], [2], [3], [7], [10] и др. работы).

Несмотря на то, что лингвистическая экспертиза носит сугубо прикладной характер, решает задачи юридического характера, она не в меньшей мере важна и для лингвистики, поскольку в ней содержится ценный фактический материал и, с другой стороны, на ней можно проверить состоятельность и достоверность определенной теоретической концепции или оценить эффективность предлагаемой научно-исследовательской методики. Для теории речевой коммуникации особый интерес представляют такие лингвистические экспертизы, в которых рассматриваются языковые средства, по которым можно определить характер коммуникативного поведения собеседников, их коммуникативные цели и намерения. В таких случаях эксперт решает не только юридические задачи, но и собственно лингвистические. Важность такого подхода к

лингвистическим экспертизам покажем на примере одной, довольно типичной конфликтной ситуации, когда руководитель учреждения придерживается тактики унижения и оскорбления подчиненного. В данном случае педагоги Дома школьников (ДШ) Сабуров Е.В. и Юрина И.Н. обратились в суд с иском к директору ДШ Немцовой Н.И. за оскорбление и предоставили суду сделанную педагогами аудиозапись планерки, состоявшейся в ДШ. Судья отправил стенограмму этой записи на экспертизу, поставив перед лингвистом несколько вопросов. Ниже приводятся фрагменты ответов лингвиста лишь на те вопросы, которые касаются речевого поведения директора ДШ, ставшего источником коммуникативного конфликта.

Вопрос 1. Можно ли из анализа записи разговоров определить коммуникативные роли и коммуникативное поведение каждого из участников разговора? Какова общая направленность реплик Немцовой Н.И. по отношению к Сабурову Е.В.?

По типу речевого поведения участников записанного разговора можно разбить на две группы. В первую группу входят директор учреждения и другие представители администрации, во вторую – вызванный на планерку педагог Сабуров Е.В. Коммуникативные роли у выделенных групп характеризуются

противопоставленностью, связанной с разными коммуникативными намерениями говорящих.

Речевое поведение первой группы говорящих представлено четко в высказываниях директора ДШ Немцовой Н.И.. Ее речевое поведение следует квалифицировать как агрессивное. Для такого типа поведения характерны такие признаки речи, как захват коммуникативного пространства, обвинения в адрес собеседника, выраженные в грубой форме, директивные речевые акты, риторические вопросы, устрашения в форме волонтативных речевых актов, желание понизить коммуникативный статус оппонента, унизить и оскорбить его. Эти признаки и другие особенности агрессивной тактики проявляются в высказываниях Немцовой Н.И., которым свойственны следующие языковые черты.

1. Категоричные вопросы, используемые обычно при допросах и воспринимаемые адресатом как обвинения:

1) Кабинет ты не сделал? Да!? (Немцова).

2) Я тебе дала один день, пятницу или субботу. Ты, значит, не сделал. Да? А скажи, пожалуйста, что твои бабы, они, значит, моему руководству то звонят с возмущением, жалобами?! У нас не ГКП, у нас не школа, государственное учреждение. Что это твоя Ирина-то, Юрина за тебя так радеет? А?! (Немцова).

2. Директивы-угрозы:

3) Никакой Ирины сюда не пускать. На хрен она нам сдалась (Немцова).

4) Вызови её к себе, спроси, какое отношение она ко мне имеет?! Пусть она письменно напишет, я её за клевету посажу, вместе с Сабуровым... (Немцова).

3. Грубые формы обращения к кому-либо и оценки кого-либо:

5) Она для кого это говорит? Для тебя или тебе все до задницы? (Немцова).

6) ... Ну, ну, это что за придурки-то такие?! (о Сабурове Е.В. и Юриной И.Н.).

7) Дурак ты и идиот! (Немцова Н.И. о Сабурове Е.В.).

4. Неприятие доводов собесед-

ника (негативная истинностная оценка реплики оппонента):

8) – Я родительнице сказал, чтобы она пришла и сделала со мной ремонт кабинета. Я сказал: приду, посмотрю, помогу (Сабуров).

– Она тебя прождала здесь. Мы не имеем права родителей пускать. Вдруг наркотики подбросят или еще что (Немцова).

– Ну. Ремонт кабинета. Это такое дело. Я думал, надо вдвоем делать. В кабинете я ... (Сабуров).

– Нечего оправдываться (Немцова).

5. Указание на профессиональную некомпетентность, служебную недобросовестность:

9) – Я в пятницу был... (Сабуров).

– Я тебе дала один день, пятницу. Ты, значит, не сделал. Да ты же в пятницу не был. Врешь. Не работашь (Немцова).

Приведенные характеристики речевого поведения директора Дома школьников свидетельствуют о речевой агрессии ее по отношению к Сабурову Е.В. Однако главным признаком подобного поведения следует считать такую поведенческую черту, как захват коммуникативного пространства, отсутствие речевого патриета. Инициатива в ведении диалога принадлежит директору, коммуникативное пространство заполнено преимущественно ее репликами. В представленной на исследовании стенограмме Немцовой Н.И. принадлежат 197 высказываний, в то время как Сабурову Е.В. – 98 реплик. Эти данные свидетельствуют о полном господстве Немцовой Н.И., о ее наступательном речевом поведении. Сабурову Е.В. же принадлежит роль защищающегося, вынужденного оправдываться перед собеседником и давать ему обещания. Поэтому реплики Сабурова Е.В. – это преимущественно информативы-оправдания и комиссивы-заверения:

10) Конечно. Я ремонт сделаю, с мамой я договорился! (Сабуров).

Вопрос 2. Содержатся ли в высказываниях Немцовой Н.И. угрозы в отношении Сабурова Е.В. и Юриной И.Н.?

Угроза как коммуникативный акт

передается как вербальными, так и невербальными средствами (жесты, мимика и т.п.). В лингвистике принято говорить об особом речевом акте угрозы (менасив). Под угрозой принято понимать намерение говорящего ввести адресата в такое состояние, чтобы он выполнил что-либо в интересах адресанта, а также намерение нанести физический или моральный вред адресату. Следует иметь также в виду, что угроза тесно связана с другими видами речевых актов, когда, к примеру, директивы адресат может воспринять как угрозу. В таких случаях угроза полностью зависит от так называемых речевых импликатур (выводные знания). Этим самым создается возможность говорить о скрытой угрозе (в обыденной речи такое явление принято называть намеком). Прямыми средствами выражения угрозы является форма будущего времени глагола (*Убью! Прокляну! Расскажу всем и т.п.*). Такие глаголы, именуемые в лингвистике перформативами, являются высказываниями, эквивалентными действию, поступку. Однако часто используются и др. средства выражения угрозы, в основе которых лежит речемыслительная, логическая операция импликации ($X \rightarrow Y$) (Если..., то...), т.е. «действие $\rightarrow$ следствие» (Если не раскаешься, то расскажу всем).

В записи разговора представлены открытые и скрытые угрозы, и исходят они от администрации учреждения, прежде всего от его директора Немцовой Н.И., и направлены они в адрес Сабурова Е.В. и Юриной И.Н. Основным средством выражения открытой угрозы выступает, как указывалось выше, глагол (чаще – совершенного вида) в форме будущего времени. Такая угроза отличается экспрессией и явной речевой агрессией. В представленной на исследование записи в такой форме угроза исходит от директора Немцовой Н.И.:

11) Ага, и ты (заявуч ДШ), получается, им сказала, вот, ремонтировать, а они стали жаловаться? А зачем эта Ирина...? Вызови её к себе, спроси, какое отношение она ко мне имеет?! Пусть она письменно напи-

шет, я её за клевету посажу, вместе с Сабуровым... (Немцова).

Скрытые формы выражения угрозы отличаются большим разнообразием и включают в себя интонационные, лексические, синтаксические средства языка. В анализируемой записи скрытая угроза содержится в следующих высказываниях Немцовой Н.И.:

12) Ты письменно пожалуйся! А я тебя потом познакомлю с одним, который тоже пожаловался. **И он сейчас сидит за клевету, уголовная статья!** Давай так! Давай познакомлю! (Немцова).

Угроза в данных высказываниях представлена в виде речевой имплицатуры (системы выводных знаний). Говорящий и слушающий в силу их общих фоновых знаний (пресуппозиций), знания положения дел (ситуации) в своих высказываниях используют косвенные речевые акты, одинаково понимаемые всеми участниками разговора. В данном случае адресант и адресат используют следующую имплицатуру. В семантической записи она выглядит так:

‘Адресат хочет пожаловаться на Адресанта’

‘если Адресат сделает это, то он должен знать последствия’

‘последствия известны некоему X-у’

‘Х осужден и отбывает наказание’

‘Адресат будет осужден’

Так следует толковать фразу Немцовой Н.И. И она семантически тождественна угрозе, представленной в явной форме: *Я посажу тебя за клевету!* Целью приведенных высказываний Немцовой Н.И. может быть ее желание предостеречь Сабурова Е.В. от нежелательных для всех действий с его стороны. В свою очередь, есть основания считать, что адресат (Сабуров Е.В.) вправе эти предостережения воспринимать как угрозу в свой адрес, поскольку эти высказывания построены по модели менасивного речевого акта.

Вопрос 3. Имеются ли в разговоре неэтичные высказывания со стороны руководства ДШ в отношении Сабурова Е.В. и Юриной И.Н.?

В практике лингвистических исследований и лингвистических экспертиз принято выделять опреде-

ленные языковые средства, прежде всего разряды слов, использование которых в отношении какого-либо лица (в том числе и физического) или организации, как правило, является неэтичным, оскорбительным. Такие слова и выражения дают экспрессивную, негативную оценку тому или иному лицу. В представленной на исследование записи такая негативная оценкадается Сабурнову Е.В. и Юриной И.Н. в ряде высказываний директора ДШ Немцовой Н.И. (см. примеры 2), 3), 5), 6) и др.). Кроме того, уничижительный и оскорбительный характер носит использование Немцовой Н.И. прецедентных имен в следующих высказываниях:

13) А!.... Выясни, что это за женщина, которая хлопочет за Сабурова, **что это за графиня Дашкова? И что это у нас за такой вот Альфонс?**

Синтаксические конструкции «что это за...» и ей подобные, используемые в разговорной речи, служат для выражения эмоциональной оценки кого-, чего-либо. В данном случае передается резко отрицательная, оскорбляющая оценка лица. Прецедентное имя «Дашкова» в истории русской культуры связано с женщиной-покровительницей науки, образования, культуры (княгиня Екатерина Дашкова – сподвижница императрицы Екатерины II, президент Петербургской и Российской академий наук). В контексте всего разговора это имя использовано в ироническом, презрительно-уничижительном значении и относится к Юриной И.Н. Такую же функцию выполняет имя «Альфонс» (герой комедии А. Дюма-сына), ставшее нарицательным и называющим мужчину, который находится на содержании у любовницы. В толковых словарях к этому слову обычно дается помета «презр.» (презрительное).

Таким образом, анализ записи разговора позволяет заключить, что речевое поведение директора Дома школьников Немцовой Н.И. и ее сотрудников отличается агрессивностью по отношению к вызванному на планерку педагогу Сабурову Е.В. Цель агрессивного речевого поведения – унизить, оскорбить оппонента, в данном случае – Сабурова Е.В.

Анализ коммуникативных тактик, использованных Немцовой Н.И., показывает, что в ее высказываниях имеются признаки правонарушения: «Правонарушения, совершаемые с помощью языка, могут быть квалифицированы по той или иной статье закона только с опорой на текст, следовательно, назначаемое по конкретному тексту экспертное исследование призвано дать такие ответы, на основании которых будет осуществляться квалификация конкретного правонарушения» [8: 372]. В данном случае правонарушение связано с оскорблением конкретного физического лица, обратившегося в суд с целью защиты своей чести и своего достоинства. Подобного рода частные случаи разбирательства еще раз подчеркивают важность формирования в современном динамически развивающемся обществе правового сознания при социальной коммуникации. Именно в этом проявляется некая конструктивная сторона речевых коммуникативных конфликтов (см. об этом [6], [9] и др. работы). Кроме того, следует иметь в виду, что исследование конфликтных коммуникативных практик, как и любых других, «...не ограничивается лингвистическими единицами отдельных уровней языка» и обязательно требует учета «практики использования языка в социальном контексте» [5: 134], в том числе и в правовом.

Формирование правового сознания, понимание роли и значения правовых институтов общества, возможность защиты прав и отстаивания своих интересов с помощью судебного разбирательства во многом зависят от отношения к языку не только как средству верbalной коммуникации, но и как орудию речевого воздействия, как способу или средству жизнедеятельности человека и социума в целом. Правовые отношения в значительной степени моделируются языком, языковыми структурами, которые, в свою очередь, могут стать источниками разнообразных юридических коллизий, в том числе и конфликтных, поскольку речевые акты при вербальной коммуникации – это действия с такими же последствиями, как и другие деяния, подпадающие под правовое регулирование и подлежа-

щие экспертной оценке при судебном разбирательстве.

Юридическая практика свидетельствует о том, что многие вопросы по проведению судебно-лингвистической экспертизы требуют не только четкого правового регулирования, но и собственно лингвистического обеспечения при их решении. Конфликтный текст как продукт вербальной деятельности коммуникантов и как объект лингвистического исследования, осуществляющего с целью оказания помощи при решении правовых конфликтов, необходимо рассматривать в соответствии с требованиями самой юриспруденции, с одной стороны, и с положениями лингвистики как отрасли научного знания, с другой. Эти два аспекта исследования конфликтного текста должны иметь в виду все - инициаторы проведения экспертизы и лингвисты, проводящие исследование или экспертизу речевого материала.

Литература:

1. Баранов. А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. - М.: Флинта: Наука, 2009. – 592 с.
2. Горбаневский М.В. Экспертиза конфликтных текстов в современной лингвистической и юридической парадигмах. – М.: ГЛЭДИС, 2002. – 380 с.
3. Грачев М.А. Лингвокриминалистика. – Нижний Новгород, Изд-во НГЛУ, 2009. – 280 с.
4. Иссерс О.С. «Посмотрите, на кого он похож!» (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) // Вестник Омского университета. - Вып. 3. - Омск, 1997. - С. 81-84.
5. Иссерс О.С. Исходные посылки для анализа и описания дискурсивных практик // Речевая коммуникация в современной России: Материалы II Международной научной конференции. – Т. 2. – Омск: Вариант-Омск, 2011. – С. 131-138.
6. Комалова Л.Р. Конструктивная коммуникация в конфликтной ситуации // Вестник МГЛУ. № 556. Серия лингвистика. Актуальные проблемы прикладной и экспериментальной лингвистики. – М.: Рема, 2008. – С. 118-225.
7. Ли В.С. и др. Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике / Карымсакова Р.Д., Тапалова Р.Б. – Алматы: Казак университеті, 2008. – 146 с.
8. Матвеева О.Н. Экспертное исследование конфликтного текста как правового нарушения // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. - М., 2007. - С. 372-377.
9. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. –СПб: Питер, 2003. – 250 с.
10. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. - М.: Галерия, 2002. - 336 с.

INTERNATIONAL SCIENTIFIC ANALYTICAL PROJECT

GISAP – is an international scientific analytical project under the auspices of the International Academy of Science and Higher Education (London, UK).

The project unites scientists from around the world with a purpose of advancing the international level of ideas, theories and concepts in all areas of scientific thought, as well as maintaining public interest to contemporary issues and achievements of academic science.

The project aims are achieved through championships and conferences on scientific analytics, which take place several times a month online.

If you wish to take part in the project,
please visit:
<http://gisap.eu>

phone: +44 (20) 32899949
e-mail: office@iashe.eu

Мирзоева Л.Ю.,
д-р филол. наук,
ассоц. проф.

Университет
имени Сулеймана
Демиреля,
Казахстан

Участник
конференции,
Национального
первенства
по научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРОДИЙНОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Статья посвящена анализу пародийного текста с позиций лингвостилистики, что представляется необходимым для профессиональной подготовки будущих переводчиков. В работе отражена лингвостилистическая специфика пародии, затронуты как вопросы актуализации фоновых знаний в процессе осуществления художественного перевода, так и проблемы развития критического мышления переводчиков, связанные с предпереводческим исследованием художественного текста.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, художественный перевод, пародия, профессиональные компетенции переводчика, подтекст, стилистические приемы, оценочность, эмотивность, фоновые знания.

The article is devoted to the problems of linguistic analysis due to parody as a very complicated literary text, characterized by such features as implication, emotive potential etc. The author treated the problem as one of the most important aspects of to-be translators training in the sphere of literary translation taking into consideration such factors as critical thinking and background knowledge improvement.

Keywords: linguistic analysis, literary translation, translator's proficiency, parody, implication, stylistic devices, evaluation, emotion, background knowledge.

Анализ языковой специфики пародийного текста представляет особую трудность и интерес как в плане раскрытия его вторичности («пародийный смысл актуализируется в условиях органичного взаимодействия первого и второго планов пародии, выявляющего «несовпадение» идеально-художественных контекстов – пародируемого и пародирующего») [4, с. 14], так и в плане отсылки к определенным, уже существующим речевым произведениям. Для будущих переводчиков такой анализ, по нашему мнению, может послужить, во-первых, своеобразной школой языкового мастерства и подготовкой к деятельности в сфере художественного перевода; во-вторых, позволит применить на практике знания, полученные в ходе изучения курсов «Стилистика» и «Художественный перевод»; и, в-третьих, может стать импульсом для развития критического мышления и аналитического подхода к тексту в целом, выявление подтекстуальной информации, что является частью профессионального «портрета» переводчика. Как указывают М.П. Брандес и В.И. Провоторов, необходимо, чтобы «будущий переводчик усвоил для себя, что он переводит не просто язык текста (т.е. язык, который накладывается на фактуальное, предметное содержание) и не просто текст как фактуальное содержание (т.е. содержание, лишенное внутренней оформленности), а переводит язык, который является результатом информационной переработки фактуального содержания текста, является выражением много-кратно осмысленного содержания» [2, с. 3]. Широкие возможности для этого

предоставляются в процессе рассмотрения сатирических и юмористических произведений (в качестве материала для анализа нами избраны чеховские пародии и фрагменты «Истории одного города М.Е. Салтыкова-Щедрина, имеющие пародийный характер). При работе с пародийным текстом следует учитывать типологическую установку, выраженную М.М. Бахтиным: «Пародийное слово может быть весьма разнообразным. Можно пародировать чужой стиль как стиль; можно пародировать чужую социально-типическую или индивидуально-характерологическую манеру видеть, мыслить, говорить. Далее, пародия может быть более или менее глубокой: можно пародировать и самые глубинные принципы чужого слова» [3, с. 259].

В качестве образца проанализируем рассказ «Случай из судебной практики». В плане композиционных особенностей (особенностей поэтики) перед нами – типичная новелла, краткая, лаконичная и емкая, с характерным неожиданным финалом:

Тут не вынес и сам подсудимый. Пришла и его пора заплакать. Он замигал глазами, заплакал и беспокойно задвигался...

Виноват! – заговорил он, перебивая защитника. – Виноват! Сознаю свою вину! Украли мошенства строил! Окянный я человек! Деньги я из сундука взял, а шубу краденую велел свояченице спрятать... Каюсь! Во всем виноват!

И подсудимый рассказал, как было дело. Его осудили.

Пародийному фрагменту предшествует информация, относимая в раз-

ряд содержательно-подтекстуальной [3]; (цель ее – создать определенный эмоциональный настрой, необходимый для последующего восприятия речи. Так, обратим внимание студентов прежде всего на «говорящее» имя подзащитного – *Шельмцов* (*шельмец* – просторечное «мошенник, плут»). С целью наиболее успешного анализа языковой структуры текста следует заранее подготовить раздаточный материал в виде карточек, включающих дефиниции ключевых слов и понятий, которые необходимо использовать в ходе лингвостилистического анализа, либо соответствующую презентацию. Особое внимание следует уделить понятиям, связанным с тропами и фигурами ораторской речи, таким, как анафора, антитеза, градация, метафора, повтор, перипод, риторическое восклицание.

Авторская ирония реализована уже в контексте, предваряющем пародийный фрагмент: «*В плохих романах, оканчивающихся полным оправданием героя и аплодисментами публики, он играет не малую роль. В этих романах фамилию его производят от грома, молнии...*» Значимость деятельности адвоката снижена, во-первых, нарочитой гиперболизацией, и, во-вторых, семантическим сдвигом, актуализирующемся при синтагматическом соположении несочетающихся понятий: *внушительные стихии*.

Сам пародийный фрагмент – речь знаменитого адвоката – характеризуется патетическим настроем, ср.: *Знать его душу – значит знать особый, отдельный мир, полный движений. Я изучил этот мир, я, при-*

знаюсь, впервые изучил человека. Я понял человека... Каждое движение его души говорит за то, что в своем клиенте я имею честь видеть идеального человека... В то же время в процессе анализа следует подчеркивать неконкретность, расплывчатость, общий характер формулировок, рассчитанных исключительно на эмоциональное воздействие. Предшествующая работа, нацеленная на экспликацию специфики проявления авторской позиции в тексте, в частности, на выявлении неприятия ложной красоты, ложного пафоса, позволяет в процессе анализа данного текста вскрыть заложенную в данном фрагменте авторскую иронию. Так, за характерным для ораторской речи приемом градации, формально отмечаемом в данном текстовом отрезке, практически нет реального усиления (ослабления) признака, то есть нет градации в плане смысла.

Речь адвоката изобилует также риторическими восклицаниями (в частности, «О, если бы вы посмотрели на этих детей!», «Да поглядите же!» и другими), которые призваны выполнять как эмотивную, так и изобразительную функцию (или, во всяком случае, имитировать изобразительность). В пародийный фрагмент искусно введен период как фигура, требующая высокой риторической подготовки оратора («Они (дети – Л.М.) голодны, потому что их некому кормить, они плачут, потому что они глубоко несчастны...»); использован и повтор (анафорического характера) как средство выражения эмоциональной оценки, эмоционального воздействия, и одновременно – способ выделения наиболее значимого элемента: «Его посадили рядом с ворами и убийцами... Его!» Комизм и пародийная направленность ораторской речи заключается в том, что за пышной формой скрыто полное отсутствие содержательно-фактуальной, содержательно-подтекстуальной и содержательно-концептуальной информации. Повышенная эмоциональность и приподнятость речи, апелляция не к разуму, а к чувству приводят к непредсказуемому, неожиданному финалу: сам того не желая, адвокат затронул совесть своего подзащитного, что и повлекло за собой признание. В процессе анализа речевых особенностей текста следует обратить внимание студентов и на контраст стилистических характеристик речи Сидора Шельмезова и адв-

оката: высокие фразы последнего противопоставлены в стилистической системе текста разговорной речи первого. «Украд и мошенства строил! Оканиный я человек!»

Образцом пародии на ораторскую речь может послужить и рассказ Чехова «Оратор», который также целесообразно проанализировать в аудитории. При рассмотрении данного текста следует обратить внимание на контрастность оценок (высокая степень положительной оценки, отмечаемая в ораторской речи, противопоставлена отрицательно оценочным квалификациям того же персонажа в речи обыденной), а также на четкую стилистическую поляризацию: разговорно-просторечные пренебрежительные характеристики надгробной речи, данные «извне» (какая-нибудь чепуховина, мантифолия поци-церонистей), вступают в комическое противоречие с ее высоким стилем. Целесообразно акцентировать внимание и на том, что в самом начале текста уже задан контраст как ключевой прием, особенно ярко и выпукло проявляющийся в сочетании с абсурдностью, спр.: «В одно прекрасное утро хоронили коллежского асессора Кирилла Ивановича Вавилонова, умершего от двух болезней, столь распространенных в нашем отечестве: от злой жены и алкоголизма». Будущий переводчик должен развивать своеобразную стилистическую зоркость, которая позволит фиксировать и в дальнейшем адекватно воссоздавать в переводе те фрагменты текста, где имеет место соположение разнопорядковых явлений с целью создания комического эффекта и выражения оценки (как правило, негативной).

В процессе анализа следует активизировать знания, полученные студентами при исследовании языковой специфики ораторской речи в рассказе «Случай из судебной практики».

В цикле занятий, имеющих своей целью анализ и осмысление пародийных текстов или фрагментов текста, имеющих пародийную направленность, следует особо остановиться на тех из них, которые требуют активизации фоновых знаний и работают на повышение культуры восприятия языковой структуры художественного произведения. Так, по нашему мнению, благодатным материалом для анализа может послужить «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина –

произведение, сложное и в плане раскрытия художественной маскировки, и в плане лингвокультурной специфики. Так, в целях активизации фоновых знаний будущих переводчиков следует особое внимание сосредоточить на пародировании засина «Слова о полку Игореве»: *Боян бо веций, аще кому хотяше песнь творити, то растекащаясь мыслью по древу, серым волком по земли, сизым орлом под облакы... О Бояне! Соловию старого времени! Абы ты сии полки ущекотал...* (Слово о полку Игореве). / *Не хочу я, подобно Костомарову, серым волком рыскать по земли, ни, поодобно Соловьеву, сизым орлом иширять под облакы, ни, подобно Пытину, растекаться мыслью по древу, но хочу ущекотать прелюбезных мне глуповцев, показав миру их славные дела и предобный тот корень, от которого знаменитое сие древо взросло и ветвями своими всю землю покрыло.*

(М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города.)

В «Истории одного города» мы наблюдаем и скрытое пародирование, заключающееся в аллюзиях, которые связаны с «Повестью временных лет» (спр. хотя бы цитаты *многие за землю свою поревновали* – говорит летописец, и таково ласково усмехнулся, словно солнечко просияло, – сопровождающие рассказ о поиске князя, привзанного «глуповцами володети»).

В данном случае акцентирование внимания на пародийном характере фрагментов и на их языковой специфике (имитации древнерусского текста и пр.) служит своеобразным ключом к интерпретации всего произведения как сатиры на историю российской монархии. Облегчить восприятие произведения может и своевременное указание на создание языкового колорита XVIII века (сложность художественной маскировки, предпринятой М.Е. Салтыковым-Щедриным, заключается и в том, что «История одного города» выдавалась им за издание найденных в архиве тетрадей летописцев XVIII в.) Следует особо остановиться и на пародировании особенностей деловой речи («Описи» градоначальников, указы и пр.) М.Е. Салтыков-Щедрин достиг здесь своеобразного сочетания: с одной стороны, перед нами наполнение языковой формы – характерных лексических и синтаксических особенностей языка

XVIII в. (старославянизмов, специфического порядка слов), мастерски воспроизведенных писателем – чуждым ей содержанием; с другой стороны – пародирование официально-делового стиля, причем также соотносимого по своей языковой специфике XVIII в.: *Клементий, Амадей Мануйлович. Вывезен из Италии Бироном, герцогом Курляндским, за искусную стряпню макарон; потом, будучи внезапно произведен в надлежащий чин, прислан градоначальником. Прибыв в Глупов, не только не оставил занятия макаронами, но даже многих усилино к тому принуждал, чем себя и воспроставил. За измену бит в 1734 году кнутом, и, по вырвании ноздрей, сослан в Березов.* Несоответствие языковой формы и содержания подчеркнуто постоянным упоминанием комичных и нелепых причинах смерти градоначальников, которые также сформулированы в виде характерных клише, штампов, характерных для официально-делового стиля. *Ферапонтов, Фотий Петрович, бригадир. Бывый брадобрей оного же герцога Курляндского. Многократно делал походы против недоимщиков и столь был охоч до зрелиц, что никому без себя сечь не доверял. В 1738 году, быв в лесу, растерзан собаками. ... Ламврокакис, беглый грек, без имени и отчества и даже без чина, пойманный гравом Кирилою Разумовским в Нежине, на базаре. Торговал греческим мылом, губкою и орехами; сверх того, был сторонником классического образования. В 1756 г. был найден в постели, заеденный клопами. ... Иванов, статский советник, Никодим Осипович. Был столь малого роста, что не мог вмещать пространных законов. Умер в 1819 году от натуги, усиливаясь постичь некоторый сенатский указ. Пародийный характер фрагмента усилен иллюзией реальности описываемых событий: писатель упоминает реальных исторических деятелей, ссылается на реальные ситуации, гротескно заостренные.*

Несмотря на то, что официально-деловой стиль (точнее, пародия на него) имеет в «Истории одного города» нарочито архаичный характер, знакомство с пародией на деловые документы, и в особенности – на законодательные акты, несомненно, представляет интерес для будущих переводчиков в плане

профессиональном, т.к. одно из возможных направлений их будущей работы – перевод деловой документации. Остановимся вначале на пародийном характере заглавий, предваряющих созданные глуповскими градоначальниками документы и служащих ключом к осмыслиению пародийного характера описания законотворческой деятельности в городе Глупове.

- Указ о нестеснении градоначальников законами.
- Устав о добродорядочном пирогов печении
- О благовидной всех градоначальников наружности.
- Устав о свойственном градоправителю добросердечии.
- Устав о неуклонном сечении.

О вящем армии и флотов по всему лицу распространении, дабы через то возвращение древней Византии под сень Росийской державы уповательным учинить.

Специфика данных заглавий уже дает представление об особенностях официально-делового стиля: в каждом из них отмечаем отвлеченные слова, обращаем внимание на характерный синтаксис заголовочных структур – предпочтение конструкций «О+предложный падеж существительного». Комический (точнее – пародийный) эффект создается несоответствием формы и содержания (ср. хотя бы парадоксальную формулировку – «*Указ о нестеснении градоначальников законами*»).

При рассмотрении «Истории одного города» в этом аспекте целесообразным представляется также обращение к пародийному «Уставу», автор которого – градоначальник Беневоленский. Прочтение данного текста необходимо сопровождать лексическим комментарием; особо следует остановиться на словах устаревших, указать, что таковыми они являлись уже и во время написания «Истории одного города», определить их функции в тексте (стилизация под рукопись XVIII века в целях художественной маскировки и в то же время – использование архаичности этих лексических единиц в целях придания тексту торжественности) В процессе анализа акцентируем внимание и на том, что данный фрагмент также имеет пародийную направленность: такие особенности официально-делового стиля, как обилие отвлеченных

существительных (строгость, авантаж, прибыток, занятие, осмотрительность, отдохновение, расточение и пр.), насыщенность текста сложными словами (мимоидущий, градоправитель, кровопролитие и пр.) доведены до абсурда; кроме того, «чужое слово» – в данном случае – деловой документ – подчеркнуто бессодержателен, так как призван в завуалированной форме сообщить читателю о бюрократизации всех сфер жизни в современной Салтыкову-Щедрину России. Отметим хотя бы милостивое разрешение обывателю «отдохновение (не отдых – Л.М.) иметь», а также предписание не наказывать, в т.ч. – на съезжей гуляющею обывателя. Пародирует писатель и синтаксические структуры деловой речи; так, в приведенном «документе» налицо преобладание характерных для данной речевой сферы инфинитивных предложений. Мастерство сатирика заключается именно в том, что пародируются особенности языкового инвентаря целого стиля, т.е. «схемы формы, которую находит не отдельный человек, а создает целое поколение, причем отдельный, принадлежащий к этому поколению человек, уже включен в поиски такой формы» [2, с. 47].

В завершение хотелось бы отметить, что анализ приведенных текстов призван не просто развить языковое и стилистическое «чутье» будущих переводчиков, выработать определенные навыки восприятия художественного текста (в особенности – довольно сложного в содержательном и формальном плане текста пародийного), но и сформировать хотя бы общее понятие об особенностях ораторской и официально-деловой речи.

Литература:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб пособие. - 3-е изд., стереотип. - М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.- 224с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: УРСС Эдиториал, 2006. – 144 с.
4. Крутова Е.Ю. Вертикальный контекст и формы его реализации в пародийном тексте. Автореф. канд. дисс. – Алматы, 1998. – 28 с.

Мирзоева Л.Ю., д-р.
филол. наук, доцент
Университет
имени Сулеймана
Демиреля, Казахстан

Участник конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

- В процессе подготовки перевода и предпереводческого анализа текста особое внимание, по нашему мнению, следует уделять изучению его оценочной структуры. Оценочные средства в ходе анализа текста могут быть представлены с антропоцентрических позиций как языковые актуализации субъекта оценки в тексте, денотативно нацеленные на отражение его внутреннего мира, а коннотативно и pragmatically представляющие собой многоуровневую систему, которая отражает предпочтения целого языкового коллектива. Одна из специфических черт оценочности как языковой категории состоит в том, что оценочность реализуется практически на всех уровнях языка. Данная характерная черта играет значительную роль при анализе средств выражения оценки в плане лингвостилистическом, что отмечается и в ряде исследований, посвященных данной проблеме. Так как в процессе художественного перевода текст воссоздается как целостная система, характеризующаяся интра- и интертекстуальными связями, переводчик должен реализовать в ходе анализа два подхода: исследование оценочной системы текста в paradigmaticском аспекте и подход к тексту как к «линейной» последовательности актуальных языковых единиц. Поэтому лингвистическое исследование текста, в т.ч. и художественного, предполагает подход к объекту как к системе, «которую можно представить в виде соотношения нескольких взаимосвязанных уровней или слоев» [5]. Анализ экспрессивного функционирования оценочных единиц – необходимый этап, предшествующий восприятию оценочной системы текста как целостного явления. В связи с этим нам

К ПРОБЛЕМЕ РАССМОТРЕНИЯ ОЦЕНОЧНОГО ПЛАНА ТЕКСТА В РАМКАХ ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена проблемам предпереводческого анализа оценочной структуры текста. В работе предлагаются принципы анализа оценочной структуры художественного текста, позволяющие адекватно воссоздать в переводе оценку как эксплицитного, так и имплицитного характера, выражаемую автором и персонажами короткого рассказа.

Ключевые слова: предпереводческий анализ, текст, имплицитная/эксплицитная оценка, полифонизм, pragmatics, paradigmatic relations, syntagmatic relations.

The article deals with the problems related to principles of pre-translation analysis of literary texts. The main idea consists in reconstruction of both types of evaluation, explicit and implicit, in target text, in order to present the system of values expressed by the author and the protagonist.

Keywords: pre-translation analysis, literary text, explicit and implicit type of evaluation, polyphony, pragmatics, paradigmatic relations, syntagmatic relations.

представляется необходимым строить изучение аксиологического потенциала переводимого текста в рамках предпереводческого анализа следующим образом:

Первый этап должен заключаться в выявлении разноуровневых оценочных средств, эксплицирующих аксиологическую направленность текста. На этом этапе, по нашему мнению, целесообразно акцентировать внимание на изучении особенностей графических средств выражения оценки; исследовании экспрессивного потенциала оценочных средств морфолого-словообразовательного уровня и способов их передачи в переводе; анализе особенностей функционирования лексических средств выражения оценки; выявлении роли синтаксических средств в формировании оценочного плана текста. В современных переводоведческих исследованиях отмечается, что «перевод эмоционально-оценочной лексики требует привлечения особой комплексной переводческой технологии [4].» Данный подход должен учитывать не только «уровни переводческих соответствий» [1, с. 23], но и обращать особое внимание на экстралингвистическую составляющую переводимой единицы.

На **втором** этапе работы необходимо производить анализ текста с учетом поуровневого исследования экспрессивной актуализации оценочных средств. Оценочность как элемент системы, формирующей целостность художественного текста, должна быть рассмотрена в следующих аспектах:

Участие оценки в формировании сюжетно-композиционной структуре

текста; здесь и далее анализ проводится на материале коротких рассказов А.П. Чехова, до настоящего времени не переведенных на английский язык. По нашему мнению, именно короткий рассказ является тем материалом, который позволяет осуществить тренинг будущих переводчиков, в частности, выработать важное для художественного перевода умение воссоздавать текст, в котором «словам тесно, а мыслям просторно» (Н.А. Некрасов).

- текст рассказа характеризуется единством оценочного знака, выдержан в едином оценочном ключе;
- в процессе развертывания текста происходит постепенное переключение авторской либо персонажной оценки с плюса на минус;
- в процессе развертывания текста пейоративная оценка сменяется мелиоративной.

Подобное рассмотрение оценочного плана текста (в особенности если речь идет о тексте короткого рассказа) дает возможность связать его композиционные особенности со спецификой манифестиации авторской позиции – того компонента текста, без сохранения и адекватного воссоздания которого немыслим квалифицированный художественный перевод.

Характер оценок в речи автора и в речи персонажа.

Безусловно, одной из проблем художественного перевода является восприятие речи автора и персонажной речи как двух различных стихий, порой четко дистанцированных друг от друга. Поэтому очевидно, что в ходе предпереводческого анализа текста важно их дифференцировать и верно

декодировать знак оценки. Но не менее важно и то, как выражена оценка; ведь декодирование имплицитных оценок требует, с одной стороны, развитого языкового чутья переводчика, и, с другой стороны, более широкой аппрерцепционной базы. Именно поэтому с позиций методики обучения переводу нам представляется необходимым дифференцировать оценки имплицитного и эксплицитного характера в зависимости от их представленности в авторской и персонажной речи; на наш взгляд, такая дифференциация позволит переводчику подобрать аналог имплицитного/эксплицитного характера в языке-рецепторе (ПЯ).

- речь автора характеризуется преобладанием оценок имплицитного характера; в речи персонажей преобладают эксплицитные оценки;
- эксплицитные оценки преобладают над имплицитными как в речи автора, так и в речи персонажей;
- речь автора и персонажей характеризуется преобладанием имплицитных оценок;
- в речи автора преобладают эксплицитные оценки, в речи персонажей – имплицитные.

В то же время границы между эксплицитными и имплицитными оценками являются нечеткими и характеризуются высокой проницаемостью: в частности, возможно говорить «о реализации оценочных значений своеобразными оценочными блоками, в которых эксплицитные оценки предопределяют возникновение и ориентированность имплицитных оценок» [3, с. 59]. Т.Е. Змеева акцентирует внимание и на том, что «важным фактором текстовой семантизации имплицитной оценки являются тематические, понятийные, ассоциативные и логико-семантические виды связи между кореферентными эксплицитно и имплицитно-оценочными высказываниями... При отсутствии семантической или ассоциативной связи между носителями эксплицитной и имплицитной оценки возникает их контекстуально обусловленная связь на основе кореференции» [3, с. 60].

На наш взгляд, к эксплицитным оценкам возможно отнести и такие, в которых отсутствует формальный

показатель, но налицо ярко выраженное пейоративное или мелиоративное значение, например, *скверно* или *прекрасно*. Если же оценка инвертирована, то это явление возможно отнести скорее к числу оценок имплицитного характера. Имплицитный характер будет иметь и приобретение оценочного значения языковыми единицами, для которых оно практически не характерно, например, местоимениями. В некоторых исследованиях последний тип оценки обозначается как **косвенная оценка**: «...имплицитная оценка» актуализируется путем исключения некоего элемента из пропозициональной структуры высказывания, и является категорией логико-семантической. Актуализация **косвенной оценки** происходит при транспонировании другого pragmatischen значения в аксиологическую сферу, что маркирует косвенность как категорию дискурсивно-прагматическую. В отличие от имплицитной оценки, косвенная оценка характеризуется значительным прагматическим зарядом. Необходимым условием существования косвенной оценки является наличие дополнительной иллокутивной силы, которая накладывается на существующий иллокутивный смысл высказывания и взаимодействует с ним. ... Значение прямой, косвенной, эксплицитной и имплицитной оценки могут комбинироваться, образуя четыре типа оценочных значений: *прямое эксплицитное, прямое имплицитное, косвенное эксплицитное, косвенное имплицитное*» [2].

Возвращаясь к принципам анализа, необходимо отметить, что они позволяют, во-первых, дифференцировать авторскую и персонажные системы оценок путем определения специфики речевых характеристик (что приобретает первостепенную важность в процессе выявления текстовых особенностей, в частности, особенностей короткого рассказа), и, во-вторых, на основании данных принципов возможно оценить степень расхождения данных оценочных «систем координат» и – что весьма важно для успешного осуществления перевода – степень объективности автора (повествователя). Далее, как уже говорилось выше, мы обратимся

к коротким рассказам А.П. Чехова, девизом которого в ранний период творчества являлась «объективность сплошная» (А.П. Чехов).

Следующий, третий, принцип рассмотрения оценочной структуры текста, не менее важен для подготовки качественного перевода:

Оценка как составляющая полифонического единства текста.

для текста характерно преобладание средств выражения оценки одного уровня (это, возможно, связано с особой художественной задачей);

в тексте представлена многоуровневость оценочной системы, отражен ее полифонизм.

Такое разграничение, несмотря на его определенную условность, в первом приближении достаточно правомерно, т.к. дает возможность проследить роль оценки в экспрессивном полифонизме языковых средств. В таком аспекте становится возможным говорить, с одной стороны, и о полифонизме внутри оценочной системы текста, и, с другой стороны, о роли оценки в полифонической системе всего текста.

В качестве материала для тренинга нами были избраны такие рассказы А.П. Чехова, как «Несообразные мысли» и «Самообольщение». В первом из них необходимо акцентировать внимание уже на заглавии, а также на амбивалентности характеристик персонажа, из уст которого исходят оценки: *Один учитель древних языков, человек на вид суровый, положительный и желчный, но втайне фантазер и вольнодумец*, жаловался мне, что всегда, когда он сидит на ученических *extemporalia* или на педагогических советах, его мучают разные несообразные и неразрешимые вопросы. ... «Что было бы, если бы вместо пола был потолок и вместо потолка пол? Что приносят древние языки: пользу или убыток? Каким образом учителя делали бы визиты директору, если бы последний жил на луне?»

Целесообразно акцентировать внимание будущих переводчиков на синтагматической разноплановости характеристик супровый, положительный и желчный, основанной на оценочной амбивалентности. Так, в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля находим

следующую дефиницию и сопровождающие ее контексты: Суровый, ... грубый, неровный, шероховатый, черствый, неприятный на ощупь.... || О нрав. кругой, черствый, бранчивый, взыскательный, строгий, жестокий. **Суровый взгляд негодованья. Суровая внешность нередко скрываете затененное чувство. Суровое обращенье с детьми ожесточает их. И суров, да правдив, и ласков, да крив.**

Лексема **положительный** в данном словаре не представлена; в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова в качестве значений полисеманта приводятся 2. Заслуживающий одобрения, полезный. *П. результат. Положительной своей работой он искупит свою прежнюю вину.* Фурманов. 4. Обладающий необходимыми, полезными свойствами; противоп. отрицательный в 4 знач. *П. образ в романе. Положительная черта характера.* || Основательный, деловой, практический. *П. юноша.*

развертывания текста оценки синтагматического характера: *мучают разные несообразные и неразрешимые вопросы; вопрос несообразный, сверхъестественный и даже неприличный.* Однако оценочная лексика как ведущее средство взаимодействует в данном тексте с оценками синтаксического уровня: помимо персузивной оценки (*коллежские регистраторы носили бы симцевые платья, и, пожалуй, по высокоторжественным дням - барежевые*), оценочный характер приобретает также значение желательности и в то же время ирреальности, выражаемое условным наклонением, повторяемость которого также может быть расценена как оценочный сигнал, необходимый для сохранения в переводе: *классные сторожа Михей и Макар каждое утро ходили бы к «самому» затягивать его в корсет; заправили Лозово-Севастопольской дороги, по бедности, щеголяли бы в*

второго, образно переосмысленного, выдержаны в нейтральном ключе); the biggest fish / frog in the pond (скорее позитивные, подчеркивающие значимость личности) 2) (заводила, инициатор) ringleader, instigator, live wire, **wheeler-dealer** – выделено нами как наиболее соответствующее по семантике и pragmatique, содержащее сему ‘аферист’, тусоон (амер. финансовый магнат – возможный, но не самый подходящий в pragmatическом плане вариант).

В процессе анализа рассказа «Самообольщение» (главный герой – пристав, хвастающийся своей физической и моральной силой, но не могущий преодолеть «притяжение» десятирублевой купюры) нами выявлено единство знака авторской оценки; в то же время необходимо отметить, что на уровне персонажной оценки происходит постепенная трансформация позитивной оценки в негативную, ср.:

Авторская оценка		Персонажная оценка	
В экспозиции (амбивалентная, стремящаяся к негативной)	В finale (негативная)	В экспозиции (позитивная)	В finale (стремящаяся к негативной)
<i>...сидя в компании, он любил кичиться своими дарованиями</i>	<i>Гордец скрестил на груди руки и при общем внимании стал себя пересиливать. Полчаса пучил он глаза, барабанил и сжимал кулаки, но под конец не вынес..</i>	<i>Я силен! — говорил он. — Хочу — подкову сломаю, хочу — человека с кашей съем... — Глядите, с тех пор он ужничтожные! Солнце, которое вот на небеси... идет с востока на запад, и никто не может изменить его путь! Я же могу! Могу!</i>	<i>с тех пор он уж никогда не кичился своей силой.</i>

На днях учитель явился ко мне и сказал, что его стал мучить вопрос: «Что было бы, если бы мужчины одевались по-женски?» ...Педагог ответил себе на него так: если бы мужчины одевались по-женски, то — чиновники особых поручений и секретари благотворительных обществ одевались бы не по средствам; поэт Майков носил бы букальки, зеленое платье с красными лентами и чепец; телеса И. С. Аксакова покоились бы в сарафане и душегрейке...

В тексте преобладают средства выражения оценки, относящиеся к лексическому уровню: это и лексические единицы, реализующие запрограммированный оценочный потенциал, и возникающие в процессе

исподнице. В процессе предпереводческого анализа необходимо также обратить внимание как на семантико-логический, так и на оценочный диссонанс (*заправили/бедность; щеголять/исподница*). Безусловно имплицитный характер оценки обусловливает особую сложность ее воссоздания в переводе (ср. ан-

исподнице). На основании принципа выявления эксплицитного/имплицитного характера оценок следует отметить, что как в авторской, так и в персонажной речи преобладают оценки эксплицитного характера; в основном они представляют собой реализацию устойчивого коннотативного потенциала лексем и фразеологических единиц:

Речь автора	Речь персонажа
<i>К несчастью, пристав не кончил нигде курса и не читал прописей; он не знал, что самообольщение и гордость суть пороки, недостойные благородной души.</i>	<i>Могу и Карфаген разрушить и гордиевы узлы мечом рассекать. Вот какой я!</i>

глийские аналоги русского заправила - 1) (хозяин, начальник) boss; kingpin, number one (за исключением

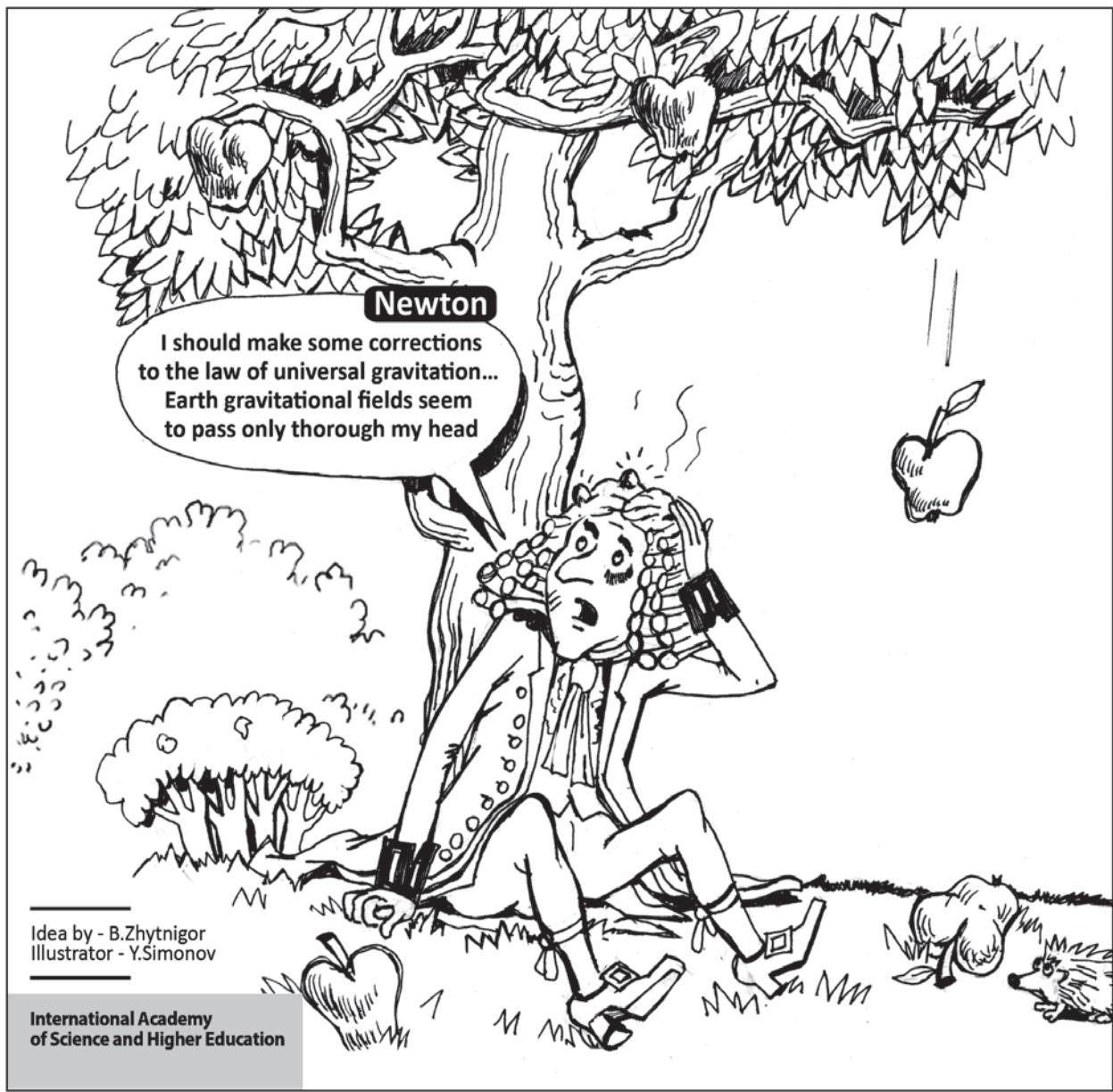
С позиций оценочного полифонизма в процессе предпереводческого анализа можно отметить относи-

тельную гомогенность оценок: так, очевидно преобладание оценочных средств лексико-фразеологического уровня, в то время как персузивные оценки редки (практически единичный случай - *К несчастью, пристав не кончил нигде курса*).

Подводя итоги, отметим, что данные принципы, безусловно, не исчерпывают всего разнообразия и богатства оценок (как в плане содержания, так и в плане выражения), представленных в художественном тексте. Однако с их помощью становится возможным систематизировать анализ оценочного плана художественного текста с целью бережного и адекватного его воссоздания в переводе.

Литература:

1. Бурак А.Л. *Translating culture: Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 1: уровень слова*. – М., 2002.
2. Гончарова Н.В. Аксиологическая структура англоязычного диалогического дискурса (на материале художественной прозы). – Автореф... канд... дисс. – Киев, 2002 //<http://31f.ru/author-abstract/499-avtoreferat-aksiologicheskaya-struktura-angloyazychnogo-dialogicheskogo-diskursa.html>
3. Змеева Т.Е. *Коммуникативная семантизация имплицитной оценки (на материале французского языка)*.// Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов – 2010, № 2(6), Изд-во «Грамота», с. 57-62.
4. Присяжнюк Т.А. К вопросу об идентификации эмоционально-оценочной лексики в английском языке и способах её перевода // Пединститут Саратовского государственного университета. Кафедра английского языка.// <http://www.sgu.ru/files/nodes/68114/>
5. Чудаков А.П. *Поэтика Чехова* //<http://needlib.com/bibl/index.php?page=4&Id=9054>

Nilova C.V.,
lecturer
Institute of
Economics
Management and
Law, Russia

Conference participant,
National championship
in scientific analytics

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF INTERGENERATIONAL COMMUNICATION

The article deals with intergenerational relationships as a fundamental part of the human experience, with the concept of "age-related stereotypes" and means of the older people's stereotyping. In the framework of this study is also drawn attention to common stereotypes about old age and other communicative phenomena associated with old age. The use of certain clichés and stereotypical statements with respect to any group of people is relevant sociolinguistic question.

Key words: intergenerational relationships, age-related stereotypes, intergenerational conflict, intergenerational contract, generation gap.

Intergenerational relationships are a fundamental part of the human experience. Throughout a typical day, it is common for an individual to have numerous interactions with other people. Each interaction that an individual experiences is unique and serves a specific purpose. However, these interactions are similar in that they contribute to the building and shaping of intergenerational relationships.

Intergenerational communication is an important aspect of many, if not all, relationships, especially for grandparents raising their grandchildren. According to research, the communication that takes place between two or more people may help to define their relationship. In grandparents raising grandchildren (GRG) families, there is often uncertainty and tension accompanying changing family circumstances. Communication is important as a means for making family members

aware of each other's changing needs and helping them support one another. Communication is also key for helping family members learn how they can better function as a cohesive family [Leung, Kim, 2007].

According to questionnaire, in the older population's response in Bugulma Nursing Home for the elderly to question, which group of people, as opposed to the age ranges, they talk to the most. For the older individuals, Family members and grandchildren were the most-chosen answers. Out of the age groups that participants disclosed to, they were asked which they most liked to talk to. The highest number of responses from the older participants was in the 40 -49 and 30-39 categories.

One factor that differentiates grandparent-grandchild relationships from parent-child relationships is the greater difference in age. The "number" that makes up a person's age is not necessarily the issue; it's the experiences

of the person throughout their lifetime. Without knowing about a grandparent's experiences during past times of personal or national financial crisis, for example, a grandchild may not understand the family finance choices the grandparent makes today.

Intergenerational understanding goes both ways – older adults need to learn about

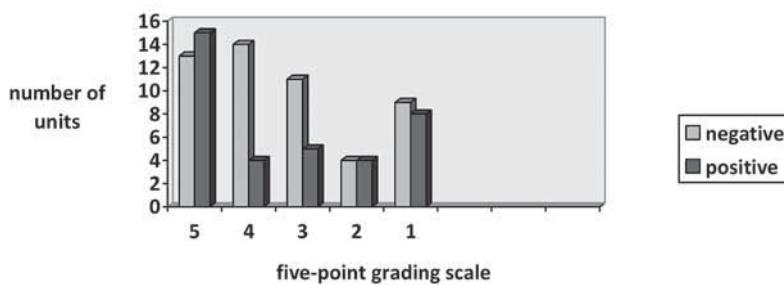
the experiences to which grandchildren are exposed on a daily basis such as drugs, violence and sexual relations. Without understanding each other's life experiences, it becomes all to easy to attribute differences of opinion to age-related stereotypes. As noted in a related article, age-related stereotypes can have a very negative impact on intergenerational communications and relationships.

According to the survey of 75 students from the Kazan Institute of Economics Management and Law, (Almetyevsk branch) positive and negative phrases and a cliché in

<i>Which negative phrases, sayings do you use or have heard to the elderly?</i>	<i>To native grandmothers / grandfathers</i>	<i>To unfamiliar grandmothers / grandfathers</i>
- 5		Witch, old fart, old trout, old nag, old fogey, old fart, rotten (raw) monkey, moocher, parasite, bald stump, bald kid, bald dick, homeless, toothless sheep, ram, «siphon».
- 4		«gluhoman», cloth-ears, old woman, goof, dunce bald, an old shoe, old buffer, old buzzard, old bastard, old hag, old cartilage, old fool, toothless crone, «starichela» dodger, pressure cooker, a milkmaid.
- 3		The old «Shapoklyak» (the hero from cartoon), micrograndmother, bum, old, geezer, old woman, «karchyk» - (Tatar language), backwoods, stump rotting, «sektantka» chapelgoer, «Hey, Grandpa!», «Hey Grandma!»
- 2	grumbler, growler, «dedok», «babushka»	grumbler, growler, «dedok», «babushka»
- 1	An old woman, «dedulka», grandma, grandad, old, grandfather, grandmother, granny, «dedusya», granny, «dedulka», grandmother, grandad, old, grandfather, grandmother, granny, «dedusya», grannie.	An old woman, «dedulka», grandma, grandad, old, grandfather, grandmother, granny, «dedusya», granny, «dedulka», grandmother, grandad, old, grandfather, grandmother, granny, «dedusya», grannie.

What are positive phrases, sayings you use or have heard of smb. with respect to the elderly?	To native grandmothers / grandfathers	To unfamiliar grandmothers / grandfathers
5	«Babulechka», mema, «dedulechka», dear, gentle, kind, «maturam» - «my dear» (Tatar), «chirleme» - «don't ill» (Tatar), «ebiem» - «My Grandma», «Babaem» - «My grandfather »» ebikey «- «my grandmother», (Tatar) «ebiemka»- «grandma», «abinushka».	
4	Grandma, Grandpa, «ebika» (tatar) grandfather.	
3	«neneyka», «kugamay» -(mother's grandmother), «asanne» - (father's grandmother), «kugazi»-(mother's grandfather), «asate» - (father's grandfather -Chuvash language).	«Neneyka», «kugamay» - (mother's grandmother), «asanne» - (father's grandmother), «kugazi» - (mother's grandfather), «asate» - (father's grandfather -Chuvash language).
2	«babaeem» - «my grandfather» (Tatar language)	«starushechka», «babusechka», «dedusechka»
1	a grandfather, grandmother, «Babai», «ebi», «daewannie» - «grandma», «ebikey» - «Grandma», «cart ennie» - «Grandma», my old grandmother - (Tatar language).	mother, grandfather, «my dear father,» grandpa, grandma, «Babai», «ebi», «daewannie» - «Grandma», «ebikey» - «Grandma», «cart ennie» - «Grandma» - (Tatar language).

Diagram. Distribution of estimates of words and expressions

relation to the elderly were revealed and estimated on a five-point grading scale of degree of expressivity.

Evaluation of semantic space of responses, expressing the relation of youth to the elderly

The chosen gradation meant: «-5» - insulting, humiliating the honor and dignity of the elderly, «-4» - very bad words and expressions, «-3» - bad, «-2» - rather bad, than neutral, «-1» - are closer to the neutral; «+5» - expressing honoring, respect and love to the elderly, «+4» - very good words and expressions, «+3» - good, «+2» - rather good, than neutral, «+1» - are closer to the neutral. The class of neutral units wasn't allocated, as in subjective semantic spaces those estimates initially were excluded by us.

Whether it be a parent lecturing a child, best friends sharing personal experiences, interpersonal relationships are deeply imbedded in day-to-day interactions. In order to better understand and improve interpersonal relationships, a wide range of approaches have provided valuable insight. It is important to understand the nature of intergenerational conflict. Regardless of the control that individuals have over their circumstances, conflict is an unavoidable part of every-day life. Simply put, conflict is caused by problems during typical human interaction (Klein & Hill, 1979). Because human interaction is such an integral part of life, it is impossible to not experience some degree of conflict on a regular basis.

An intergenerational conflict is either a conflict situation between teenagers and adults or a more abstract conflict between two generations, which often involves all inclusive prejudices against another generation. Intergenerational conflict also describes cultural, social, or economic discrepancies between generations, which may be caused by shifts in values or conflicts of interest between younger and older generations. An example are changes to an inter-generational contract that may be necessary to reflect a change in demographics. It is associated with the term "generation gap".

There is a myriad of research that addresses specific types of intergenerational conflict, such as new views of grandparents (Aldous, 1995), continuities and discontinuities in parenting (Campbell, 2007), religious beliefs (Copen & Silverstein, 2007), grandmothers' involvement in grandchildren's care (Gattai&Musatti, 1999), and parental stress in grandparents related to children with behavioral problems (Harrison, Richman, & Vittimberga, 2000).

This thesis aims to take a communicative approach to understanding if these tensions exist and how they are managed

communicatively. Previous literature findings span across various forms of family structure from single parent to blended families to traditional two parent households (Douglas & Ferguson, 2003; Fingerman, 2004; Li, 2002; Riggs, Holmbeck, Paikoff, & Bryant, 2004). The structure of the family, values, and beliefs play a vital role in how grandparents interact with their grandchildren. Parents who have remarried spouses with children may find their experience with grandparents very differently than a single parent or a newly wedded couple. The complexity of family dynamics challenges this research because it constantly changes how people define their relationships.

This research demonstrates that studying intergenerational conflict over parenting is a very complex subject that needs continued research to better learn its many nuances. Defining conflict is another communicative aspect that alters perception of intergenerational tensions. Neugarten and Weinstein (1964) defined a formal grandparenting style as one where the grandparent withholds advice despite disagreement. While this study was conducted in an earlier era, today's generation continues to challenge norms and redefine society. This obviously affects the impact of communication between grandparents and their adult children. Many adults feel they know their parents well enough to know their beliefs. When a situation arises when the parent instinctively knows that the grandparent would disagree, and the grandparent simply remains silent, the parents may feel the tension. Although nothing is said at the moment of impact, the parent is often aware that tension exists. Some grandparents stay completely out of their adult child's parenting decisions, while other grandparents impulsively interject.

In addition to these two extremes, there are grandparents who fall somewhere in between. Parent-child relationships always seem to be "love-hate" (Luescher & Pillemeyer, 1998), and this remains true later in life when intergenerational conflict over child rearing occurs. In this research, the critical component in defining

intergenerational conflict is that conflict is not necessarily negative, but rather implies a task of structuring relationships that is created by structural, situational, and personal conditions (Luescher, 2002). This study exemplifies how people must live with ambivalence and parents can cope with it in competent, productive ways (Luescher, 2002).

To maintain an effective communication with grandparents, parents must acknowledge the struggles that grandparents experience. While conflict situations vary, one common denominator is the need to find satisfactory resolutions. When conflict is managed to produce satisfactory results, the damage to the relationship is typically minimal. In fact, resolving conflict can sometimes be instrumental in strengthening relationships. While many people associate the mere thought of conflict with negative connotations, conflict can provide opportunities to resolve concerns and strengthen relationships.

References:

1. Aldous, J. 1995, January. New views of grandparents in intergenerational context. *Journal of Family Issue* 16(1).104-122.
2. Campbell, J., & Gilmore, L. 2007, December. Intergenerational continuities and discontinuities in parenting styles. *Australian Journal of Psychology* 59(3).140-150.
3. Copen, C., & Silverstein, M. 2007, Autumn. Transmission of religious beliefs across generations: Do grandparents matter? *Journal of Comparative Family Studies* 38(4). 497-510.
4. Douglas, G., & Ferguson, N. 2003. The role of grandparents in divorced families. *International Journal of Law, Policy, and the Family* 17.41-67. Fingerman, K. L. 2004, November. The role of offspring and in-laws in grandparents ties to their grandchildren. *Journal of Family Issues* 25(8).1026-1049.
5. Gattai, F.B., & Musatti, T. 1999. Grandmothers' involvement in grandchildren's care: Attitudes, feelings, and emotions. *Family Relations* 48(1).35-42.
6. Harrison, K., Richman, G., & Vittimberga, G. 2000, March. Parental stress in grandparents versus parents raising children with behavior problems. *Journal of Family Issues* 21(2).262-270.
7. Klein, D. M., & Hill, R. 1979. Determinants of family problem-solving effectiveness. In E. W. Burr, R. Hill, F. Nye, & I. Reiss (Eds.), *Contemporary theories about the family*, vol. 1, 493-548. New York: Free Press.
8. Li, T.W. 2002, August. *A comparison of maternal parenting style attitudes of grandmothers and mothers of young children in Taiwan: Development of a new measure of parenting style*. Symposium conducted at the annual meeting of the American Educational Research Association, New Orleans, LA.
9. Leung, T., & Kim, M. 2007. Eight Conflict Handling Styles: Validation of Model and Instrument. *Journal of Asian Pacific Communication* (John Benjamins Publishing Co.)17(2).173-198.
10. Mandler, Luescher, K. 2002. Intergenerational ambivalence: further steps in theory and research. *Journal of Marriage and Family* 64(3).585-593.
11. Luescher, K., & Pillemeyer, K. 1998, May. Intergenerational ambivalence: A new approach to the study of parent-child relations in later life. *Journal of Marriage and the Family* 60.413-425.
12. Neugarten, B.L. & Weinstein, K. 1964, May. The changing American grandparent. *Journal of Marriage and the Family* 26(2).199-204.
13. Riggs, L., Holmbeck, G., Paikoff, R., & Bryant, F.B. 2004, August. Teen mothers parenting their own teen offspring: The moderating role of parenting support. *Journal of Early Adolescence* 24(3).200-230.

Костова-Панайотова
М., д-р филол. наук,
проф.

Юго-западный
университет, Болгария

Участник конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике

«ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА» МАНДЕЛЬШТАМА – МЕЖДУ ТЕКСТОМ И ЦИТАТОЙ

«Египетская марка» О. Мандельштама – произведение, сфокусированное в себе все, от чего отталкивается поэзия автора. При этом, данный знаковый текст, созданный в период поэтической «немочи» творца, вырастает как своеобразный калейдоскоп, в котором видны основные срезы художественного мира поэта. Они связаны со смыслом поэтического творчества и с принципами искусства в целом, с ролью традиции или, если точнее, традициями, поскольку у Мандельштама обнаруживаются сразу несколько разносторонних векторов.

Они свидетельствуют о наличии у писателя различных эстетических горизонтов, различных понятий об истории и современности, времени и пространства. Сам Мандельштам подчеркивал преднамеренную фрагментарность своих произведений, выстраиваемую на основе спаивания, соединения небольших частиц разных стилей, при котором видны следы клея и ножниц:

Я не боюсь бессвязности и разрывов.
Стригу бумагу длинными ножницами.
Подклеиваю ленточки бахромкой [1].

«Египетская марка» не входит в число популярных произведений Мандельштама. Может быть, потому, что его воспринимали как своего рода «сопутствующий» текст, подобно тому, как и принято воспринимать прозу великих поэтов. Возможно, это происходит и по причине трудности анализа повести, возникающей из-за того, что ее художественный мир старательно зашифрован на нескольких уровнях (видимо, именно поэтому многие критики называли данный текст криптографическим). Трудность существует и в результате того, что самом тексте автор умышленно переступает рецепционные границы и возможности, он созидает множественный, разнородный, коллажный, сюрреалистический и все-таки единный в музыкальном отношении мир, в основе которого лежит принцип «говорящего» пространства, «связывающий» в узел многочисленные лайтмотивы.

Еще одно, создающее трудности, обстоятельство – пересечение в повести огромного количества текстов культурной памяти и появление в этой связи «ловушек» для исследователя, который устремляясь по одному «сле-

ду», рискует пропустить другие, не менее значимые.

Достаточно скользнуть взглядом по повести, как сразу же обнаруживаются «следы» русской классики, легко различимые тексты, герои и образы, к которым отсылает повесть [2].

Идея «сшивания» на композиционном уровне объединяет полуфрак Парнокова с сюртуком Евгения из «Медного всадника» и шинелью героя Гоголя из одноименной повести. Мотив памяти появляется и при помощи приклеенных на перегородке картинок – для Мандельштама все они превращаются в голос времени[3].

Так по мнению Н.А. Фатеевой, в отрывках приклеенных на перегородке картинок соединяются предыдущие и будущие произведения поэта: «господа, похожие на факельщиков» и «кучер в митрополичьей шапке», объединяя тексты стихотворений «На розавальных, уложенных соломой...» (1916) и «Фаэтонщик» (1931). Вместе с тем они насквозь пропитаны пушкинскими реминисценциями о «самозванцах», которые «везут без шапок» [4].

«Египетская марка» целиком пронизана пушкинскими ассоциациями, и само место города между Миллионней, Адмиралтейством и Летним садом, перерастает в место прозы двадцатого века, немыслимое без Пушкина. Этот поэт присутствует и в цитате из «Медного всадника», (...которым «мог Господь прибавить ума и денег») и непосредственно в тексте как персонаж, которого куда-то ведут. И, наконец, оно обозначено как картина, часть странного иконостаса – «с кривым лицом и в кожаной шубе» – прием, отсылающий к гоголевскому «Портрету», где есть следующие строчки: «К этому нужно присовокупить несколько гравированных изображений: портрет Хозрева-Мирзы в

бараньей шапке, портреты каких-то генералов в треугольных шляпах, с кривыми носами». Отсылки к Гоголю, кроме прямых цитат, находятся и на поверхности текста, особенно на сюжетном уровне. В «Египетской марке» явственно просматривается модель повести «Шинель» – кражи полуфрака ротмистера Кржижанского.

В отношении многочисленных привязок стихотворения О. Мандельштама к произведениям и образам Ф.М. Достоевского, интересной представляется одна из работ Ц. Ракевского, в которой были детально проанализированы межтекстовые контакты между «Двойником», «Записками из подземелья» и «Египетской маркой» О. Мандельштама[5]. В ней также были отмечены связи с романами Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Бесы») и произведениями других русских писателей XIX в.

На композицию «Египетской марки» оказала влияние и розановская «комиксная проза». Мандельштам, как известно, являлся одним из самых тонких ценителей творчества В. Розанова. В связи с этим, интересные связи обнаружили Е. Курганов и Г. Мондри, пишущие «о создании братств из таких несопоставимых единиц как Достоевский, Гоголь, Пушкин, Лермонтов и евреев» [6]. Другой исследователь творчества Мандельштама, Л. Кацис, сумел установить условную связь между книгой Розанова «Обонятельное и осозаемое отношение евреев к крови» (1914) и сюжетом «Египетской марки» [7].

К одному из важных для знака писателей – Аненскому – отводят не только такое название, как «Фамиракитаред», но и сама идея о Петербурге – городе, сотворенном из тумана и гриппозного бреда (стихотворение «Петербург» Аненского).

Эпизод с глухонемыми в пятой части «Египетской марки» отсылает нас к стихотворению В. Хлебникова «Над глухонемой отчизной: „Не убей!“», о чем пишут В. Мордерер и Г. Амелин [8]. Чужие тексты здесь, как правило, присутствуют без кавычек. Поэт не только пользуется межтекстовыми ссылками, но и строит весь текст на основании таких ссылок, которые, вбирая «чужое» слово, сливаются с текстом и почти полностью утрачивают свои качества инородного тела. Цитируется самое характерное и эмблематичное для данного произведения или данного автора, создавая впечатление, что целью такого цитирования является стремление к тому, чтобы «чужое» слово было узнано читателем и внесло бы свои импресии в контекст.

Количество чужих текстов, которыми оперирует память писателя, по отношению к объему повести огромно и не связано только с русской литературой. В «Египетской марке» наряду с цитатами, образами и силуэтами из творчества Достоевского, Пушкина, Гоголя, Розанова, Аненского, Толстого, Хлебникова и других писателей, можно встретить аллюзии, героев и детали из произведений Бальзака, Стендоля, Флобера, Анатоля Франса, Гёте; связанные и с отсылками к другим видам искусства (живописи – пейзажам художников барбизонской школы, картине «Похищение сабинянок» Джованни Тьеполо; архитектуре – творениям Джакомо Кваренги, который в эпоху императрицы Екатерины II построил ряд общественных зданий; музыке – музыкальным произведениям или упоминаниям Генделя, Шумана, Баха, Бетховена, Моцарта, Листа, Шуберта, Шопена, Скрябина; театре – танцующем актере Соломоне Михоэльсе (ему Мандельштам посвятил свой очерк, один персонаж которого – еврейский портной). Здесь можем упомянуть и связь с Мервисом – портным из «Египетской марки». Детальный анализ того, каким образом отдельные фрагменты очерка перекочевывают в повесть, проделал в упомянутой статье А. Барзах [9].

Наряду с этим в «Египетской мар-

ке» присутствуют отсылки к реальным лицам культурной жизни Москвы, Петербурга, Киева – Анджеолине Бозио, Валентину Парнаху и Софии Парнок, Оскару Груценбергу, Генриху Рабиновичу, ротмистру Кржижановскому, полицмейстеру Петербурга 1917 г. и другим. При этом мозаика из цитат, клише и культурных силуэтов переливается ассоциативно, очень часто без причинно, поначалу напоминая беспорядочно собранные кусочки старой порванной карты.

Такими «кусочками» являются три географических топоса Петербург, Киев и Москва, спаянны знаком Египета, о котором вскоре зайдет речь. Только в рамках топоса Петербург повествование всасывает в свою ткань россыпь адресов, появляющихся и исчезающих без особой причины – библиотека на Подъяческой площади, Малый театр на Фонтанке, кафе, швейное ателье на ул. Монетной, аптека, часовщик, зубной врач на ул. Гороховой и другие. Причем неточностей и путаницы в таких аллюзиях, как отмечает А. Барзах, очень много. Но вряд ли они обязаны ослабевшей памяти поэта [10]. По мнению критика, писатель, скорее всего, использует то, что можно назвать «claveами памяти» для читателей. Мандельштама не интересует документальная точность деталей, потому что сама история лишена строгой упорядоченности – она представлена как нечто разделенное пополам, обессмыслившее, подброшенное. Именно так и сказано в тексте: «Я не знаю жизнь, мне ее подбросили...». На уровне фабулы безвременье города связано с одной из важных в повести линий – человеком, которого повели топить за кражу часов. Безвременье наступает, потому что время украдено [11].

С другой стороны, множество разноликих цитат как бы образует новую античную целостность со своими законами – она-то и является спасительным плотом в водах Леты. среди хаоса времени.

С мотивом разпавшейся истории и разпадающейся идентичности, связан и мотив Египта. Египетское возникло из прозвища героя по имени Парнак, выявились разные конно-

тации – в одних случаях вызванные принижением («Парнок – египетская марка, парикмахер, держащий над головой героя пирамидальную фиоль или слова комара: « я последний египтянин — я плакальщик, пестун, пестун, — я маленький князь-раскоряка — я нищий Рамзес-кровопийца» [12]; в других – связанные с имперским и мистическим («Фиванский сфинкс напротив здания Университета» – место встреч или, скажем, придуманных похорон певицы Анджеолины Бозио, где египетские грифы стоят рядом словно почетный караул). Известно, что египетский контекст по отношению к Петербургу появился в литературе еще в середине XVIII в., и он вызывался желанием придать российской столице древний вид и мистичность грандиозного топоса Египет.

Египетское в повести Мандельштама связано и с представлением о чужеродности и одиночестве. Парнок ощущает себя в разорваном городе чужеземцем.

Мотив одиночества перерастает в повести и в тему о евреях. Непрерывное упоминание египетского ассоциируется с бегством евреев из египетского плена и их переходом через пустыню. Персонажи повести скитаются в поисках своей обетованной земли. Один из героев – Шапиро – живет в районе песков возле Фонтанки – которые для него выглядят как Сахара: «для него были Сахары» [13]. Мечта Парнока – сбежать из этого города, и он грустит, потому что у него нет родственной.

Изобилие «египетских знаков» уводит нас к контексту о конце истории и окаменевшем мире. Эти знаки связывают между собой не только топосы, но и времена, превращая поток времени в несущественный отрезок, в реку, текущую между вневременными каменными сфинксами. Отсюда проис текают эсхатологические коннотации повествования. Вся повесть построена в диапазоне «смерть-бессмертие». К этим импрессиям добавляются отсылки к именам из греческой мифологии – чаще всего, Прозерпины. Звенящие телефоны Прозерпины – образ, отсылающий сразу к нескольким стихотворениям Мандельштама

(«В Петрополе прозрачном мы умрем, где властвует над нами Прозерпина» и «Петербург, я еще не хочу умирать, у меня телефонов твоих номера»).

Знаки египетского начала в повести тесно связаны с множеством особых иудейских и еврейских реминисценций, с идеей жертвенности и избранности. В этом смысле, для импрессий «Египетской марки» важными являются введенные Мандельштамом цитаты и персонажи из малоизвестного романа Шалома Алейхома «Кровавая шутка» (1914), в центре которого находится необоснованное обвинение евреев в ритуальном убийстве. В центре повести Мандельштама лежит эпизод с толпой, жаждущей утопить в Фонтанке пойманного вора. Но параллели на этом не заканчиваются.

В год опубликования «Египетской марки» выходит в сокращенном виде перевод романа Ш. Алейхома. Л. Кацис выявил способ транспортировки героев этого романа в мандельштамовскую повесть, сопровождающуюся некоторой перестановкой реалий: так, например, Давид Шапиро из романа, становится в повести Николаем Давидовичем Шапиро, а героиня Вера Попова из «Кровавой шутки» названа в «Египетской марке» Верой II; у Шалом Алейхома она сестра, а у Мандельштама – тетя [14]. Жертвенность и избранность переливаются в мотив изгойства, в чувство отверженности и утраты собственной идентичности из-за осознания крушения всего мира.

«Египетская марка» – произведение, основанное на коннотациях чужого слова, оно составлено из цитат, подобно мозаике. Возможно, именно эта повесть привела к созданию такого произведения как «Распад атома» Г. Иванова. Мотив замены, реки вышедшей из своих берегов, сна-жизни, ощущение потерянного человека, бросящего по чужим улицам, являются прямыми коррелятами из «поэмы в прозе» поэта-эмигранта.

Общих черт в этих произведениях присутствует слишком много, чтобы считать их типологическими: отсылки к гоголевской «Шинели», к образу титулярного советника и Психеи, ко Льву Толстому и «Анне Карениной», к разным музыкальным

произведениям, к Флоберу и «Мадам Бовари», к Достоевскому и мотиву мести благополучному миру. Параллельными фигурами являются комар-кровосос у Мандельштама и мрачный фон Клоп у Иванова, сомнабуллические образы воробьев, разговаривающих о похоронах, и образы зверушек, рассуждающих на тему смерти у Иванова. Мотив глухонемых у Мандельштама очень схож с мотивом о душах глухонемых у Иванова, выражение «Петербург, ты за это ответствен» в «Египетской марке» можно сравнить с ивановскими строчками «Пушкинская Россия. почему ты нам наврала». И так далее. И, наконец, оба произведения построены как вещи музыкальные: их основным мотивом служат сон, бред, сюрреалистические образы. Общей является идея о распаде мира и человека, идея о двойной смерти, выраженная в одном произведении через распад атома, как быстрой, физической смерти, а в другом – смерти медленной, духовной.

Следует также принимать во внимание два обстоятельства. Первое – это первенство текста Мандельштама: оно было опубликовано в 1928 г., а «Распад атома» Иванова вышел в Париже через 10 лет, причем сам Иванов в одной из своих статей 50-х гг. признавался, что обращался к тексту Мандельштама [15]. Второе – это необходимость учета разницы в организации произведений двух писателей в целом. У Иванова единство произведения пронизывает и композицию, сюжет, несмотря на свою фрагментарность, является возвратно-поступательным, доходя до своей кульминационной точки. Единым выступает у Иванова и образ лирического Я, чего не обнаруживается в повести Мандельштама. Последний автор сознательно до этого не доходит, переключаясь с первого на третье лицо и превращая своего героя в мнимый персонаж. При этом благодаря пародированию Мандельштам преодолевает традицию русской классики в смысле того, каким должен быть субъект художественного произведения и как оно должно быть построено.

В конце повести Мандельштама Парнок просто исчезает. Вместо него появляется его полуфрак у ротмистера Кржижановского, причем именно в Москве, в гостинице «Селект» на Малой Лубянке, куда позже переедет ЧК – эпизод, заключающий в себе признаки скрытой угрозы и, одновременно, еще один намек на гоголевскую «Шинель» и тему «маленького» человека [16].

Одна из непрерывно всплывающих тем в повести – фиксация хрупкости культурных реалий в распавшемся времени, бутафорность и утрата ими смысла (мотив о вещах), а также как знаков прежнего величия и былой славы.

«Египетская марка» – текст о тексте, о большом тексте литературы и его будущем.

Рукопись — всегда бурая, истрепанная, исклеванная.

Она — черновик сонаты.

Марать — лучше, чем писать [17].

Эти слова из «Египетской марки» ассоциативно напоминают, что во французском языке выражение «прочитай то, что зачеркнул» звучит как слово «литература». В повести Мандельштама как бы пересекаются две различные точки зрения на литературу и повествование движится будто в трещине между ними обеими. Одна видит ее как ремарку, зачеркивание и бунт. Не случайно языковая игра сблизила слово «марать» с героем французской революции Маратом. Согласно этой точке зрения, истинный смысл живет в черновиках. Другая точка зрения рассматривает литературу как пирамиду, что утверждал в своей статье «Литературная Москва» О. Мандельштам. По его словам, эта пирамида, «построенная из прозаиков без имен, из электиков и собирателей, которые не создают словесные пирамиды из глубин своей души, а стоят как скромные фараоновы наблюдатели медленной, но верной стройки настоящей пирамиды» [18]. (Сноска 15 Мандельштам 1990: 280). В этом смысле, пирамида есть образ сокровищ культурной памяти, построенная на основе «чужих» голосов из иного мира, перенесших «идеи времени» в вечность, позволим мы себе использовать мысль болгарского поэта Пенчо Славейкова.

Литература:

1. Мандельштам О.Э. Египетская марка. Л., 1928.
2. Подробнее см.: Барзах Анатолий. Без фабулы вблизи «Египетской марки» О. Мандельштама// ПОСТСКРИПТУМ. № 10. М., 1998.
3. «Тут был Пушкин с кривым лицом, в меховой шубе, которого какие-то господа, похожие на факельщиков, выносили из узкой, как караульная будка, кареты и, не обращая внимания на удивленного кучера в митрополичьей шапке, собирались швырнуть в подъезд. Рядом старомодный пилот девятнадцатого века — Сан-нотос Дюмон в двубортном пиджаке с брелоками...». Далее изображены были голландцы на ходулях... См. Мандельштам О. 2006: 160).
4. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов, М., 2006. С. 48.
5. Ракъовски Ц. След края на классика. София-Велико Търново, 2006. С. 160.
6. Курганов Е., Мондри Г. Розанов и евреи. СПб., 2000.
7. Кацис Леонид. Вокруг «Фагота» и «Египетской марки» (к теме «Мандельштам» и Шолом-Алейхем, М., 2001 (liber.rsuu.ru/Conf/Mandelsh-tam/kacis.htm)).
8. См. Мордерер В., Амелин Г. Хлебников и Мандельштам // Постскриптум. 2 (10). 1998.
9. См. Барзах Анатолий. Там же.
10. Голядкин, этот созданный Мандельштамом «капитан», почину соответствует титулярному советнику, но в действительности подобное смешение гражданского и армейского «титулов» не совсем корректно. Для этого нужны дополнительные обоснования... Достоевский не жилна Рязань-Джейул.; Н.А.Бруни, появившийся в роли священника на страницах «Египетской марки», в 1917г. еще не был рукоположен в названный сан, и неясно был ли он вообще весной в данном городе; фамилия главного героя состоит из двух букв (причем вторая есть только признак звучности /беззвучности/) и различается от фамилии прототипа,
11. Ямпольский. Беспамятство как исток. (Читая Хармса). - <http://lib.ru/CULTURE/YAMPOLSKIJ/harms.txt>
12. Мандельштам О.Э. Египетская марка. Там же.
13. Мандельштам О.Э. Сочинения. Т. 2, М., 1990. С. 97.
14. Кацис Леонид. Там же.
15. Иванов Г. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., 1994. С. 629. (статья «Ответ г.г Струве и Филиппову»)
16. Гарбузинская Ю. Тема «маленького человека» в «Египетской марке» О. Мандельштама // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». № 1 (4). Самара, 2006. С. 296-300.
17. Мандельштам О.Э. Египетская марка.
18. Мандельштам О.Э. Сочинения. Т. 2, М., 1990. С. 280.

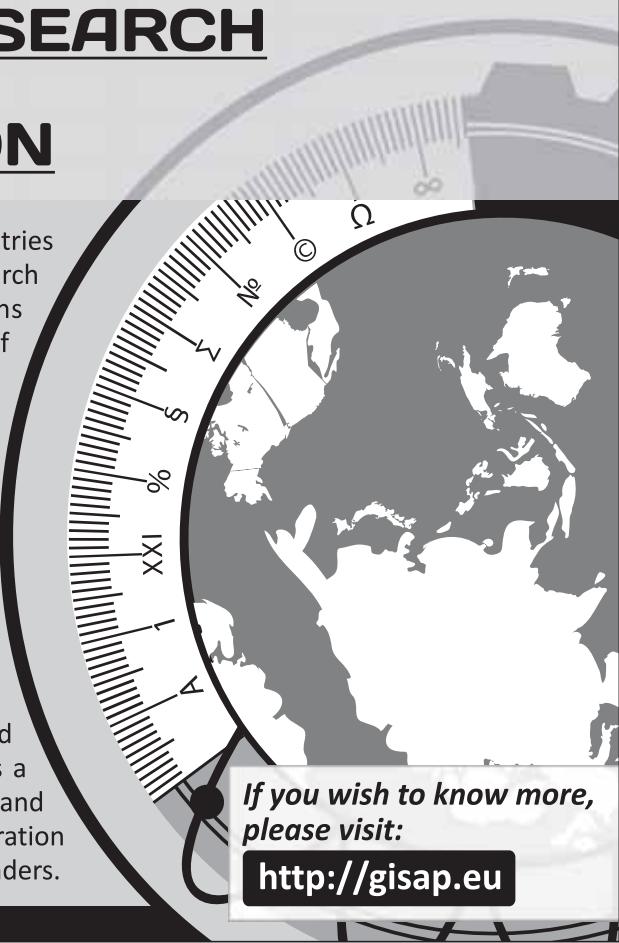

**WORLD RESEARCH
ANALYTICS
FEDERATION**

Research Analytics Federations of various countries and continents, as well as the World Research Analytics Federation are public associations created for geographic and status consolidation of the GISAP participants, representation and protection of their collective interests, organization of communications between National Research Analytics Federations as well as between members of the GISAP.

Federations are formed at the initiative or with the assistance of official partners of the IASHE - Federations Administrators.

Federations do not have the status of legal entities, do not require state registration and acquire official status when the IASHE registers a corresponding application of an Administrator and not less than 10 members (founders) of a federation and its Statute or Regulations adopted by the founders.

If you wish to know more, please visit:

<http://gisap.eu>

Плотникова А.А.,
преподаватель
Национальный
политехнический
университет Томска,
Россия

Участник
конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

Обращение современных пользователей Интернета к Слову как к средству творческого самовыражения многообразно и все шире распространяется благодаря особенностям данной коммуникативной среды, при этом оно остается малоизученным и не осмысленным в контексте как литературных, так и коммуникативно-речевых явлений. Замечено, что сетевой читатель «жаждет» миниатюры, для Интернета характерны «короткие тексты», отличающиеся эмоционально окрашенным содержанием, в которых выражаются переживания внутреннего мира человека, его субъективное отношение к внешней реальности. Группа таких текстов, обладающих типологическим текстовым сходством и условно обозначаемых «лирическая интернет-миниатюра» (ЛИМ) – является объектом настоящего исследования, рассматриваемым в коммуникативно-прагматическом аспекте. Данный аспект предполагает исследование такого параметра, как адресат, образ которого заложен в структуре жанровой модели, имеющейся в сознании говорящих [1]. Цель данной работы – описать специфику адресата лирической интернет-миниатюры для выявления особенностей адресации жанров сетевой литературы в целом.

Под ЛИМ понимается прозаический жанр личностного творческого самовыражения современных интернет-пользователей, отличающийся кратким объемом и законченной формой, выражающий субъективное мировосприятие и лирическое эмоциональное состояние автора. В исследовании выдвигается

СПЕЦИФИКА АДРЕСАТА ЖАНРОВ СЕТЕВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МИНИАТЮР)

В статье рассматривается специфика адресата жанра лирической интернет-миниатюры. Интерес к данному жанру обусловлен ее распространенностью и изменением в электронной среде. В исследовании выделяются типы внешнего и внутреннего адресата, обусловленные влиянием лирического дискурса и интернет-дискурса.

Ключевые слова: адресат, типы адресата, речевой жанр, сетевая литература, лирическая интернет-миниатюра, интернет-коммуникация.

The article stands analysis of use the genre of lyric miniatures in the online communication based on the nature of the speech genre. Interest in the genre of lyric miniatures due to its prevalence in the online communication and the change in the electronic environment. The subject of this article is the pragmatic aspects of a recipient and types of readers.

Keywords: recipient, types of readers, speech genre, net literature, lyrical internet-miniature, online communication, lyric discourse.

гипотеза о специфическом характере адресата ЛИМ, который связан с пересечением двух дискурсов - лирического и дискурса интернет-общения.

В контексте данной работы под лирическим дискурсом в широком смысле мы понимаем корпус всех лирических произведений вне зависимости от прозаической или стихотворной формы речи. Жанр ЛИМ преимущественно предполагает прозаическую форму и может быть отнесен к разряду «поэзии не в стихах». Исходя из положения о том, что за коммуникативной средой закреплены специфические жанры, они изучаются в различных сферах и дискурсах, в частности интерес к изучению различных жанров интернет-коммуникации неуклонно растет. К настоящему моменту в виртуальном жанроведении (Е. И. Горошко, Л. А. Капанадзе, Л. В. Компанцева, В. А. Кондрашов, Л. Ю. Щипицина, Лутовинова, М. Л. Макаров, М. Ю. Сидорова, Н. Б. Мечковская, Н. Б. Рогачева, А. Г. Аврамова, Н. Г. Асмус, В. В. Варламова, Е. В. Волкова, В. М. Громова, Н. Л. Моргун, К. В. Овчарова, А. И. Самаричева) не уделялось специального внимания характеристике адресата жанров так называемой «сетевой литературы».

Лирический дискурс предполагает усложненный тип адресата. Тексты лирических жанров сочетают в себе внешнего и внутреннего адресата. Внешняя адресованность – это направленность на субъекта восприятия текста, на любого читателя; она, как правило, имплицитна. Внутренний адресат - субъект, обозначенный в тексте, если он имплицитен, он равен внешнему адресату.

Адресат интернет-дискурса, являющийся по отношению к ЛИМ внешним адресатом, подразделяется на 2 типа: пассивный и активный. Пассивный адресат интернет-коммуникации только воспринимает информацию, а второй - вступает в ответную коммуникацию, тем самым обеспечивается обратная связь между автором ЛИМ и его адресатом, не предполагаемая в традиционной литературной коммуникации.

Внешний адресат лирической интернет-миниатюры

Характер адресата ЛИМ, обусловленный функционированием в данной коммуникативной среде, обладает спецификой родового для него интернет-жанра «запись в веб-блоге» (Б3). Адресат Б3 характеризуется исследователями следующим образом: «Специфический характер концепции адресата в случае с Б3 состоит в том, что, с одной стороны, адресатами являются известные автору постоянные читатели, а с другой — записи могут прочитать совершенно незнакомые автору люди, которые не входили изначально в круг прямых адресатов ... Блоги, таким образом, соединяют в себе потенциально неограниченную концепцию адресата, свойственную жанрам СМИ и литературы» [2]. Из всего широкого спектра адресата интернет-дискурса - множественного, неконкретного, не имеющего социальной определенности и ограниченного только технической возможностью доступа к Интернету (то есть каналом связи), адресат ЛИМ определяется принадлежностью к художественному дискурсу, к группе

«интимных жанров» (по М.М. Бахтину).

М. М. Бахтин по типу эмоциональной тональности и близости автора и адресата выделят фамильярные и интимные РЖ: «При всем громадном различии между фамильярными и интимными жанрами (и — соответственно — стилями) они одинаково ощущают своего адресата в большей или меньшей степени вне рамок социальной иерархии и общественных условностей, так сказать, «без чинов». Это порождает специфическую откровенность речи (в фамильярных стилях доходящую иногда до цинизма). В интимных стилях это выражается в стремлении как бы к полному слиянию говорящего с адресатом речи. <...> Интимная речь проникнута глубоким доверием к адресату, к его сочувствию — к чуткости и благожелательности его ответного понимания» [3].

Адресат сообщения, к которому обращена лирическая интенция, может оставаться пассивным читателем (тогда уровень взаимодействия читателя и автора подобен их взаимодействию в традиционной литературе) либо он активно вступает в дальнейшую коммуникацию, используя технические возможности Интернета, вступает во взаимодействие с автором в жанре комментария. Отличительной особенностью ЛИМ является наличие в структуре адресата жанра активного интернет-пользователя, который эксплицирует свое присутствие и выражает отношение к тексту ЛИМ.

По характеру семантического наполнения комментария выделим несколько условных подтипов активного адресата ЛИМ: «критик», «благодарный читатель», «собеседник», «alter ego». Разграничение данных подтипов коррелирует с использованием адресатами разных первичных РЖ в составе комментария.

1. «Критик». Образ адресата, комментарии которого представляют собой оценочные высказывания. Подавляющее большинство оценок текстов положительные, выражающие одобрение, восхищение, стимуляцию к дальнейшему творчеству, особенно частотна положительная оценка эстетических качеств текста. Критический

отзыв может представлять собой более развернутое и аргументированное высказывание:

«Очень наглядно все описано. Хорошо, что Филя голодовку пережил, может, это и его хозяйку спасет от участия соседки-сердечницы. <...> спасибо за трогательный рассказ» (http://zhurnal.lib.ru/comment/k/kowalenko_w_n/31?PAGE=3). Реже встречается критика текста, она может включать указание на ошибки, стилистические недочеты, неточности: « п.с. в последнем предложении есть маленькая погрешность. исправьте, пожалуйста.)» [там же]. «Ей интересно было возиться со старыми книгами и покрытыми тайной гипотезами. - это ж просто праздник какой-то, а не фраза! И это только начало текста...Вы сломали мой мозг... или то, что от него осталось:)» (http://zhurnal.lib.ru/comment/a/arma_t/nakonkurs).

Оценочный комментарий может включать в себя тактику советов и рекомендаций автору:

« Жёстко. Но, вообще-то можно было и расписать, до рассказа (*имхо*) Всё таки, эмоции не успевают разогреться - взгляд быстро промчался, а те дотянулись позже. В идеале, правильное ощущение наступает у читателя когда эмоции успевают за повествованием. Можно было бы потихоньку нагнетать, нагнетать, а потом дать эту яркую концовку» (http://zhurnal.lib.ru/comment/k/kowalenko_w_n/31?PAGE=2).

Однако стоит заметить, что наблюдения над комментариями примерно к 200 ЛИМ, показывают, что негативные оценки, как правило, остаются имплицитными и выражаются не в непосредственной близости от текста, а в критических обзирах.

2. «Благодарный читатель», комментарии которого можно отнести к жанру благодарности: «Спасибо, Верочка! Да, все именно так.» (http://zhurnal.lib.ru/comment/c/chirkowa_w_a/posemu?&COOK_CHECK=1);

3. «Собеседник». Адресат, который развивает тему, заданную в тексте ЛИМ, высказывает свою точку зрения по проблеме текста либо продолжает

общение на новую тему, возникающую по ассоциативному принципу: «Мудро! Пролетев через всё это, как ветер, начинаешь понимать, что это и была твоя жизнь... Сув.КВН» (http://zhurnal.lib.ru/comment/k/kowalenko_w_n/36); «Да, это невыносимо больно и обидно, за каждую сломанную жизнь, за каждую несправедливость и обман. Война вообще страшно подлая штука. Потому я так ненавижу всех дураков, которые теперь пытаются переиначить правду, или говорят с постыдными рожами, - а может и правда лучше было бы, если бы нас немцы завоевали» (http://zhurnal.lib.ru/comment/c/chirkowa_w_a/posemu?&COOK_CHECK=1).

Продолжение темы ЛИМ могут развивать несколько адресатов, например текст, озаглавленный «О дружбе» вызывает диалог между пользователями:

*Паршина Екатерина Сергеевна (parshina.katerina@mail.ru) 2012/01/30 22:12 А вот женской дружбы вообще не существует, и нам хорошего вспомнить будет нечего. Эх, только гадости.

*Просин Виктор Иванович (vikiy59@mail.ru) 2012/01/31 13:54 Мужская дружба ничем не отличается от женской. Просто проходит время и хочется вспоминать только хорошее. (http://zhurnal.lib.ru/comment/p/prosin_w_i/drugba)

4. «Alter ego». Такое условное обозначение типа адресата соответствует стремлению автора найти единомышленника, «чуткость и благожелательность ответного понимания» [3], сочувствующее, понимающее сознание. Такой подтип адресата наиболее соответствует ЛИМ как лирическому жанру. Автор пишет ЛИМ для человека с близкими интересами, переживаниями, системой ценностей и мировоззрения. В комментариях данного типа адресат указывает, что переживал, чувствовал то же самое, близость идей автора своим мыслям: «Каждый в своей жизни что-нибудь похожее испытывал, вы очень все тонко подметили и описали, спасибо:)» (http://zhurnal.lib.ru/comment/h/hachatjan_a_r/papa).

Комментарии последнего типа отражают «стремление как бы к полночию слиянию говорящего с адресатом

речи» [3], что соответствует явлению автокоммуникации. Автокоммуникация свойственна для лирического дискурса в целом и сопутствует другим типам адресата ЛИМ.

Автокоммуникация в лирической интернет-миниатюре

Лирический характер высказывания, близость к жанру дневниковой записи, творческое самовыражение автора через жанр ЛИМ свидетельствует о том, что разновидностью внешней адресации является автокоммуникация. Остановимся на проблеме автокоммуникации подробнее, поскольку она занимает значительное место в структуре адресата ЛИМ.

Автокоммуникация – это такой способ передачи сообщения, при котором наблюдается совпадение адресата и адресанта. Одно из первых научных представлений об автокоммуникации было предложено Ю. М. Лотманом, который противопоставил два типа адресата: схематически он обозначил их как «Я – ОН» и «Я – Я» [4]. По Ю.М. Лотману, в системе «Я - Я» носитель информации остается тем же, но сообщение в процессе коммуникации перформулируется и приобретает новый смысл. Это происходит в результате того, что «вводится добавочный - второй - код и исходное сообщение перекодируется в единицах его структуры, получая черты нового сообщения» [4, с. 165]. Такими «внешними кодами», под влиянием которых перестраивается словесное сообщение, могут быть «разнообразные системы ритмических рядов, построенных по синтагматически ясно выраженным принципам, но лишённых собственного семантического значения - от музыкальных повторов до повторяющегося орнамента» [4, с. 167 - 168]. В интернет-миниатюрах ритмические повторы, создающиеся в том числе за счет синтаксического параллелизма – распространенные черты стиля ЛИМ. Например, рассмотрим текст интернет-миниатюры:

«..лето.безучастное лето.так много лет лето. убежище под армированной кроной из наслоений бетона обитаемо снами. не важно, без нас или с нами. полупроводники ведут напряжение полутропами. знаешь, такие тайны воспринимает летально человек-слон. человек-клон. человек-

стон. человек-сон напрасно летопись заполняет пустыми листами, но пусть это останется между нами» (http://vkontakte.ru/note6312646_8951332).

Данный текст иллюстрирует идею Ю. М. Лотмана: текст в системе «Я - Я» имеет тенденцию «обрастать индивидуальными значениями и получает функцию организатора беспорядочных ассоциаций, накапливающихся в сознании личности. Он перестраивает ту личность, которая включена в процесс автокоммуникации» [4, с. 171].

Значение публикации в интернет-пространстве для автокоммуникации заключается в более высокой степени объективации внутреннего мира автора через текст и закрепления себя в виртуальной действительности как внешнем пространстве социального и культурного общения.

Внутренний адресат лирической интернет-миниатюры

Выделим две разновидности внутренней адресованности жанра ЛИМ: текст может быть обращен к конкретному или обобщенному субъекту. Обобщенный субъект (или обобщенный адресат), выраженный или не выраженный в тексте, фактически отражает направленность на внешнего адресата.

Средствами, привлекающими внимание читателя (адресата) становятся такие модусные маркеры, как вводные слова: *оказывается, интересно; обобщенно-личные предложения: «Это можно почувствовать, когда смотришь на звезды»* и др., грамматическими средствами, например, *«Я могу молчать и ничего не говорить, находясь в контакте с ощущениями... Но иногда, как-то порыв срывает завесу тишины и потоком льются слова... И ты в глубине души искренне удивляешься, как красиво они переливаются и складываются в предложения и продолжают, дополняют друг друга и те ощущения, которые есть внутри...»*. В приведенном примере смена субъекта на протяжении короткого текстового пространства, причем «ты» оказывается многозначным, с одной стороны, это «ты» обозначает обобщенного субъекта подобного субъекту обобщенно-личного одно-

составного предложения, с другой стороны, внешний адресат волен воспринять местоимение 2 л.ед.ч как указание на воспринимающего субъекта.

Конкретный внутренний адресат имеет жанрообразующее значение. Такой образ внутреннего адресата, как «влюбленный (-ая)» является маркером жанра ЛИМ. Текст ЛИМ может быть обращен к другому конкретному адресату, но он не будет обладать жанровым значением, а представлять частный случай адресата. Образ влюбленного или влюбленной может выражаться лексически, в основном, в форме обращений (любимый (-ая), родной (-ая) и подобными), посвящения, императива:

<...>Вот для чего меня создали Боги, вот для чего был создан ты, пойми, отбрось сомнения, оставь это убогим, прими меня, прими и обними. Возьми меня своюю половиной, с собой, куда б ни занесла судьба, держи меня, держи меня, любимый, не отпускай меня, я так слаба<...> (текст 812). В данном отрывке адресация к влюбленному выражена сочетанием глаголов повелительного наклонения и обращением.

Употребление местоимения «ты» для обозначения адресата как образа влюбленного более характерно, чем его номинация знаменательными частями речи.

<...>Ты помнишь обожжённые солнцем листья? Они были везде и всюду - огромные каштаны над нами, которые вбирали в себя беспощадные лучи, скрывая от палящего солнца наши золотящиеся в солнечных бликах головёнки. КаShтанаевская street... <...> (текст 22).

А ты - как море... Порой бываешь ты тих, спокоен. Лениво волны поднимаешь, затем, на полпути их отпускаешь... И тут же ветерок рисует рябь узора, а ты, встревожив этой рябью лоб, как будто отгоняешь мысли вспять. Опять... (Текст 684).

Способом выражения адресата в образе влюбленного 1 лицо множественного числа местоимения и глаголов по схеме: мы = я + ты.

«Я помню, как мы расставались. Это было тысячу лет назад. На зеленой полянке были две тропинки. Я

сказала: « Я ведь правда уезжаю на-
всегда. Ну давай просто поговорим
нормально напоследок!» Ты сказал:
«*Не стоит!*». И тогда я пошла по од-
ной тропинке, а ты - по другой» (текст
677)

Употребление местоимений вместо имен собственных выполняет свою эстетическую задачу в рамках жанра ЛИМ, оно выполняет функцию создания определенной степени художественной абстракции, универсализации образа возлюбленного. Такая универсализация рассчитана на внешнего адресата, который, читая текст, может вместо местоимения «подставить» образ своего возлюбленного, тем самым достигается авторская интенция к слиянию говорящего с адресатом речи.

Таким образом, основной набор признаков адресата жанра ЛИМ обусловлен принадлежностью к лирическому дискурсу. Адресат ЛИМ –

это адресат интимных, лирических жанров, для которого характерна автокоммуникация и наличие образа внутреннего адресата в виде либо обобщенного субъекта, либо конкретного субъекта - «любимый/-ая». При доминировании лирического начала интернет-коммуникация оказывает, тем не менее, значительное влияние на характер адресата жанра ЛИМ. Наличие активного внешнего адресата настолько характерно для интернет-миниатюр, что возможно выделить различные его подтипы. Благодаря наличию адресата такого типа обеспечивается обратная связь с автором ЛИМ, не предполагаемая в традиционной литературной коммуникации, однако являющаяся типичным признаком интернет-коммуникации. Есть все основания утверждать, что этот тип адресата вос требован для всех жанров сетевой литературы.

Литература:

- Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Сб. ст. Вып. 1. Саратов: Колледж. 1997. С. 88-99.
- Алексеев А. В. Записи в блоге как речевой жанр интернет-коммуникации [Электронный ресурс]: / А. В. Алексеев. – Саратов, 2009 // Персональный сайт Александра Алексеева. Саратов, 2008–2009. – URL: <http://iawia.net.ru/diplom.Htm>.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. – М., 1996. – Т. 5: Работы 1940-1960 гг. – С. 191
- Лотман Ю. М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты: (о двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. – СПб., 2000. – С. 159–164.

INTERNATIONAL UNION OF COMMERCE AND INDUSTRY

International Union of Commerce and Industry (London, UK) – a union of commercial enterprises, businessmen, scientists, public figures and politicians from different countries. The union combines the social and commercial elements of functioning.

Promotion of international consolidation and cooperation of business structures;
Promotion of development of commercial businesses of various kinds;
Assistance in settlement of relations and questions of businessmen with each other and with social partners in business environment;
Assistance in development of optimal industrial, financial, commercial and scientific policies in different countries;
Promotion of favorable conditions for business in various countries;
Assistance in every kind of development of all types of commercial, scientific and technical ties of businessmen of different countries with foreign colleagues;
Promotion of international trade turnover widening;

Initiation and development of scientific researches, which support the effective development of businesses and satisfy the economic needs of the society;

Expert evaluation of activities in the field of settlement of commercial disputes, establishment of quality standards and defining of factual qualitative parameters of goods and services;

Legal and consulting promotion of business;
Establishment and development of activities of the international commercial arbitration;
Exhibition activities;
Holding of business and economic forums;
Holding of creative contests and competitions of economic achievements.

Плотникова А.А.,
преподаватель
Томский
политехнический
университет,
Россия

Участник
конференций,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ЛИРИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается дискурсивная природа жанра лирической интернет-миниатюры. Интерес к данному жанру обусловлен ее распространенностью и изменением в электронной среде. В исследовании выделяются коммуникативные и лингвистические черты лирической интернет-миниатюры, обусловленные влиянием лирического дискурса и интернет-дискурса.

Ключевые слова: речевой жанр, лирическая интернет-миниатюра, интернет-дискурс, лирический дискурс.

The article stands analysis of use the genre of lyric miniatures in the online communication based on the nature of the speech genre. Interest in the genre of lyric miniatures due to its prevalence in the online communication and the change in the electronic environment. The subject of this article is the pragmatic and textual studies aspects of the question about interdependence of genre and online communication.

Keywords: pragmatics and peculiarities of style and speech genre, lyrical internet-miniature, online communication, lyric discourse.

Одной из задач виртуального жанроведения как актуального в настоящее время направления ТРЖ является определение отношения и взаимодействия традиционных и виртуальных жанров, т.е. «изучение способности приспособления или мутации традиционных бумажных жанров к интернет-среде с постоянно увеличивающимися возможностями новых гипермедиа» [1, 2]. Объектом настоящего исследования является лирическая миниатюра в интернет-коммуникации, то есть жанровая разновидность миниатюры, тексты которой, являясь небольшими по объему, опубликованы в сети Интернет и выражают внутренние переживания человека. По гипотезе настоящего исследования традиционная лирическая прозаическая миниатюра, попадая в новую среду претерпевает трансформацию и приобретает новые признаки. В работе ставится цель охарактеризовать жанровую природу лирической миниатюры с учетом его погруженности в новую коммуникативную среду Интернета.

Лирическая интернет-миниатюра до настоящего времени не являлась выделенным и закрепленным объектом лингвистического описания, поэтому прежде чем охарактеризовать ее как особый жанр приведем пример и вслед за В.З. Демьянковым, Н.Б. Лебедевой, Н.И. Тюкаевой предпримем попытку смоделировать **прототип жанра**. Если представить такую абстракцию, научную конструкцию, которая объединяет все характерные свойства жанра, то центральными представителями ЛИМ являются единицы, соответствующие следующему описанию: *Я пишу корот-*

кий красивый текст о себе или о моем особенном восприятии мира, потому что у меня богатый внутренний мир, мне хочется его высказать и показать другим, публикую его в Интернете, чтобы его прочитали. Показательно, что в метажанровой рефлексии в Интернете имеется схема жанрового прототипа интернет-миниатюры: «*Причем, уже даже сложился стандарт такой миниатюры. Как я уже говорил, пишут обо всем, но всегда о себе любимом с обязательным нагнетанием страсти, неразделенности чувств, не преминув заметить, какая за окном погода*» [3]. Таким образом, в метаязыковой рефлексии интернет-пользователей зафиксирована выделенность жанра в речевой художественной практике и культурном сознании как особой разновидности. Факт метажанровой рефлексии свидетельствует об ощутимом изменении, трансформации жанра.

Как показал анализ материала, который составляет 1000 текстов, относимых к данному жанру, специфика электронной формы бытования ЛИМ обнаруживается на пересечении лирического и интернет-дискурса, их взаимодействии и взаимовлиянии. При этом любой лирический текст (как стихотворный, так и прозаический) рассматривается как особая форма коммуникации, то есть определенный тип дискурса, лингвопрагматический аспект которого относится к малозученным аспектам.

Интегральные признаки ЛИМ как жанра обусловлены ЛД, который сохраняется в новом коммуникативном пространстве. Выделяемая учеными специфика интернет-речи [4] прояв-

ляется в лирических интернет-текстах слабо: речь стремится к тому, чтобы соответствовать традиционным нормам литературного языка. Непосредственно в текстах нет гиперссылок (гиперссылки - признак и атрибут того интернет-жанра, в который включен жанр миниатюры), не наблюдается синкетической устно-письменной вариации (разговорной) речи. Практически отсутствуют характерные для дискурса Интернета смайлики-эмодзи.

Характерные черты интернет-дискурса (мультимедийность, гипертекстуальность, разговорно-письменная форма) сглаживаются и ограничиваются формой лирической миниатюры, но влияют на стилистические показатели и коммуникативные возможности. Это проявляется в смешении стилевых пластов, упрощении и снижении эстетических качеств текста, а также включении новейших мультимедийных возможностей в текст.

Как жанр лирического дискурса ЛИМ обладает следующими свойствами. Во-первых, служит цели личностного самовыражения, высвобождения субъективных внутренних переживаний поэтической творческой языковой личности. Во-вторых, подчиняется общей коммуникативной стратегии лирики - моделирование у адресата авторского ощущения/толкования мира. В-третьих, обладает свойственной лирике областью референции и использует ее образный код, развивая традиционные лирические концепты, темы (жизни и смерти, любви, природы и др.). В сфере художественных тропов значимо использование живых метафор, дающих

возможность переживания данного явления («мечты кусаются», «когда засыпала она – засыпал мир», «Император души моей покинул империю»), актуализация стертых метафор («пьем зеленый чай с рижским бальзамом, но пролить ей бальзам на душу никак не удается», «заставила меня прилететь на другой конец света, так просто убив мою последнюю надежду на успех») и метафорических эпитетов («горький воздух несбыточной мечты», «разбиваются мечты», «спящие улицы», «засевшая где-то глубоко обида»). Характерно использование олицетворений («мародёрствует ветер», «огромный пустой замок устал бороться с житейской глупостью»), «которые как бы разрушают границы между человеком и миром», близки по функциям сравненияя явлений природы с внутренним миром человека.

Среди грамматических средств создания лирической эмоции в тексте предельно краткого объема исследователь отмечает насыщенность личными и притяжательными местоимениями («я», «мой»), возвратного местоимения «свой» (так, в интернет-тексте из 225 слов «я» употребляется 6 раз + «свой», из 177 слов – 7 раз + 3 употребления «мой»).

На словообразовательном уровне как прием создания лиризма в тексте отмечается употребление диминутивов и экспрессивных слов с аффиксами субъективной оценки («Ем грибочки, жду белочку», «Ты чувствуешь то прошлое счастье теперь, сейчас, спустя много лет. Кусочки счастья ожили в тебе...», «У меня на полочке больше года стоит баночка с сушёной полынью»). Среди синтаксических структур для лирической миниатюры наиболее характерны: синтаксический и художественный параллелизм «Эти бесконечные перекрестья...» Эти супермаркеты очередей <...> Этот обычный, вполне обычный город; Еще одно средство синтаксического уровня — употребление обобщенно-личных предложений для интимизации повествования («Так сидишь и скрепиши зубами», «Физически чувствуешь музыку. Прикрывашь глаза и чувствуешь, как она играет внутри тебя»). Распространенный прием в миниатюрах — использование повторов на разных уровнях организации текста (Дым. Которую неделю — только

дым, дым, дым. Ощущение дыма, цвет дыма, запах дыма). Приведенные примеры наглядно показывают, что в своей речевой практике современные непрофессиональные авторы используют все основные средства художественного языка, которые традиционно считаются чертами языкового воплощения литературного жанра лирической миниатюры.

Дифференциальная, отличительная черта ЛИМ от других жанров ЛД — малый объем. Этот признак признается метаязыковым сознанием, как показал эксперимент, ключевым признаком жанра. По данному признаку ЛИМ родственна другим малоформатным жанрам — от рассказа и эссе, котройкой статьи, до притчи и анекдота.

Краткость текста, во-первых, влияет на семантику и характер концептуального отражения внешней и внутренней реальности. Вследствие краткости миниатюра отображает не картину мира их автора, а ухватывает «картинку мира», подобную фотографии, «мгновение», в котором запечатлено чувство, эмоция, переживание. Во-вторых, малый объем влияет на формальные стороны текста. Компрессия ярко проявляется на уровне композиции (в большинстве текстов не выделяются микротемы, присутствует одна прозаическая строфа) и синтаксиса (частотны номинативные и инфинитивные предложения, преобладают простые предложения, в том числе сентенции, встречается «рубленый», «телеграфный» стиль с употреблением парцеляции, эллипса и других риторических фигур, которые кроме функции сокращения объема несут на себе еще и экспрессивную нагрузку). Приведем пример предельно короткого текста (36 слов), наполненного синтаксическими фигурами:

Любил. Любил как умел. Любил как мог. Потерпел неудачу. Теперь это только моя проблема. Теперь мне с ней жить дальше. Любил? Люблю. Теперь только наедине с собой. Глубоко в сердце. Безнадежно. Безвозвратно. Вот и вся правда.

Малый объем, по нашему мнению, является одним из причин распространности ЛИМ в Интернете. Формальное ограничение объема, которое составляет для данного жанра 100-300 слов совпадает со средним объемом интернет-сообщения (поста в блоге,

статьей в журнале, развернутой заметкой в социальных сетях). Малоформатность ЛИМ отражает общую тенденцию к сокращению объема текста в интернет-коммуникации.

Принадлежность к интернет-дискурсу обусловливает специфические черты жанра, отличающие исследуемую разновидность от традиционной ЛИМ. Они проявляются в тех коммуникативных параметрах текста, которые выделяются в лингвопрагматическом направлении ТРЖ и, в частности, в виртуальном жанроведении.

Жанры Интернет-дискурса исследователи (Лутовинова, Херинг) предлагают описывать с помощью ряда критерий, которые являются параметрами организации виртуальной коммуникации. Например, параметр «направленности на адресата» для лирической миниатюры — массовая, «временная ориентация» — асинхронная, со средней или низкой степенью интерактивности, «степень регламентированности» электронного текста — низкая: по содержанию ограничивается лишь тематически (лирическая тематика), по форме — в среднем объеме 100-300 слов (что соответствует критерию ограничения объема «в один экран», совпадает со средним объемом интернет-поста), параметр «принцип взаимодействия» автора и адресата миниатюры в интернете соответствует классическому для литературы — один — многим.

Традиционная лирическая прозаическая миниатюра принадлежит к литературным, «книжным» по субстрату жанрам. Располагаясь в Интернете, лирические миниатюры принадлежат к электронным жанрам коммуникации. «Электронный субстрат» (компьютер, мобильный телефон), как и прочие технические средства передачи, не только создают особые жанры, но и модифицируют традиционные жанры: записка и смс-сообщение, при всех общих своих характеристиках, в первую очередь — целевом, — это разные жанры, так как электронный носитель накладывает свои ограничения и специфицирует содержательные и прочие аспекты» [5].

Электронный субстрат обладает особой материальностью — **виртуальностью**. «В виртуальной среде текст лишен физической составляющей и зависит лишь от параметров экрана.

Это позволяет производить любые исказения и отображать один и тот же текст разными способами — его можно механически вытягивать, сжимать, поворачивать... Он [текст] дематериализован, полностью избавлен от своей вещественной составляющей, вещественен лишь экран, при этом текст на экране не является материальным объектом в общепринятом смысле» [6].

В случае с интернет-миниатюрами — субстрат электронный, в случае с традиционным жанром миниатюры — бумажный. У электронного субстрата не имеется автографов и черновиков, не остается исправлений автора, нет редакционной правки, очень легко изменяются параметры графического исполнения текста.

Одним из параметров лингвистического описания жанра, выявленным в виртуальном жанроведении под влиянием медийных технологий, признается параметр **«технические средства создания»**. В случае с миниатюрами, созданными в электронной среде это средства ввода-вывода компьютера (клавиатура, монитор, мышь), а также компьютерное программное обеспечение. Показательно, что средства создания жанра как отличительная черта современного коммуникативного пространства, закрепляется в некоторых текстах лирических миниатюр в качестве одного из денотатов повествования.

Являясь фоном, элементом предметного мира, окружающего автора средства создания текста предстают в образной форме, что продиктовано художественной спецификой жанра миниатюры: *К слову сказать. в этой квартире отвратительный монитор. на котором ничего не видно. но это искупается совершенно интересной клавиатуркою. она резиновая, кнопочки нажимаются неслышно-неспешно. если её приподнять за край. она становится похожа не то на грелку, не то на мёртвое животное* (http://vk.com/note22446638_10177069).

В отдельных случаях окружающий мир уподобляется автором компьютерным процессам. ... В хмурый дождливый день, текстура неба в котором не загрузилась, а снять задачу и выключить, наконец, дождь в котором невозможно, сидела за компьютером, читала грустные, трога-

ющие душу, как котенок лапкой, нежно стихи и от переполняющих сердце чувств плакала, человала свои пальцы и прижимала их к монитору (http://zhurnal.lib.ru/d/dasha_s/1.shtml). Природа в данном тексте как компьютер: «не загрузилось» изображение с видеокарты (текстура неба), «снять задачу и выключить» — стандартные команды диспетчера задач ОС, позволяющие отклонить ошибки в работе компьютера.

Следующим жанрообразующим параметром ЛИМ является **«время и ход коммуникации»**. Одно из принципиальных отличий жанра интернет-миниатюры от жанра от традиционного бумажного аналога состоит в **скорости ответной реакции** адресата (она появляется, как правило, с момента публикации записи и продолжает активно поступать на протяжении нескольких дней). Отличие интернет-миниатюры от традиционного жанра-прототипа, то есть от литературной миниатюры, заключается в характере хода коммуникации: под воздействием виртуальной коммуникативной среды миниатюра становится **ициальным жанром**. После текста/поста/сообщения лирического характера возникает дальнейшая цепочка высказываний, диалог или полилог в жанре комментариев, соответствующих архитектуре сайта — блога, форума, социальной сети, литературного портала. Имеется запрограммированная техническая возможность обратной связи. «Комментарии», обратная связь содержат в себе оценку (чаще всего положительную), развитие темы в произвольном направлении либо мало связанный с темой исходного сообщения, независимой от текста.

В Интернете усиливается прагматическая направленность коммуникативной цели миниатюры — привлечь внимания к автору, творческой способности, и т.п. В авторскую задачу входит намерение вызвать интерес к внутреннему миру. Если задача автора успешно решена, то написание лирического поста является мотивом для последующего диалога.

В результате исследования была установлена специфичная природа жанра современной лирической миниатюры, проявляющаяся в принадлежности к двум типам дискурса — лирическому и интернет-дискурсу. Данная разновид-

ность жанра по характеру субстрата — имеет электронный субстрат, по средствам создания — тексты, созданные при помощи устройств ввода-вывода компьютера либо другой цифровой техники; специфичность данного призыва ЛИМ в том, что цифровые средства создания миниатюры часто называются и характеризуются в образной форме непосредственно в тексте. По ходу коммуникации ЛИМ — жанр асинхронной коммуникации, ициальный с низким или средним уровнем реактивности. Способ представления информации миниатюра носит характер текста малого объема (отдельного веб-поста) с примыкающими гиперссылками на смежные жанры; в содержание ЛИМ включаются мультимедийные и поликодовые элементы. Перечисленные признаки свидетельствуют о специфике интернет-миниатюры по сравнению с традиционным аналогом.

Литература:

1. Горошко Е.И. Виртуальное Жанроведение: устоявшееся и спорное. Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Том 24 (63). — №1. — Ч.1. — с. 105-124.
2. Компанцева Л. Ф. Проблема виртуального жанра // Ученые записки Таврического Национального Университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология». — Симферополь. — 2005. — Т. 18 (57). — №2. С. 106
3. Янс Г. Миниатюра, как зеркало сетевой литературы. [Электронный ресурс] © Copyright: Янс, 2004 // Сервер Проза.ру URL <http://www.proza.ru/autor/jans>.
4. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации: От клинописи до Интернета: Курс лекций по общему языкознанию. Москва: Флинта; Наука, 2009.
5. Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Е.Ю., Тюкаева Н.И. ЕПР: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М, 2011. С. 50.
6. Белико Т.В. Сравнительный анализ особенностей восприятия текста на бумажном носителе и в интерактивной среде // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 13, №2, 2011. С. 215.

Пономаренко Е.Б.,
канд. филол. наук,
ст. преподаватель
Российский
Университет
Дружбы Народов,
Россия

Участник
конференции,
Национального
первенства по
научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СООБЩЕНИЙ

В статье рассматриваются изменения, наблюдаемые на современном этапе в языке английских и русских информационных текстов; выявлены их структурные, семантико-стилистические и функциональные особенности, сопоставлены средства стандартизированности и экспрессии на основе проведенного комплексного сопоставительного анализа

Ключевые слова: информационное сообщение, перевернутая пирамида, заголовок, фразовые глаголы, пассивные конструкции, клишированные словосочетания

The article describes the results of conducted comprehensive comparative research which revealed some changes in the language of English and Russian news texts observed at the present stage, their structural, semantic, stylistic and functional characteristics.

Keywords: news texts, the inverted pyramid, the headline, phrasal verbs, passive constructions, cliché phrases

Информационные тексты сегодня, независимо от языковой и культурной принадлежности, заполнены описаниями однотипных событий в области политики, информацией о чрезвычайных происшествиях (авариях, катастрофах, заказных убийствах, терактах, взрывах), сообщениями о сенсационных событиях и т. д. Такая повторяемость освещаемых событий также ведет к стереотипности в их описании. Глобализация информационной сферы приводит к конвергенции набора событий, освещаемых в мировых СМИ, что не является следствием влияния какой-либо одной культуры, а обусловлено цивилизационно [1, с. 68-73].

В настоящее время большинство информационных текстов распространяется не от имени конкретного автора, создавшего текст, а от имени определенной медиаструктуры, распространяющей данный текст на массовую аудиторию. Типичным примером такого соавторства могут служить сообщения информационных агентств, ставшие неотъемлемой частью ежедневного информационного потока. Такие корпоративные тексты легко найти на страницах информационного сайта (www.bbc.co.uk/news, www.ap.org, www.reuter.com, www.lenta.ru, www.rosbalt.ru и др.), а также онлайн-газет. Сообщения информационных агентств в основном идут без подписи, однако некоторые агентства, как указывает Ю.А. Погорелый (такие как AssociatedPress), позволяют авторам подписывать сообщения, если они являются не новостью, а комментарием или анализом. Другие информационные агентства (например, Reuters

или Bloomberg), наоборот, сообщают имя автора и его координаты под новостью, для того чтобы у него можно было что-либо уточнить [6, с. 29].

Английские информационные сообщения характеризуются жесткой, устойчивой структурой, которая строится по принципу *the inverted pyramid* (перевернутая пирамида). Принцип «перевернутой пирамиды» предполагает, что вся самая ценная и важная информационная нагрузка приходится на первую фразу, которая называется *the lead* (зачин) и фактически содержит все важнейшие компоненты сообщения в концентрированном виде. Приверженность многих журналистов принципу «перевернутой пирамиды» обусловлена тем, что информационный текст, построенный таким образом, удобен как для читателя, так и для редактора. Читателю достаточно взглянуть на первый абзац текста, чтобы понять, интересно ему данное сообщение или нет. Редактор же всегда может отбросить несколько последних фраз, сократив материал без серьезного ущерба для содержания [2, с.76]. Этот принцип реализуется как в масштабе всего текста (где сначала идет заголовок, а затем концентрированно дается самая существенная информация), так и в масштабе зачина, классический зарубежный вариант которого представляет собой ответ на имплицитные вопросы: *who?* *what?* *why?* *how?* *where?* *when?* (*кто?* *что?* *почему?* *как?* *где?* *когда?*).

Для английских информационных сообщений типична более высокая степень детализации текста, чем для русских. Степень детализации текста

может предполагать прямое указание на различное число деталей, характерных для данной ситуации. В результате общие по тематике сообщения будут различаться по степени эксплицитности. Некоторые признаки в одних сообщениях будут названы, а в других останутся имплицитными, лишь подразумеваемыми, легко выводимыми из сообщения, но не включенными непосредственно в его состав, например возраст, кто в чем одет, какая была погода во время переговоров, как лежали тела во время террористического акта и т. д. Подобные характеристики могут быть признаны избыточными и опущены при переводе с английского языка на русский.

Структура современного русского информационного сообщения строится также по схеме «перевернутой пирамиды», как принято в зарубежной журналистике, но она имеет ряд отличий. В отличие от английских, русские информационные тексты имеют более простую композиционную схему: заголовок – зачин – корпус. Однако с использованием современных средств информации система «перевернутой пирамиды» перестает удовлетворять читателей, так как новости они узнают не из газет, а из электронных источников (Интернет, телефон, телевизор), поэтому подача информации в русских информационных сообщениях тоже меняется. В настоящее время в российских СМИ выделяются четыре схемы подачи информации: «оживленная» новость, «песочные часы», мягкая новость и «фиче» [5, с.26]. Эти варианты, по убеждению современных практиков журналистики, отвечают требованиям времени и интересны читателям.

Особую роль в информационном сообщении играют заголовки. Они во многом определяют эффективность всего текста. Именно в заголовках наиболее ярко проявляются общие особенности газетно-публицистического стиля, поскольку в них сконцентрированы многие лексические и грамматические особенности. Заголовок как первый элемент текста дает читателю общее представление о содержании сообщения, а также нередко заключает в себе основную мысль автора. Будучи частью текста, его важнейшим структурным элементом, заголовок оказывает превалирующее воздействие на построение и содержание текста, и его восприятие читателем. Как продемонстрировал проанализированный нами материал, для английских заголовков более характерно использование сложных развернутых повествовательных предложений. Наблюдаемая картина свойственна английским газетам, главным качеством которых является традиционализм, строгость, респектабельность языка и издания. В английских заголовках мало вопросительных, отрицательных, восклицательных и повелительных предложений. В русских заголовках, наоборот, эти конструкции представлены более широко. Удельный вес заголовков глагольного типа заметно выше в английских информационных сообщениях, чем в русских, хотя и в русских их число за последние годы значительно возросло. Одна из отличительных черт русских информационных сообщений – наличие таких заголовков, которые не раскрывают содержание текста, хотя их число существенно сократилось.

Заголовки английских газет обнаруживают целый ряд особенностей, требующих специального подхода при переводе (опущение глагольной связки *be* пассиве, в именном сказуемом и модальном глаголе *be*; употребление вместо глагольных форм прошедшего времени форм настоящего времени; отсутствие личных форм глаголов будущего времени). Нередко требуется предварительное ознакомление с содержанием текста для правильного понимания и перевода заголовка. Кроме того, английские заголовки структурированы строже русских. У них имеется «заголовочная грамматика» и «заголовочный лексикон».

В заголовках российских газет ши-

рокое распространение получило использование прецедентности (интертекстуальности). Анализируя особенности функционирования прецедентных текстов в языке газеты, Е.А. Земская обращает внимание на то, что цитаты (и квазицитаты) употребляются, как правило, в заголовках, то есть в сильной позиции, где они сразу привлекают внимание читателя, ставят перед ним ряд вопросов: кто автор, как цитата связана с содержанием статьи и т. п. Автор говорит о важности описания прецедентных текстов, «которые включаются в газетные заголовки, ибо они характеризуют и менталитет автора-журналиста, и его уровень, а также психологию и коммуникативную компетенцию читателя-адресата» [3, с. 554]. Подобную мысль высказывает и М.Л. Ковшова, полагая, что «анализ заголовков различных изданий позволяет составить представление об объеме культурной компетенции усредненного носителя языка и культуры, то есть о минимальном “культурном багаже” читателя газеты» [4, с. 472]. Например: «Мертвые души Германии» (Известия, 08.08.2008) – Федеральное статистическое агентство Германии заявило, что не знает точное количество жителей Германии (здесь заголовок напоминает название произведение Гоголя «Мертвые души»); «В бой идут одни “пиджаки”» (Известия, 13.03.2008) – о сокращении военных кафедр в вузах (интерпретация названия известного фильма «В бой идут одни старики»); «Чужих лесов мы не хотим ни пяди, но и своих вершка не отдадим» (Известия, 13.03.2008) – о развитии лесопромышленного комплекса России (интерпретация строки военной песни «Марш танкистов»); «Хоть гол на голове теша» (Известия, 12.03.2010). Юмористически перефразированные прецедентные тексты обладают яркой фоновой коннотацией, известной только носителям русского языка. Исследования показывают, что характерной приметой языка современных российских газет следует считать рост их интертекстуальности, а также то, что в них возможности экспрессивного синтаксиса используются шире, нежели в английских заголовках.

Основным признаком английского информационного текста на лингвостилистическом уровне выступает нанизывание клишированных словосочетаний различных видов в одном сообщении.

При этом эмоционально-оценочная лексика почти отсутствует, поскольку основная функция информационного сообщения – сообщать, информировать, представлять факты. Вместе с тем клишированные словосочетания все же несут определенную смысловую нагрузку, что чрезвычайно важно для интерпретации сообщения и отражения определенной идеологической направленности. В русских информационных сообщениях также присутствует достаточно большое количество клишированных словосочетаний, что говорит о стандартизации языка текста английского и русского информационного сообщения.

Отличительной чертой английских информационных сообщений являются более разнообразные и многочисленные случаи употребления различных форм пассива, что связано со стремлением жанра к более объективной подаче информации и с намеренным дистанцированием производителя новостей от описанных событий. Замена активных глагольных форм на пассивные в английских информационных текстах позволяет представить картину событий с точки зрения определенных идеологически обусловленных интерпретаций. На усиление роли пассива в новостных и информационных сообщениях указывают многие англоязычные исследователи [Bell 2007; Montgomery 2008], которые говорят о дальнейшей «пассивизации» языка новостных сообщений. Они высказывают важную мысль о том, что выбор пассивных конструкций для выражения определенного содержания в тексте идеологически обусловлен. Так, с точки зрения известного английского исследователя Мартина Монтгомери, замена активных глагольных форм на пассивные в сообщениях позволяет представить картину события с позиции определенных идеологически обусловленных интерпретаций [8, с 268–277]. Особенno ярко интерпретирующие свойства пассива проявляются в сообщениях о конфликтных ситуациях, террористических актах. Например;

At least 26 people have been killed in clashes in Kyrgyzstan's second-largest city of Osh, officials say. More than 400 people were wounded in the fighting, which is reportedly between Kyrgyz and ethnic Uzbek groups. The cause of the clashes was not immediately clear. A state of emergency has been declared in the

southern city. Osh is home to a large ethnic Uzbek community and was the power base of former president Kurmanbek Bakiyev, who **was overthrown** in April (www.bbc.co.uk/news / 26.08.2010). В русских текстах пассивных форм меньше. Для русского языка характерно выражение объективности действия активными формами глагола. И наоборот, из-за преобладания в английских новостях пассивных форм создается впечатление большей объективности за счет отстраненности мнения журналиста.

Наряду со стандартизированностью языка английских информационных текстов изучение материала обнаружило проникновение в них пласта разговорной лексики путем широкого использования фразовых глаголов (*kickoff, wrapup, windup, roundof, naildown, crackdown* и др.). Фразовые глаголы отличаются эмоциональной окрашенностью, более экспрессивны и менее формальны, чем их синонимы. Благодаря их использованию стиль сообщений становится менее официальным, нейтрально-заниженным, но при этом более эмоциональным и запоминающимся. Например: *Ms. Rice had extended her Middle East visit to help nail down the agreement.*

Отмечается тенденция использования в английских информационных текстах разговорного пласта фразеологии, единиц, снабженных в словарных статьях пометками *informal* или *spoken*. С целью создания имплицитно-оценочного повествования в строгий контекстанглоязычного ИС помещаются разговорные фразеологические единицы (*throw the towel, come across, comedown in the world, lame dark, keep one's fingers crossed, tighten the screw so nsmb., the gravy train, redherring*). Эта тенденция, фиксируемая исследователями английской газетной речи, постепенно переходит в характеристику стиля в целом. Благодаря отмеченным особенностям стиль английского ИС становится нейтрально-заниженным.

Изученный нами материал показал, что в русских информационных сообщениях ФЕ встречаются реже, по сравнению с английским. Это фразеологизмы, различные по структуре, этимологии и лексической наполненности (*пройтись красной нитью, без фиги в кармане и камня за пазухой, навострить уши, сесть в лужу, ящик Пандоры*). Одна из особенностей современных российских газет – появление сообщений на рели-

гиозную тематику, что влечет использование конфессиональной лексики (свершить паломничество, крещение Христа, главная святыня, странноприимный дом для паломников и др.).

Фигурирующие в русских информационных сообщениях метафорические ФЕ во многом носят специфический характер в силу категориальных признаков стиля, не допускающих обширного использования экспрессивно окрашенных единиц. Между тем, попадая в газетно-публицистический текст, фразеологизмы повышают выразительность изложения и одновременно выполняют стандартизирующую функцию, выступая в качестве мощного средства компрессии информации. Необходимо отметить, что ФЕ в информационных жанрах в основном употребляются в составе заголовков и при цитировании. Наш материал свидетельствует, что в русских информационных сообщениях они встречаются реже, по сравнению с английским.

Для современного информационного текста (как английского, так и, в еще большей степени, русского) характерно появление новообразований, слов с новым значением. В английских текстах задействуется многозначность (*meltdown, embrace, validate, reachout* и др.), в русских – широкий пласт заимствованной лексики (*лоббисты, модернизация, инновация, инаугурация, импичмент, омбудсмен* и др.).

Тот факт, что для английских информационных текстов, наряду с типичными для данного жанра клишированными словосочетаниями, пассивными конструкциями, свойственно широкое использование элементов разговорного стиля (фразовых глаголов, метафор, фразеологических единиц, неологизмов, неформальных имен собственных (*Arnie* – губернатор Калифорнии Арнольд Шварценеггер), указывает на тенденцию к неформальности и меньшей стандартизированности стиля английских информационных текстов.

В русских информационных текстах, напротив, несмотря на происходящие в языке изменения, по-прежнему преобладают устойчивые словосочетания, языковые штампы со стилистически завышенной окраской. Многочисленные заимствования, характерные для русских текстов,

также способствуют их официальной тональности. Присутствие разговорной лексики, метафор, фразеологизмов, по сравнению с английским языком, незначительно, что указывает на большую стандартизированность русского газетно-публицистического стиля. Напомним, речь идет только о качественных, авторитетных изданиях.

Результаты проведенного исследования указывают на тенденции к большей стандартизированности и официальности текстов русских информационных сообщений по сравнению с английскими. Мы приходим к выводу, что стиль английских информационных сообщений можно описать как нейтрально – заниженный, тогда как для русских характерен нейтрально – завышенный стиль. Данные различия, как представляется, связаны с экстралингвистическими факторами и отражают процессы, происходящие в обществе. Более высокая степень демократизации английского общества сказывается на неформальности, на большей раскрепощенности и смелости журналистов в выборе слова, что делает текст информационных сообщений менее формализованным.

Литература:

1. Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ / Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 68–83.
2. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) – М., Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.
3. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М., Языки славянской культуры, 2004. – 668 с.
4. Ковшова М.Л. Прецедентный текст в современном газетном заголовке как интеллектуальное развлечние. – М., Индрик 2006. С. 421–428.
5. Колесниченко А.В. Практическая журналистика - М., Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 192 с.
6. Погорелый Ю.А. Информационное агентство: Стиль оперативных сообщений. М., 2001. 51 с.
7. Bell A. The Language of News Media - Oxford: Blackwell, 1991. – 277 p.
8. Montgomery M. An Introduction to Language and Society. London – New York: Routledge, 2008. – 314 p.

Ponomarenko E. B.,
PhD in Philology
Peoples' Friendship
University of Russia, Russia
Conference participant,
Championship participant:
the National Research
Analytics Championship,
Open European-Asian
Research Analytics
Championship

LINGUISTIC MANIPULATION DEVICES (BY THE EXAMPLE OF ENGLISH AND RUSSIAN INFORMATION TEXTS)

Some linguistic devices of audience impact by means of formation of mass consciousness stereotypes concerning various countries, events, phenomena of social and political life, as well as individuals, used in British, American and Russian mass media, mainly, in the texts of information statements, are viewed in this article.

Keywords: linguistic manipulation, manipulative impact, mass consciousness, ideologeme, emotional evaluation, euphemization.

The primary function of informative style is information transfer, though in most cases such transfer is hardly neutral, i.e. totally free from the elements of audience impact. Informative texts, just like all other journalistic texts, also perform the function of impact, and are aimed at creation of a particular relation of the audience to the information transferred, and often reflect the position of the editors office or information agency. While analyzing mass media texts, researchers are trying not only to understand how the events are shown, what kind of lexical means are used for these purposes, but also on whose behalf and how the language influences the society [Beder 2004:210; Matheson 2005:12]. It stands to reason, because they are created "in accordance with a certain ideological system and are based on the system of ideological values" [Popova 2006: 129].

According to the researchers, the system of "stereotypes of mass (public) consciousness, included into the circle of customary associations, stable enough notwithstanding the nature of the interpreted event" [Chernyshova 2007: 231] is presented in mass media texts. The terms "key words of ideological system" or "ideologeme" are also applied to such stereotypes. [Trofimova, Kuznetsova 2010: 180]. N.I. Klushina determines an ideologeme as a basic idea of journalistic discourse, specifying that ideologically saturated general word lies at the heart of the ideologeme, often this is a figured word, a metaphor: *iron curtain, evil empire, axis of evil, cold war*, etc. [Klushina 2008: 93–95].

Linguistic impact on public consciousness can be shown in the open and the hidden form. Within the last decades hidden forms of impact gain greater value and relevance. The most popular and efficient type of

hidden impact on public consciousness is linguistic manipulation. A number of researchers [Mikhalskaya 2001; Danilova 2009] think that manipulation impact is one of the most important mass media functions along with informative, educational and advertising functions. They consider language manipulation to be "hidden linguistic impact on the recipient, intentionally misinforming it in relation to the idea or content of the speech, performed at three levels: individual, group and mass" [Danilova 2009: 12].

In the process of text creation, the authors of manipulation discourse often choose the most neutral word from the semantic field, though even a neutral word in a certain context may perform the role of impact, because in contrast to the word with an expressive negative connotation it transfers a positive estimation of this issue in a hidden form, reflecting the position of the whole ideological system, and, vice versa, while describing events, criticized by this system, emotional words with negative connotation are chosen. Compare: *peacemakers – aggressors*. It is vividly shown in phrases with political and estimation connotations in the texts, describing the conflict of interests of political parties, various military conflicts, terrorist attacks, etc.

We will show the results of the analysis of information materials about bombings in the tube in London, in July 2005, and in the underground in Moscow, in March 2010, from the BBC News website (www.bbc.co.uk/news) as an example. Though these events were so dreadfully similar (both bombings happened in the morning at several stations of both capitals, and as a result there were many injured and dead), the tonality of these statements and placement of accents differ a lot.

Relation to bombings in London and their executors is categorical - it was a terrorist attack, and the terrorists will be severely punished. The fact that it was exactly a terrorist attack in London is claimed at the very title – *London rocked by terror attack*. In the text of information statement the words *terrorist, terror* are repeated several times: they quote the Prime-Minister Tony Blair, who said that it was absolutely clear it had been a number of terrorist attacks: "*It was "reasonably clear" there had been a series of terrorist attacks*", he also said: "*We will not yield to these terrorists, we will find them, we will bring them to justice*". They quote the words of the president George Bush, who said, that "*the war on terror goes on*". There is an explicit emotional evaluation of this event in the text, and for this purpose the word *barbaric* (wild, truculent, primitive) is used, and it is highlighted that it is "*particularly barbaric*" that this villainy was planned during the G8 Summit, which gathered together to try to help to settle the problems of poverty in Africa ("*It's particularly barbaric that this has happened on a day when people are meeting to try to help the problems of poverty in Africa*"). Thus, barbarians and the civilized world, which brings peace, are implicitly opposed in this situation.

In the statement of bombings in the Moscow underground the words *terrorist, terror* are absent in both the title and the text. We see instead: *suicide bombings, suicide bomb attacks, suicide bombers, militant groups*. It is reported, that the Russian security services relate those who blew themselves up in the underground, to the military groups (*militant groups*) in the North Caucasus and it is noted, that previous bombings of suicide bombers in the capital were made by "*Islamist rebels*" "*fighting for independence from Russia in Chechnya*".

Even this statement, apparently, seems very categorical to the author of these lines, because after the verb “carried out” he adds “or blamed on”. (*Past suicide bombings in the capital have been carried out by or blamed on Islamist rebels fighting for independence from Russia in Chechnya*). So, if bombings in London tube were in any case committed by barbarian terrorists, who challenge the whole civilized world and who are being fought against, then in Moscow they were “freedom fighters”, whose actions can be treated ambiguously – they may be disapproved or people may feel sorry for them.

The same was noted by the writer Nick Perumov, living in the USA, who informed the internet channel Russia.ru about the reaction of the American and the English mass media to bombings in the Moscow underground: “In USA, the country that suffered in a result of a dreadful terrorist attack, what happened in Russia caused unabashed malevolence. One can simply open the article of The New York Times to read this cliched set of phrases about “Chechen freedom fighters”, who are never called terrorists – only – *rebels*, *revolters*, *insurgents*, *partisans*, who in such a way are introduced to a noble context” (www.vz.ru/news/2010/4/5/389947.html).

These examples of manipulation of the public consciousness are not single. In the information statement, published in The New York Times on April 01, 2010, the head of the terrorist group Doku Umarov, who claimed responsibility for bombings in the Moscow underground, is described as a “chechen rebel warlord”, “warlord”, “a military leader”, “self-styled” emir”, “president of the unrecognized independent Chechen Republic of Ichkeria”, “warrior”, “key leader”. All these definitions are given with a positive connotation. Let's see an example: *A Chechen rebel warlord and “self-styled” emir of Russia's seething North Caucasus region has claimed responsibility for the Moscow metro bombings, which killed 39 people Monday. He warned of more attacks to come. Doku Umarov – whose own violent path has traced a transition from nationalist rebel and president of the unrecognized independent Chechen Republic of Ichkeria to Islamist warrior who aspires to lead*

all Muslims of the region away from Russian rule – is emerging from the shadows as the key leader of a loose confederation of Islamist groups who are fighting against Moscow and its local proxies across Russia's turbulent and mainly-Muslim southern flank known as the North Caucasus (The New York Times, 1.04.2010)

The same can be seen in information statements about the terrorist attack in Domodedovo airport that happened in January 2011: *Chechen warlord Doku Umarov has claimed responsibility for last month's suicide bombing at a Moscow airport; Doku Umarov is the Chechen separatist warlord most closely linked to recent deadly attacks on Russia* (www.bbc.co.uk/news/30.03.2011).

On BBC website in the text, where the acts of violence, committed by Umarov, are specified, and the number of victims is specified (including during the seizure of the school in Beslan, where over 300 people died) we meet repeated **Mr Umarov**, which seems blasphemous with all due respect to the English etiquette. For example: *: Mr Umarov is also said to have ordered the November 2009 bombing of a train from Moscow to St Petersburg that claimed 26 lives* (www.bbc.co.uk/.../world / 08.02.2011). Thus, in spite of the fact that the English mass media inform the audience about all crimes of Umarov, they implicitly form rather neutral relation to him, whereas the Russian mass media, as a rule, express their highly negative relation through emotional and appraisal means. [Larina, Ozyumenko 2011: 44].

Linguistic means of impact are widely used to form the audience's relation not only to certain details, but to the whole countries, and the policy they carry out. Thus, the fact of separation of Abkhazia and North Ossetia from Georgia is traced in a regular use of the adjective **breakaway** in mass media, as a result of which **breakaway regions**, and then **breakaway republics** became stock phrases: *Russia signs treaties with Georgia's breakaway regions* (www.voanews.com/english/news); *Venezuela today recognized the independence of Georgia's two breakaway republics of South Ossetia and Abkhazia, in an unexpected move that delighted Russia but provoked a vituperative*

response from Georgia (The Guardian, 09.10.2009).

Since 1990s during the office of the President Bill Clinton, the Administration of the USA started to use phrases **rogue states** and **rogue countries**, in order to designate countries hostile to the USA and not in the fairway of the American policy (Iran, Iraq, North Korea, Afghanistan, Libya, Yugoslavia), which were quickly adopted by the mass media. At the end of the office of the President Bill Clinton his administration started to use a milder term states of concern, however during administration of George Bush the term rogue countries was reborn, and then changed for even more severe term - axis of evil.

Despite the fact that expressions rogue states and axis of evil are criticized a lot from the part of political, social leaders and scientists, calling them chauvinistic, they are widely used in the English mass media and have become political cliches: US to take North Korea off rogue states list and lift sanctions (The Guardian, 26.07.2008); Of all the countries on the US list of so-called “rogue states”, the case is the weakest for Cuba (<http://news.bbc.co.uk/20.12.2003>);

Speaking about the means of hidden linguistic impact on public consciousness, used in mass media, euphemisms should not go unmentioned – emotionally neutral words or expressions, used instead of synonymous words and expressions, which the speaker considers undesirable, not quite polite, indecent. Euphemisms represent a device of indirect and soft designation of the object, property, action or phenomenon. Thus, euphemization is rather a social than a linguistic concept, and when journalistic or political discourse is in question - even ideological. Euphemization, according to observations of scientists, performs two primary functions – is used as a means of mitigation, reduction of rudeness and as a means of suppression of veri [Zemskaya 2004: 529]. In mass media texts, euphemisms, as a manipulation tool, usually perform the second function.

In Russian information texts a lot of concepts are changed by euphemisms, which have already become an integral part of news vocabulary. Instead of the ominous word war, as we have already noted, such neutral words as conflict, operation and

special operation, peace operation or bringing of constitutional order are used. In the army, military hazing but not the facts of recruits' abuse by old-timers are investigated; the militants are not killed, but eliminated, etc.

In the English mass media euphemization is also popular. The same as in the Russian language, instead of to kill the word to eliminate is used, instead of killing—neutralisation, neutralization, which means “*the removal of a threat by killing or destroying it especially in a covert operation or military operation*” [Merriam Webster Dictionary]. Instead of *regime overthrow*, in case this fact is officially recognized, the neutral *regime change* is used, instead of *deserting* a new euphemism *un-volunteering* has appeared, instead of *refugee - internally displaced person*.

During the war in Vietnam such euphemistic phrase as *collateral damage* became very popular, which is used in relation to the civilians, who dead during the war or military operations, for example: *The bombs were aimed at military targets but there was some collateral damage to civilian areas*. This expression is widely condemned by the society for its cynical hidden sense and is given as an example of double standards, when a murder, named in any other words, is thought not to be a murder.

The other example of double standards in relation to Russia from the part of Western society is rather a small rush in the world about the arrest of the producer of a scandalous movie “*Innocence of Muslims*”, especially in comparison to the public response caused by the proceedings with Pussy Riot. According to the words of the director of the Fund of democracy problems investigation M. Grigoryev, “by such a quick response to such an attack of Islamic values, and, vice versa, actually supporting the attack of Orthodox values, which was unconditionally made with the help of the Pussy Riot's campaign, the western political leaders showed their policy of double standards again” (www.ria.news. 28.09.2012). Giving comments to these two events, in the article of *U.S. Government supports Pussy Riot (but not 'Innocence of Muslims')* dated September 16,

2012, American professor of politics M. Philosopher writes: “*I noticed an interesting contradiction between the way the U.S. government reacted to the jail sentences handed down to Russian punk activists "Pussy Riot" and the way it responded to the YouTube video "Innocence of Muslims"...*” Then he quotes the statement of the State Department of the USA as a response to the decision made in relation to Pussy Riot band: ‘*The United States is concerned about both the verdict and the disproportionate sentences handed down by a Moscow court in the case against the members of the band Pussy Riot and the negative impact on freedom of expression in Russia. We urge Russian authorities to review this case and ensure that the right to freedom of expression is upheld.*’ On the contrary, the Secretary of State, keeps the author writing, speaking about the video “*Innocence of Muslims*”, “**sang a very different tune**”: ‘*The United States government absolutely rejects the content and message [of the video]... to us, to me personally, this video is disgusting and reprehensible...*’ (www.american.thinker.com 16.09.2012).

Director General of the Center of political information Aleksey Mukhin said that “in the case with Pussy Riot the United States have clearly showed that they are not impersonal watchers, but “interested and very committed participants of the proceedings” (www.ria.news. 28.09.2012).

In this article, some devices of hidden impact on the public opinion, used in mass media, are viewed, primarily those from the texts of information statements. Linguistic manipulation represents an all-powerful communicative resource. The problem of interpretation of events is very important, because “various mediamorphoses, that suggest wrong ideas about the life phenomena and processes may be formed” [Zemlyanova 2004:202] in the consciousness of the audience under the influence of mass media. Due to intensification of the impact function, found in modern mass media, journalists are searching for new ways, attracting new linguistic means in order to attract attention to any facts and to form a certain relation to them.

References:

1. Danilova A.A. Manipulation by a word in mass media. – M.: “Dobrosvet”, “Izdatelstvo “KDU”, 2009 – p. 234
2. Zemskaya Ye.A. Language as an activity. Morpheme. Word. Speech. M.: Languages of Slavonic culture, 2004.
3. Zemlyanova L.D. Communicative science and media: English-Russian dictionary of concepts and terms. – M.: Publishing house of the Moscow University, 2004. – p. 416
4. Klushina N.I. Stylistics of a journalistic text. M.: “Mediamir”, 2008. - p. 244
5. Larina T.V., Ozyumenko V.I., Ponomarenko E.B. Language mechanism used to manipulate publics opinion in English and Russian news texts// Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series « Linguistics». – 2011. – N 2. - C 35-45.
6. Mikhalskaya A.K. Language of the Russian mass media as a manipulation system// Language of mass media as an object of interdisciplinary research. Theses of reports of international scientific conference. - M.: Dobrosvet, 2001- p. 216
7. Popova T.I. Genre differentiation, selection of linguistic means in journalism: Speech aggression and speech manipulation in mass media // Russian language and culture of speech: Course book for institutions of higher technical education / Under editorship of V.I. Maximov and A.V. M., 2006.
8. Trofimova O.V., Kuznetsova N.V. Journalistic text: Linguistic analysis: Course book. – M.: Flinta, Nauka, 2010.
9. Chernyshova T.V. Mass media texts in mental and linguistic space of modern Russia. – M.: LKI, 2007.
10. Matheson D. Media Discourses - England: Open University Press, 2005. – p. 206
11. Beder S. Moulding and Manipulation the News, in Controversies in Environmental
12. Sociology – Cambridge University Press, Melbourne, 2004, pp. 204-220
13. Merriam-Webster Dictionary <http://www.merriam-webster.com/dictionary>.

Попов А.В.,
инженер КИПиА
ТОО «Казкомпрессормаш»,
Казахстан;
Попов К.А., юрист
ООО «Рем-Сервис»,
Россия

Участники конференции,
Национального первенства
по научной аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства по
научной аналитике

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТА УНИВЕРСАЛЬНОГО АЛФАВИТА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Перспективные подходы для выбора основного набора букв универсального алфавита, и вопросы для дальнейших исследований с участием лингвистов мирового сообщества.

Ключевые слова: фонетика, IPA, транскрипция, транслитерация, расширенный английский алфавит, расширенный итальянский алфавит, универсальный алфавит.

The perspective approaches for choosing the essential set of the Universal Alphabet letters, and questions for the further investigation by participation linguists of the world society.

Keywords: phonetics, IPA, transcription, transliteration, expanded English alphabet, expanded Italian alphabet, universal alphabet.

Экономические причины и стимулы для создания Универсального алфавита.

В настоящее время в связи с процессами интеграции разных стран в экономические союзы - ЕЭС, Таможенный союз, БРИК, возрастает интерес специалистов к информационной интеграции, и в частности, к проблеме универсального алфавита. Появление унифицированной расширенной латиницы позволит сократить затраты на разработку программного обеспечения, инструкций по использованию промышленного и бытового оборудования, этикеток на товарах, экспортимемых в другие страны. Существующая сейчас система знаков Юникод, созданная для кодирования в компьютерах символов из всех языков мира, имеет следующие недостатки:

Одни и те же буквы в разных языках передаются разными кодами. Например, английская буква «A» имеет код 0041h, греческая буква «Α» имеет код: 0391h, а русская (кириллическая) буква «А» имеет код 0410h.

Один и тот же звук передаётся разными буквами Юникода в разных языках: русская буква «Ч» передаёт такой же звук, как набор немецких букв «tsch», английский дифтонг «ch», или чешская буква «Č». В итальянском языке эквивалент этого звука передаётся дифтонгами: «cicso»-([чицко]=цирк); «сена»-([чена]=ужин).

Для передачи всех символов из всех языков требуется тратить по два байта информации на один знак, что осложняет работу текстовых баз данных и посылку СМС в сотовых телефонах. Одна СМС сотового телефона может содержать 144 буквы на ан-

глийском языке, и в два раза меньше букв на русском или казахском языке, так как в этом случае используется двухбайтовая кодировка символов Юникода.

Система знаков Международного Фонетического алфавита содержит слишком много букв, некоторые из них неудобны для написания, поэтому система знаков МФА неудобна для повседневной практики и годится только для научных целей.

Исторические предпосылки для создания универсального алфавита.

Практика показывает, что сейчас в качестве международного языка чаще всего используется английский язык, по причине простой грамматики и мощной информационной поддержки в виде компьютерных технологий.

В то же время многие авторы согласны, что алфавит этого международного языка уже давно нуждается в расширении и модернизации. В списке авторов, предлагавших осуществить реформу английского алфавита, был Президент США Бенджамин Франклин, предложивший свой проект английского алфавита в 1768 г. (11:1); Джон Малоун, автор проекта реформы английского алфавита «Унифон», 1959 г. (14:1); Чарльз Лютци (13:1). Очень энергично высказывался о необходимости реформы алфавита американский писатель Марк Твен: «Главной проблемой является наш дурацкий алфавит. Он - не знает, как записывать звуки, и уже никогда не узнает.» (9:59)

Свой вклад в реформу английского алфавита внес писатель Бернард Шоу. И хотя его проект потерпел неудачу, тем не менее, в данной работе учтены два его пожелания: в проекте использу-

зовались, в основном, новые буквы без диакритических значков, и изменилось назначение буквы «Q», которая в универсальном алфавите может быть использована для обозначения английского безударного неопределенного гласного. (9:66)

Русскоязычная аудитория будет приветствовать появление расширенного английского алфавита, так как это упростит изучение этого языка на учебных курсах в школах и университетах, и позволит усовершенствовать транслитерацию русских имён и названий латинскими буквами.

Научные и культурные достижения, на которых должен базироваться проект универсального алфавита.

В качестве основы для проекта универсального алфавита было бы естественно взять набор букв латинского алфавита, которым пользуется почти треть населения Земного шара. Универсальный алфавит должен быть способен передавать все основные звуки из всех языков мира, поэтому он должен иметь возможность передавать все звуки, описываемые Международным Фонетическим алфавитом [15:2]. Но как добиться того, чтобы используя небольшое количество букв универсального алфавита, описать большое количество звуков, более 115 из Международного Фонетического алфавита? Как можно «сжать» это описание?

Первое предложение - использовать такое достижение русской культуры и русского алфавита, как мягкий знак. Если мы добавляем русский мягкий знак в Международный Фонетический алфавит, тогда из него можно убрать множество палатализованных согласных, обозначае-

мых в настоящее время - особенной буквой.

Второе предложение - передавать звуки «с точностью до национального акцента». В этом случае некоторые близкие по звучанию звуки, передаваемые в Международном Фонетическом алфавите каждый - особой буквой, в универсальном алфавите будут описаны одной общей буквой.

Например, сильный русский звук [Г], гортанный французский [R] и слабый английский [ɹ] можно обозначать по этому правилу одной и той же буквой «R».

При создании казахского алфавита на основе кириллицы в казахский алфавит были добавлены особые буквы: «Ә», «Ө», «Ү», которые являются близкими по происхождению и способу произношения к русским звукам «Я», «Ё», «Ю». Но авторы казахского алфавита всё-таки решили добавить в него особые буквы, так как правила прочтения этих близких друг другу казахских и русских букв - различаются. Русская «Я» в начале слова читается со звуком «Й», «яблоко» = «йаблоко»; тогда как близкий казахский звук «Ә» произносится в начале казахского слова на английский манер, как английский звук [æ] в слове «apple» (Әке). Казахский звук «і» может передаваться в универсальном алфавите буквой мягкого знака «Х», хотя по произношению этот казахский звук ближе к краткому твёрдому /ы/, чем к русскому мягкому знаку, более похожему на очень краткий мягкий /и/. Применение правила: буквы универсального алфавита читаются с акцентом и по правилам применяемого языка, позволяет точно передавать звуковое звучание разных языков, используя ограниченное число используемых букв.

Похожий подход использовал Виталий Веташ, автор фонематического международного алфавита «INTERBET»:

«Здесь найдена такая модель письменности, где одни и те же знаки используются в несколько разном (но всегда в близком) значении, в зависимости от фонетики языка. Этот проект опирается не столько на фонетическое, сколько на фонематическое

значение буквы. Здесь буква — это не строго точное звучание, а звучание в рамках отведённой ей полосы звуков; при этом она стоит в неизменном отношении к родственной к ней другой букве». (2,4)

Как пишет В. Веташ в этой же работе, «Главной проблемой при создании Интербета было определение того набора знаков, который будет достаточным для использования большинством населения мира.» (3,7)

Звуки речи, как звуки музыки, могут подразделяться на основные и промежуточные, (например, нота «фа» и нота «фа-диез»). Поэтому все буквы универсального алфавита должны передавать все основные типы звуков. Что касается звуков «промежуточного типа», то для выбора их описания предлагается использовать подход социальной лингвистики: если данный звук используют более 20% населения Земли, то желательно обозначать его уникальной буквой. Особые местные разновидности звука, используемые относительно небольшим количеством населения, могут обозначаться двумя знаками: буквой + диакритический значок, либо особой национальной буквой в системе Юникод. Именно для этой цели необходимо международное сотрудничество учёных - лингвистов, чтобы определить список наиболее употребительных звуков, которые должны обозначаться каждый одной уникальной буквой универсального алфавита.

Если мы берём за основу универсального алфавита латинский алфавит, то при этом нам следует принять во внимание опыт работы предшественников - комиссии Луначарского по латинизации русской письменности.

«В настоящее время в Главнауке работает комиссия с участием профессоров: Жиркова, Коринского, Щелкунова и Яковлева, которым поручено формулировать принципы, подлежащие учёту при установлении нового алфавита.

Эта комиссия определила эти условия следующим образом:

1. Использовать без изменения наибольшее количество букв латинского алфавита, унифицируясь с меж-

дународными графическими элементами Востока и Запада.

2. Не вводить двойных букв для обозначения звуков.

3. Не вводить букв, которые были удалены из русского алфавита.

4. Не вводить букв с диакритическими значками, отдельными от корпуса буквы.

5. Для дополнения алфавита создавать буквы с такими значками, которые пишутся без отрыва руки от листа бумаги.

6. Число букв в алфавите должно быть меньше, чем в теперешнем русском.

7. Выражение мягкости согласного перед гласным перенести на гласную букву.

8. Всякая буква должна иметь только одно звуковое значение.

9. Всякое сочетание звуков должно писаться только одним способом.

10. Не будет особых мягких согласных.

11. В русской латинице будут буквы, соответствующие русским буквам: я, ё, ю, ы, ь.

12. Сочетание звуков „щ“ будет писаться двумя буквами.» (5:20-26)

В процессе работы был создан базовый проект универсального алфавита, который учитывает некоторые из вышеописанных рекомендаций.

В частности, по п.4 русская буква с диакритическим значком «Ё» будет обозначаться латинской буквой «Q», не имеющей отдельного знака диакритики. Все основные звуки универсального алфавита обозначаются буквами без диакритических значков. Но ввиду наличия большого разнообразия звуков в разных языках, для обозначения некоторых редких, особых местных звуков придётся делать выбор: либо наращивать число букв в универсальном алфавите, либо использовать диакритические значки. Эта хорошая тема для поиска компромисса в процессе международного обсуждения проблемы лингвистами из разных стран.

Для исполнения пункта 6 комиссии Луначарского авторы предлагают использовать в универсальном алфавите букву «Ү» (соответствующую звуку [Й]) вместо русского твёрдого знака. Это всё равно, как если писать на русском языке слово

«подъезд» вместо слова «подъезд», «съел» = «съел», и т. д. Главный довод в пользу такой замены: пусть кто нибудь читает в одной комнате слова, написанные поочерёдно с твёрдым знаком или с буквой «Й» вместо него, а Вы попробуйте, угадайте на слух, как это слово было написано на бумаге?

Для выполнения пункта 7 и пункта 10 комиссии Луначарского необходимо исключить из русского алфавита особую мягкую согласную «Щ», и заменить её везде, в соответствии с пунктом 12, сочетанием букв: «Щ» = «Ш + мягкий гласный» (щавель = шавель, щётка = щётка, щука = щука) или сочетанием: «Щ» = «ШЬ» в конце слова (хвош = хвощ).

Но для такой замены сначала надо выполнить предложение Русской орфографической комиссии от 1905 года об отмене мягкого знака после шипящих: (ноч = ночь, ветош = ветошь, молодёж = молодёжь, и т.д.). [7:1] В этом случае также надо изменить написание некоторых слов: (писать: «шэя» - вместо «шея», - {которая по новым правилам будет читаться как «щея»}; «шолк» - вместо «шёлк», {который по новым правилам будет звучать как «щёлк»}) Поэтому, в данной версии алфавита включена особая буква для звука «Щ», чтобы не доставлять хлопот потребителям.

Как было сказано выше, авторы принципиально отошли от требования пункта 8 комиссии Луначарского - «всякая буква должна иметь только одно звуковое значение». Оно заменено более мягким требованием: «всякая буква должна обозначать звуки одного вида, (аллофоны одной фонемы)».

В данный проект были включены 5 твёрдых базовых гласных звуков, (а,о,у,и,е {русские а,о,у,ы,э}) и 5 парных им «мягких» гласных звуков, по терминологии казахстанских лингвистов: (æ,ø,u,i,e {русские я,ё,ю,и,е}). Остальные гласные были отнесены к промежуточным (или комбинированным - носовые) звукам, и они передаются с помощью подчёркивания либо с помощью диакритики.

В данный проект были включены 5 твёрдых базовых гласных звуков, (а,о,у,и,е {русские а,о,у,ы,э}) и 5 пар-

ных им «мягких» гласных звуков, по терминологии казахстанских лингвистов: (æ,ø,u,i,e {русские я,ё,ю,и,е}). Остальные гласные были отнесены к промежуточным (или комбинированным - носовые) звукам, и они передаются с помощью подчёркивания либо с помощью диакритики.

Для удобства передачи звуков из других языков, кроме русского, нужно добавить в расширенную латиницу ещё как минимум, три дополнительные буквы:

«Ѳ» - английская [w]. Это нужно

не только для печатания англо – русских словарей, но и для точной передачи звука «ув» – из братского белорусского языка, и из других славянских и тюркских языков.

Для глухого русского «Ч» надо добавить звонкую пару «Дж», – часто употребляемую в других языках.

Для глухого русского «Ц» надо добавить звонкую пару «Дз» (The).

Эти звуки рассматриваются, с некоторыми допущениями, как «базовые» звуки универсального алфавита.

С точки зрения теории опти-

ЛАТИНИЦА УНИВЕРСАЛЬНОГО АЛФАВИТА. ©

Кириллица	Латиница	Международный Фонетический Алфавит	№
А	А	[a] (Unicodenumber = 0041)	1
Я	Я	[æ] (the soft pair for [a]) (U num = 042F)	2
Б	В	[b] (Unicode number = 0042)	3
В	V	[v] (Unicode number = 0056)	4
УВ	Ѳ (W)	[w] (English [w]) (U.n. = 03D1)	5
Г	G	[g] (Unicode number = 0047)	6
Ғ	҂ (*)	[G] (it sounds ~[gh]) (U.n. = 0193)	7
Д	D	[d] (Unicode number = 018A)	8
҃	҃	[ɛ] (U number = 018F)	9
Е	E	[e] (the soft pair for [ɛ]) (U.n. 0045)	10
Ж	J	[ʒ] (Unicode number = 004A)	11
З	Z	[Z] (Unicode number = 0417)	12
И	I	[i] (U num = 0049)	13
Ҏ	Y	[j] (U num = 0059)	14
Ы	҂	[i] (the hard pair for [i]) (U.n. 042A)	15
К	K	[k] (U num = 004B)	16
҄	҄ (*)	[q] (U num = 049A)	17
Л	L	[l] (U num = 004C)	18
М	M	[m] (U num = 004D)	19
Н	N	[n] (U num = 004E)	20
Ң	Ң (*)	[ŋ] (U num = 019D)	21
О	O	[ɔ] (U num = 004F)	22
Ӭ	Q	[θ] (the soft pair for [ɔ]) (U.n. 0051)	23
П	P	[p] (U num = 0050)	24
Р	R	[r] (U num = 0052)	25
С	S	[s] (U num = 0053)	26
Т	T	[t] (U num = 0054)	27
Ү	U	[u] (U num = 0055)	28
Ю	W	[ɯ] (the soft pair for [u]) (U.n. 0057)	29
Ф	F (f)	[f] (U num = 0046)	30
Х	Ҥ	[h] (U num = 0068)	31
Ҕ	Z	[ts] (U num = 005A)	32
Ҕ	Z	[ð] (U num = 01B5)	33
Ҕ	Ҕ	[tʃ] (U num = 0427)	34
Ҕ	Ҕ (P)	[dʒ] (U num = 03C6)	35
Ҕ	C	[ʃ] (the hard [ʃ]) (U.n.= 0043)	36
Ҕ(=Ҕ)	҄(=CX) (*)	[ʃ] (the palatalized sound «ssh») (n = 0429)	37
Ҏ	X	the palatalization sign (U.n. = 0058)	38
҂(=Ҏ)	Y	[j] (U num = 0059)	
Ҥ	Ҥ	The Kazakh sound [h] (U.n. = 0127)	39

мального кодирования, было бы нежелательно использовать «звуки промежуточных типов» в составе алфавита, всякие «фа-диез» и «си-бемоль», так как это уменьшает «кодовое расстояние» между словами и осложняет задачу распознавания текста на слух. Но помимо «технической точки зрения» существуют также гуманитарные, социо-лингвистические аргументы.

На практике такие «промежуточные звуки» имеют место быть, например, это две разновидности звука «Н» ([n], [ñ]) в испанском языке.

Любые промежуточные звуки могут быть изображены как подчёркнутая буква, описывающая ближайший похожий базовый звук. Но исходя из удобства потребителей, будет целесообразно отойти от требований строгой научной теории и добавить в алфавит ещё 4 тюркоязычных буквы. В данную версию универсального алфавита авторы включили латинские аналоги для казахских букв: «Ғ», «Қ», «Ң», «Ң». Эти звуки используются также в тайском, хинди. И, пока не проведена реформа русской орфографии, нам может понадобиться латинский аналог русской буквы «Җ».

Таким образом, текущая версия универсального алфавита, предлагаемая лингвистам для дальнейшего обсуждения и доработки, имеет вид (ЛАТИНИЦА УНИВЕРСАЛЬНОГО АЛФАВИТА. ©).

Достигнутые результаты: применение предложенного набора знаков универсального алфавита позволит унифицировать обозначения многих звуков в разных языках, и позволит улучшить качество транслитерации национального текста буквами универсального алфавита. Анализ показывает, что предложенный набор букв достаточен для передачи звуков русского, английского, немецкого, китайского (путунхуа), казахского, турецкого, испанского, белорусского языков.

Передавать звуковое содержание текста из произвольного языка можно точнее, если использовать 39 букв расширенной латиницы универсального алфавита вместо 26 букв базового латинского алфавита. Дополнительные звуки, не вошедшие в состав

универсального алфавита, передаются с помощью комбинации подходящей буквы универсального алфавита и режима подчёркивания, либо добавлением последующего диакритического значка.

Вопросы, подлежащие дальнейшему обсуждению:

1. В связи с изложенным выше предложением авторов - добавить русский мягкий знак в состав универсального алфавита и в МФА, становится актуальным вопрос о возможной будущей реформе русской орфографии, для доработки правил использования мягкого знака и «мягких гласных» в самом русском языке. Вопросы для предстоящего обсуждения:

а. Выполнение рекомендации орфографической комиссии А. Шахматова 1905 года о прекращении написания мягкого знака после шипящих, в таких словах, как: «ночь», «вещь», «мышь», «молодёжь».

б. Замена русского твёрдого знака «Ъ» во всех словах, где он встречается, буквой «Ӣ».

с. Выполнение рекомендаций комиссии Луначарского № 7, 10, 12 и замена русской буквы «Җ» во всех словах сочетанием из двух букв, «Ш + мягкий гласный» или «ШЬ» в конце слова. И проведение реформы правил написания некоторых слов в связи с этим.

д. Даже если 100% населения страны поддержит реформу, то всё равно останется проблема: множество книг и документов, написанных в стиле старой орфографии. Чтобы не ставить эти документы вне закона, придётся признать «плураллизм мнений» и длительное сосуществование двух разных форм написания одного слова, - так же как в китайском языке сейчас мирно сосуществуют традиционные и упрощённые иероглифы. При этом употребление старой формы слова будет считаться незначительной стилистической ошибкой.

е. В наше время введение правок в правила орфографии может быть облегчено введением режима «автокоррекция при вводе», при работе с офисными программами на компьютере.

2. Перспективный вопрос для

обсуждения: будет ли удобно обозначать одной буквой универсального алфавита многочисленные тоны китайских гласных звуков? С одной стороны, можно использовать подход, близкий к традиционному и использовать сочетание буквы и диакритического значка: - буква с крышкой «макрон» (ā), с акутом (á), с грависом (à) или с бревом (ă). С другой стороны, можно обозначить: звук высокого тона как заглавную букву с подчёркнутым шрифтом: «á»=>Ā» или «а» «. Звук низкого тона можно изображать как прописную подчёркнутую букву: «à»=>Ā» или «a` «. Гласный нисходящего тона может быть обозначен прописной буквой подчёркнутым шрифтом: «â»=>â» или «a`», и гласный восходящего тона может быть обозначен одной буквой как заглавная буква жирным шрифтом: «ă»=>Ā» или «a/». [1:56]

3. Насколько полным является предложенный набор букв, будут ли добавлены дополнительные буквы? Сколько процентов населения планеты будут удовлетворены предложенным решением, и сколько процентов потребуют внесения поправок и дополнений? Здесь нужен разумный компромисс между простотой алфавита и его описательными возможностями.

4. Не пора лингвистам зарезервировать место для международного стандарта универсального алфавита в списке алфавитов планеты, под названием: «ua!» в соответствии со стандартом ISO 639-2 ? Или можно использовать для этой цели аббревиатуру для мульти- языка «mul» - чтобы обеспечить поддержку нового международного стандарта со стороны компьютерных компаний - изготовителей клавиатуры, принтеров, дисплеев, мобильных телефонов? (12:1)

5. Необходимо согласовать Европейский стандарт для случаев, когда в языке используется более двух модификаций с диакритикой одной буквы. Например, для французских букв (Ù, Ú, Õ), для татарских букв (Ӱ, Ӯ, Ӯ) и для других аналогичных случаев. Буква «W» универсального алфавита желательно должна обозначать звук, похожий на немецкий звук /Ü/ или русский звук /Ю/. Ещё одну разно-

видность звука «U» можно обозначить как подчёркнутую «U», и третий вариант, из французского языка - изображать курсивом «*U*» или буквой со следующим за ней диакритическим знаком.

6. Лучшим способом для развития проекта универсального алфавита – является участие, сотрудничество лингвистов из разных стран в процессе перевода, транскрипции текстов с родного языка на универсальный алфавит, для обнаружения и устранения найденных недостатков. Вот как может выглядеть текст в английском языке, записанный буквами универсального алфавита:

Love me, tender, love me sweet,
say me, you are my.
I'll be yours, through all the years,
till the, end of time.
Love me, tender, love me through,
all my dreams, fulfill...
For my darling, I love you,
and I, always, will.

= Lov mi, tendQ, lov mi s **V**it
= sey mi, yw a may.
= Ay'll bi yo3, zru oll **▪Q** yiQ3,
= till **▪Q**, end ov taym.
= Lov mi, tendQ, lov mi zru,
= oll may drims, fulfill...
= fo may darli **▪**, Ay lov yw,
= ynd Ay, ol**V**ey3, **V**ill.

7. Вот как выглядит итальянский текст, написанный в универсальном алфавите:

Quali facoltà ci sono in vostra università?
Kvali fakolxta či sono in vostra universita?
Ho bisogno della traduzione in lingua italiana.
O bi3onnQ della traduzione in lingua italiana. [2:147]

Ожидаемый вид фраз, взятых для примера из немецкого языка:

Hätten Sie Lust heute abend ein Theater oder eine andere Veranstaltung zu besuchen?

Hätten 3i Lust hoyte abend ayn Teater oder ayne andere Feranctaltung zu be3uhnen?

В республике Казахстан сейчас проводятся научные разработки по созданию проекта казахской латиницы. Если строить казахскую латиницу на основе универсального алфавита, тогда остаётся открытым для обсуждения вопрос: как передавать средствами универсального алфавита звуки, обозначаемые в современном казахском алфавите буквами «i», и «ii»? С точки зрения сохранения привычного «вида

слов», орфографии, было бы удобно обозначать 2 вышеупомянутые буквы одной буквой «i»; Однако, с точки зрения фонетической точности предпочтительнее вариант, когда кириллической казахской букве «и» соответствует латинская буква «i», а кириллическая казахская буква «ii» обозначается латинской буквой «x». Последнее слово при выборе наилучшего варианта – за носителями языка, казахстанскими специалистами. Здесь мы описываем лишь один из возможных вариантов. Возможный вид текста на казахской латинице, записанный буквами универсального алфавита:

27. [Электронный ресурс]: сайт - URL http://www.astrolingua.spb.ru/ENGLISH/inter_eng.htm (дата обращения 20.06.2012)

4. Зиндер Л. Р. «Общая фонетика», 2-е изд., М.: Академия, 2007, 576 с.

5. Луначарский А. «Латинизация русской письменности»: Культура и письменность Востока», №6, 1930, стр. 20-26, . [Электронный ресурс]: сайт - URL http://miresperanto.narod.ru/o_russkom_jazyke/lunacharskij.htm (дата обращения 20.06.2012)

6. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф., «Общая фонетика», М: РГГУ, 2001, 592 с.

7. Википедия. «Реформа русской орфографии 1918 года» [Электронный ресурс]: сайт - URL http://ru.wikipedia.org/wiki/Реформа_русской_орфографии_1918_года (дата обращения 20.06.2012)

8. Бектур А. газета «Общественная позиция», Алматы, 27.06.2012, с. 23

9. Фоли Дж. «Энциклопедия знаков и символов» М., «Вече», 1997 512 с.

10. Ярцева В.Н., Виноградов В.А., Сазонова И.К., Ганиева Т.А., Арутюнова Н.Д., Гак В.Г., Гамкрелидзе Т. В., Дьяконов И.М., Карапулов Ю.Н., Клинов Г.А., Колшанский Г.В., Солнцев В.М., Степанов Г. В., С. Степанов Ю.С. «Лингвистический энциклопедический словарь», М.: Советская энциклопедия, 1990, 688 с.

11. Franklin B. “Franklin’s Phonetic Alphabet” [Электронный ресурс]: сайт - URL <http://www.omniglot.com/writing/franklin.htm> (дата обращения 20.06.2012)

12. ISO 639-2 Language Codes [Электронный ресурс]: сайт - URL <http://www.loc.gov/standards/iso639-2/langhome.html> (дата обращения 20.06.2012)

13. Luthy Ch. «Universal alphabet» The library of University of Toronto, N209523, International Copyright Union, London 1918, Braunworth Press, Brooklyn, N.Y., 1918 с. 81

14. Malone J. “Unifon alphabet”, 1950 [Электронный ресурс]: сайт: URL <http://www.omniglot.com/writing/unifon.htm> (дата обращения 20.06.2012)

15. Wells Jh., House J. “Sounds of the International Phonetic Alphabet”. [Электронный ресурс]: сайт: URL <http://www.phon.ucl.ac.uk/shop/soundsipa.php>

Ред'квя Я., канд.
філол. наук,
доцент
Чернівецький
національний
університет ім.
Ю. Федьковича,
Україна

Учасник
конференції,
Національної
першості з
наукової аналітики,
Відкритої
Європейсько-
Азіатської
першості з
наукової аналітики

ТЕРЕБОВЛЯ ЕТНІЧНО-АНТРОПОГЕННА VS. ТЕРЕБОВЛІ АНРОПОНІМІЧНОЇ ТА “ЖЕРТОВНОЇ”

У статті автор переглядає та критично оцінює існуючі погляди на походження назви старокняжеского міста Теребовля. Натомість висуває й обґрунтovує власну етнічно-антропогенну версію, реконструюючи на основі найдавніших фіксацій цього ойконіма етнонім теребовляни у формі **terbo(v+jь)-ane* > **terbovl'ane*, а відтак – і саму назву давньоруського поселення Теребовль.

Ключові слова: етнонім, ойконім, гідронім, мікротопонім, відантропонімний, відетнонімний, відойконімний, Теребовля.

В статье автор пересматривает и критически оценивает существующие взгляды на происхождение названия старокняжеского города Теребовля. Вместо этого выдвигает и обосновывает собственную версию, реконструируя на основании древнейших фиксаций данного ойконима этноним теребовляне в форме **terbo(v+jь)-ane* > **terbovl'ane*, а соответственно – и само название древнерусского поселения Теребовль.

Ключевые слова: этнонім, ойконім, гідронім, мікротопонім, отантропонимний, отетнонімний, отойконімний, Теребовля.

The article deals with the review of critical approaches to the etymology of the ancient princely town's name *Terebovlia*. The author suggests and substantiates his own ethnic and anthropogenic approach based on reconstruction of ancient written records of the place name from ethnonym “terebovlian” тerebovляни in the form of **terbo(v+jь)-ane* > **terbovl'ane*, and then the place name of Old Rus settlement “Terebovl” — Теребовль.

Keywords: ethnonym, oikonym, hydronym, microtoponym, derived from anthroponym, derived from ethnonym, derived from oikony, Terebovlia.

Дослідження старожитніх назв поселень і пов'язаних із ними етнонімів у ще давнішому часовому проміжку – IX-XII ст. (період Київської Русі), скупі джерельні свідчення про які не дають можливості однозначного трактування їхньої етимології.

До таких невирішених питань давньої локалізації племен відносять, наприклад, “дулібську” проблему, місце розташування племінних об'єднань бужан, волинян, танян, лучан, черв'ян, білих хорватів, лендзян, требован (требов'яни / теребовляни).

Так, учені-історики сьогодні продовжують працювати над з'ясуванням локалізації на території нинішнього Прикарпаття та Закарпаття племінного об'єднання Велика Хорватія та формування в Посянні, басейні Верхньо-Середнього Дністра й верхнього Пруту хорватських князівств і племен, завойованих у к. Х ст. київським князем Володимиром Святославичем, що пізніше були приєднані до території Київської Русі.

До речі, Галицька земля сформувалася в XI ст. на територіях карпатських хорватів із хорвато-русинським етнічним складом. І, згідно з останніми даними істориків, наймогутнішим із князівств карпатських хорватів було князівство *требовлян*, яке займало території пізніших (утворених наприкінці XI ст.) Перемишльського, Звенигородського, Теребовельського та Галицького князівств [3, с. 48-49]. Ці князівства надалі стали іменувати Східнотеребовельськими з центром у Теребовлі та Галичі [9, с. 688-711].

Фахівці-історики сьогодні говорять про так зване Теребовельське удільне намісництво та Теребовельський стіл із самостійним значенням у Південно-Західній Русі ще під час правління князя Василька Ростиславича (починаючи з 1092-1093 рр. до 1124 р.) та його спадкоємців Григорія (Ростислава) та Ігоря (Івана) Васильковича (останній правив Теребовельським уділом із сильнішого вже і на той час Галича) [8, с. 5-7].

Якщо ж говорити про дату найдавнішої писемної фіксації столиці князівства – **Трембовлю**, то, як відомо, перша згадка про неї вміщена в **“Повісті минулих літ”** під 1097 (1377 р.) роком і має чоловічо-родову форму **Теребовль** із подальши-

ми літописними згадками: 1098 (XVI ст.), 1144, 1153 (1425), 1206, 1211, 1226, 1332 (XVIII ст.), 1340 (XVII ст.), 1496 (XVI ст.), 1682 **Теребовль**, **Теребовли**, **к Теребовлю**, **Теребовль**, **Теребовлъ**, **школо Теребовла...**, **Теребовлю**, **въ Теребовли**, **Теребовля**, **в Теребовль**, **Трембовль**, **под Трембовлим** [11, т. I (Лавр. лет.), с. 257, с. 267, 311, 340; т. II (Ипат. лет.), с. 231, с. 466, с. 723, с. 730, с. 749; т. IX (Патриарш. или Никон. лет.), с. 129, с. 197; т. XXVI (Вологодско-Пермск. лет.), с. 290; т. XXX (Владим. лет-ц), с. 54; XXXII (Хр. лит. и Жмойтск.), с. 44].

Для початку вдамося до аналізу спеціальної літератури, що з'явилася в слов'янській історичній та мовознавчій (ономастичній) науці протягом минулого ХХ ст. і в якій сформувалися різноманітні й часто протилежні погляди й пояснення історії становлення міста та етимології назви Теребовля.

Почнемо з істориків, які сходяться на думці, що місто виникло на місці слов'янського городища, на берегах Серету, з князівською фортецею (дитинцем) на Замковій горі (своєрідна сакральна дільниця розмірами 180 x 120 м., де знайдено культовий вал із вівтарем, уламки посуду XII ст., інгумаційні похован-

ня та будинок для жертвовних бенкетів), торгово-ремісничим посадом та міськими пригородами [15, с. 76]. Дослідники стверджують, що саме Х-ХІ ст. характерні масовим зростанням укріплених резиденцій-замків по всій Русі, що, очевидно, було результатом осідання знаті на землі та подальшим формуванням феодального землеробства у формі пірмової системи, застосуванням плуга та трипілля. Тут панувала у VIII-X ст. підсічно-вогнева система землеробства, суть якої полягала у викорчуванні, випалюванні й “теребленні” нових земельних площ для підготовки їх до посівів. Однак був і чисто підсічний спосіб, призначений лише для боротьби з лісом та розчищення ділянок під постійні поля та під посіви. У будь-якому випадку йдеться про розчищення шляхом “тереблення” за допомогою сохи й переходу до трипілля, непрямі ознаки якого помітні вже в епоху пови перших східнослов’янських князівств [12, с. 99, 100, 104, 208].

Усі представлені нижче пізніші латинсько-польські фіксації назви Теребовля у польських (та одному російському) джерелах подають її стабільно: у формі жіночого роду та зі збереженням подекуди діалектних форм і появою так званої вторинної носовості, характерної для польської мови (виділяємо напівжирним):

“*Trębowla po rusku Terebowl, nad Gniezną czyli Hniezną, wpadającą o ćwierć mili do Seretu*” 981, 999, 1090, 1240, 1340, 1389, 1390, 1498, 1508, 1516, 1518, 1539 (**Trembowlia**), 1572, 1576 (надання місту Магдеб. Права): “*chcemy aby wszelki człowiek był zachowan w prawie magdeb.*”; 1629, 1631, 1664, 1675, 1676, 1677, 1679, 1681, 1688, 1765, 1786 [29, т. II, ч. 6, с. 887-892]; 1211р. (1425 р.); **Trembowla**: “*miasteczko powiatowe w obwodzie Tarnopolskim*”; 1368 “*ad Trembowl*” (укр.: до Трембовлі) [45, т. III, с. 224-225]; **Trębowla**, z. hal. *Wl. Jagiello zezwala na nową lokacyję miasta Trębowli z drugiej strony rzeki Gniezny i uwalnia mieszkańców przeciąg ośmioletnia od składania.* 1418-1425 “*siendo in Trembowla*”

(укр.: “*mi, що перебувають у Trembowli*”), “*civi Trembowliensi*” (укр. буквально: “теребовлянські громадяни”), “*nostre Trembowla*” (укр. буквально: “наша Трембовля”) [26, с. 39-40]; **Trembowla** (**Trembowla**) 1389, 1437 “*districtrus et terra*” (укр.: район і земля), 1441 “*districtus*” (укр.: район), 1455 “*civitas*” (укр.: місто), 1461, 1469 “*territorium*” (укр.: земля, земельна ділянка міста), 1479, 1488 „*ambitus*” (укр.: об’їзд), 1491, 1499 “*districtus*” (укр.: район), 1506, 1590 “*civitas et castrum*” (укр.: держава й військовий табір) [24, т. III, с. 115; т. VI, с. 64; т. XII, с. 251, с. 917, № 2760; т. XV, с. 701, с. 836, № 4035, 4036, № 1941, № 2164, № 2860; т. XVII, № 4219; т. XXIV, с. 7]; 1493 “*oppidum*” (містечко), 1497 “*nova civitas*” (укр.: нове місто), 1505 “*castrum*” (укр.: фортеця) [40, II, с. 134, 731; III, № 2354]; 1512 “*districtus*” (укр.: район) [30, т. III, с. 221-222]; **Trembowla**, m. pow. z. hal., 1493 [32, с. 176]; “*in oppido Trembowla*” (укр.: в місті Трембовля) 1469, **Trambowlia** 1564 [46; т. XVIII, ч. 1, 37 d, с. 97]; “*oppido Trembowlya*” (укр. буквально: місту Трембовля) 1506 [40, т. III, с. 167]; **Trębowla** 1522 [22, Ф.- 52.- Оп. 2.- Спр. 9.- Арк. 374]; 1540 [25, Ф. I.- Nr. 17.- К. 349]; **Trembowla** [39, т. I, с. 32]; **Trembowla** 1565 [6, т. I, с. 115]; 1602-1643 [52, т. 105, с. 568-570, с. 720-722; т. 109, с. 629; т. 110, с. 23-24; т. 120, с. 407; т. 126, с. 1-2]; 1628 [52; т. 117, с. 1114]; 1629 [25, т. XVIII, т. 73, к. 151]; “*w Trembowli*” 1649 [6, т. IV, с. 303]; 1389, 1766 [51, т. XII, с. 459-468]; **Trembowla** 1578, 1616, 1627, 1662 [39, т. III, с. 144-148]; *mieć Trębowla* 1676 [55, с. 375]; **Trembowla** 1735 [24, т. XXV, с. 400]; 1758-1765 “*in oppido Trembowla*” (укр.: в місті Трембовля) [2, т. I, ч. IV, с. 546]; **Trembowla**, **Trębowla** [51, т. XII, с. 460]; **Trembowla** 1785-1788 [7, с. 302]; **Trembowla** 1790 [48]; **Trembowla** XIX [36]; **Trębowla** XIX [38]; **Trembowla**, z. hal. (Trembowla) 1889-1904 [28]; **Трембовля** / **Trembowla** 1905 [14, с. 53]. Сюди ж відносямо: **Trembowlya** XV; **Trębowla**

XVIII; **Trembowla**, **Trębowla** XIX, **Trębowla**, ***Trębowla** [33, с. 255].

Простежені за століттями на діахронному зразі фіксації – як було вже вище зазначено про їхні польсько-латинські орфографічні варіанти передачі – ілюструють морфологічну та фонетичну адаптацію давньоруської назви у формі чоловічого роду Теребовль до системи польської та латинської мов у формі жіночого роду, що можна подати у вигляді своєрідного універсального запису **T(h)e)r(e)(e)embow(v)l(i)(y)a**. Повертаючись до пояснення причин вказаної вторинної носовості (її фіксація в назві нами засвідчена в др. пол. XIV ст.), то вважаємо, що вона є наслідком перетворень повноголосої східнослов’янської назви Теребовля (група *teret) у фонетично адаптовану як **Trembowla** / **Trzebowla** (група *tert > пол. *tret* / *trzet*) західнослов’янську форму (закономірна назалізація перед губними).

Власне особистий досвід авторів давніх джерел, їхня обізнаність із оригінальною формою назви, дотримання орфографічних норм у певні часові проміжки, асоціації, аналогії, зрештою знання мови й місцевих діалектів – ось ті чинники, які свідчать про ту чи іншу форму ойконіма Теребовля в певний період.

Залежно від підходів до інтерпретації цього ойконіма, наявні сьогодні лінгвістичні розвідки доцільно погрупувати за версіями про його походження:

Відантропонімні версії

1. Й. Галічев був, очевидно, першим, хто спробував простимологізувати Теребовлю на фоні назв типу Любомля та Любомль, підвівши під неї антропонімічний контекст: “*Trembowla, strus, Terebowl; -l- forma zmiękczenia, oznaczająca własność, a zatem “własność Terebowa, syna Tereba”*” та заперечивши водночас зв’язок із процесом корчування (тереблення) лісів, який ілюструє діесловом пол. “*trzebić*” [35, с. 255]. Логіка цього тлумачення полягає в тому, що особа на ім’я Тереб надли-

ла свого сина Теребова (< ОН Тереб- + суф. -ов) якоюсь власністю, на що начебто вказує присвійне *-l-*, внаслідок чого утворилася форма Теребовль (див.)

2. Я. Рудницький кількома роками пізніше висловив впевненість у тому, що Теребовля (пол. Trembowla, укр. Terebowl', Terebowl'a) є присвійною відособовою назвою (< ОН Тереб), утвореною за допомогою суфікса *-ov*, розширеного нейтрально-структуральним формантом *-l'a*. Польськомовний же варіант Trembowla замість очікуваного *Trzembowla дослідник пояснює впливом повноголосого українського варіанта Terebowl'a з подальшим розвитком вторинної носовості в назві перед *-b* [50, с. 140].

3. А. Профоус чеські ойконіми по дібної структури Třebovle та Třebovice [37, т. II, с. 615] виводить від антропонімів – ОН Třebov, Třebová – і кваліфікує як субстантивований посесивний ад'ектив на *-e* (Třebovle) та патронім на *-ice* (Třebovice) [47, т. IV, с. 367].

4. В.П. Нерознак назву Теребовль виводить від проміжної топооснови (без конкретизації її значення) *Terebow-* (< Тереб-) + посесив **-jь* та подальшим розвитком останнього в *-ль* [10, с. 168].

5. М.Л. Худаш відстоює відантропонімну версію А. Профоуса та В.П. Нерознака у реконструйованому ним ланцюгу особових назв: ОН *Теребова < ОН *Теребовъ (+ суф. *-a* як ОН *Теребова) < ОН *Теребовитъ (як *Теребо- + -віть) як відантропонімне відкомпозитне гіпокористичне утворення на підставі за свідченої в польській антропонімії ОН Trzebowit [SSNO V, с. 480], а перехід варіативного Теребовль у Теребовля датує XIVст. “шляхом морфологічного вирівняння до топомоделі на *-ъя* (> *-ля*)” [20, с. 205-207].

Як бачимо, антропонімічні тлумачення велися в основному довкола структурування назви з метою встановлення первинного (здебільшого антропонімного) етимона. Їх можна представити у вигляді: ОН *Тереб-* + *-ов-* + *-ля* чи *Тереб-* + *-овля*. (у випадку жіночородової форми назви) або ж кореневої частини Тереб- з чолові-

чородовою первинною фіксацією фіналі *-овль*. Я. Рудницький фіналі *-ov* // *-ov'la* розглядає в плані типології на фоні інших назв типу Drogowel // Drogowle, Litowel // Litowle, Radowle // Radowel та ін. з метою словотворчого поділу типу: Drog-ow-el, Wit-ow-el, Lub-ow-la, Tur-ow-l(a), щоб вказати на антропоніми в кореневій частині, посесивність суф. *-овъ* та субстантивуючу функцію присвійного прікметника в суф. *-(e)l*, *-l(a)*, тобто Terebow(e)l, Trebow(l)a [50, с. 137-138].

По суті, Я. Рудницький приєднується до версії Й. Галічера. Утім, якщо говорити про утворення самого антропоніма *Тереб, то тут вже Я. Рудницький, а услід за ним і М. Худаш, вдаються до його повної реконструкції як композита на кшталт ОН *Terebosław / *Trzebosław [50, с. 139] чи ОН *Теребовитъ [20, с. 206]. Звісно, на рівні припущення та ще й підкріплень певним лексикографічним антропонімійним матеріалом реконструкції цих антропонімів (!) є абсолютно прийнятними. Тим паче, сьогодні маємо ряд солідних монографічних праць, присвячених реконструкції праслов'янської антропонімії, зокрема антропонімів типу *composita* на кшталт ***Terbovidъ**, реконструйованого В.П. Шульгачем із ойконіма Теребовижа [23, с. 318].

Якщо взяти до уваги топоформанти, які формують назви (ойконіми, мікротопоніми, гідроніми; див. нижче приклади) з основою **terb-*, то тільки певні з них (присвійні чи рідше – релятивні, – як-от: *-овъ*, *-инъ*) потенційно можуть додаватися до антропонімної кореневої основи Терб- / Тереб. Назви населених пунктів типу Теребина, Теребово, Trebino, Trebotin, Terebin системно почали з'являтися десь наприкінці XIII – початку XIX століття, коли в історичних документах було чітко вказано на їхнього власника чи на першопоселенця, тобто коли могла працювати відома антропонімічна формула “рід або піддані ...”. Такими ж можна вважати й патронімні ННП на *-ичі*: Теребовичі, Trboviči та ін.

У випадку Теребовлі (як проміжного < ОН Тереб- + -ов-) посесивна відантропонімна версія не працює хоча б із тих причин, що перша згадка (!) про місто датована кінцем XI століття, а, як відомо, назви поселень виникали переважно двома століттями пізніше. З іншого ж боку, мала би бути хоч якась згадка про, очевидно, легендарну чи історичну особу (вождь, князь) на ім'я *Тереб, яка б була гідна бути удостоєною в історії. (Це добре ілюструє названий Данилом Романовичем на честь свого молодшого сина Лева Львів. А історичний слід в історії Теребовлі залишили її правителі: Василько Ростиславич, Григорій (Ростислав) та Ігор (Іван) Василькович).

“Жертвовні” версії

1. Автори “Етимологічного словника літописних географічних назв Південної Русі” як одну з можливих (але менш ймовірних) подають версію походження Теребовлі від дієсл. **terebovati* “приносити жертву”; пор. д.-р. *tereba* “жертва” [4, с. 157].

2. Значну кількість топонімів, пов'язаних із одним із найбільших хорватських племен *trerebowian*, згаданий нами Л. Войтович пояснює їхньою міграцією в зв'язку “з охороною головного святилища хорватського язичницького пантеону”, а саму племінну назву *trerebowian* виводить від загальнохорватського святилища, де “справлялася “треба” і наводить приклади існування подібних святилищ на Буковині, Тернопільщині, Івано-Франківщині та Львівщині [3, с. 34, 35].

3. О.М. Трубачов у рецензії на книгу Л. Мошинського *“Die vorchristliche religion der slaven im lichte der slavischen sprachwissenschaft”*, видану в Німеччині в 1992 році, критикує автора за неправильний лексичний аналіз лексичної групи **трєбі** “жертва”, в процесі якого за вихідне було взято значення “чистити, корчувати”. Адже корінь **ter-*, розширеній детьрініативом *-b-*, як справедливо зазначає рецензент, має основне значення “терти, перетирати, винищувати за допомогою чогось гострого”,

проте сакральну семантику з ним пов'язувати не можна на тій підставі, що від цього, основного, значення відгалузилось значення “гостра необхідність, справа”, наявне в лексичному фонді литовської мови. А псл. **terba* (ц. слов. *trhba* “*victima*”) є доброю аналогією до цього. Похідне від *trhba* > *trhbište* Лешек Мшинський пояснює як “місце, розчищене від дерев, розкорчоване місце”. Проте з погляду етимології, продовжує думку О. Трубачов, *trhbište* – це “місце треби, жертвоприношення, *locus victimae*” із збереженням основного значення словотвірної моделі на *-išče* [18, с. 421-422].

Згідно зі своїм світоглядом, усі давні слов'яни займалися жертвоприношенням, однак це відбувалося лише в певні періоди, щоб задобрити богів для майбутнього врохаю чи запобігти якомусь природному лиху. Проте це не могло бути перманентним, визначальним заняттям якогось одного племені (у нашому випадку – требовлян). Набагато насущнішими були проблеми прогодувати себе та сім'ю, отже, займатися землеробством (хліборобством), викорчовуючи, випалюючи, а відтак – тереблячи (!) все нові й нові площи під посіві.

Етнічно-антропогенна версія

Назву старокняжого міста Теребовлі, розташованого в Теребовлянському районі Тернопільської області [1, с. 265], на обох берегах річки Гнізна в басейні Середнього Дністра, ми пов'язуємо з іменуванням племені *trebov' (l)yan*.

Має рацію львівський історик Леонтій Войтович, аналізуючи Празький Привілей 1086 року (перепис меж Празької єпископії з документу 973 року), в якому назву *Trebouane* правильно відчутиє як *trebov'ani* (*terebob' (l)yan*) й ототожнює з теребовлянами нинішньої Теребовлі, критично при цьому оцінивши погляди інших дослідників, які робили спроби локалізації цього племені “в Ческій Требові над Орліце (Стефан Закжевський, Стефан Арнольд), на річці Требніце (Ю. Відаєвич, Тадеуш Лер-Сплавінський), на річці Качава

в околицях Легніце, яка колись називалася Требовою” [3, с. 34].

Автори “Етимологічного словника літописних географічних назв Південної Русі” власну назву Теребовля виводять від загальної назви на позначення “вітеребленого, розчищеного від лісу, заростей місця” [4, с. 157]. У академічному виданні “Етимологічного словника української мови” (К., 2006) [далі ЕСУМ] міститься досить розлога словникова стаття, яка дозволяє нам з'ясувати основну дієслівну семантику лексеми *теребити* на всеслов'янському фоні й висловити припущення стосовно основного роду занять мешканців Теребовлі та прилеглих територій: “теребити “очищати … [… очищати поле від кущів, дерев]”, [теребівля] “місце, очищене від кущів”, [теребіж] “тс.” пор.: р. *теребить* “… теребити”, бр. *церабіць* “прочищати; чистити, обрізувати; теребити …”, др. *теребити* “розвищати, корчувати”, п. *trzebić* “… проріджувати, викорчовувати”, ч. *trzibit* “очищати, просіювати …”, вл. *trjebić* “чистити …”, нл. *trébiš* “чистити; корчувати …”, болг. *трéбя* “чистити, очищати”, м. *треби*, схв. *Трубити*, слн. *trébiti* “очищати, корчувати” цсл. *trhbiti* “чистити, корчувати”; – псл. **terbiti* “чистити, очищати” [ЕСУМ, т. V, с. 549-550]”. Пор. ще: д.-р. *теребити, тереблю* “розвищати” [17, т. III, с. 950]; у північно-російських говорах *тереб* – це “розвищена від чагарника під ниву земля” [19, т. IV, с. 45].

Підтвердженням такої версії можуть служити сучасна й історична ойконімія, мікротопонімія та гідронімія з цією ж основою з інших слов'янських теренів, зосереджена на якісь одній, вузьколокальній території:

Ойконіми. Пор. кілька ННП з основою *Tereb-*: Теребежі (Лв.), Теребля (Зк.), Теребовичі (Вл.) [АТУ, 443]; хутір Теребовичі (Вл.), село Теребище (Брестська обл., Республіка Білорусь) [16, т. II, с. 397]; кол. Теребіж (Tr.), Теребище (Чрг.) [4, с. 157]; Terebin 1492 [24, т. XIX, № 2242].

Попри помилковість тлумачення

назви самої Теребовлі, М.Л. Худаш назуву хутора Теребежі (Лв.) цілком правильно вважає плюральним утворенням від апел. *terebiżs* на позначення “вітеребленого, очищеного від дерев і кущів місця під сільсько-господарські угіддя” [21, с. 246]

У Польщі маємо назви поселень у басейні річки *Trzebośnicu*, лівої притоки Сяну; *Trzebniska*, *Trzeboś* над Середнім Віслоком (північніше м. Жешова), *Trzebowisko*, *Terebin* поблизу правої притоки Гучви. Поселення з таким типом іменування розташовані на захід від Бугу [44, с. 36]. Сюди ж відноситься й старожитня назва НП *Terebiniec* у міжріччі Вісли й Бугу [42, с. 352].

Ретельний аналіз 7000 сільських поселень (яким відповідають 12000 назв сіл, сілець, починків, погостів) Московської держави XVI ст., зроблений на матеріалах писцівих книг із території Новгородської, Псковської земель, Рязанського краю та 21 уїзду Росії, представив польський дослідник Ян Сосновський у праці “*Toponimia Rosyjska: Nazwy wsi*” [54]. Основу *Тереб-* із аналізованих ойконімів тут мають: *Terebani* (як назва етнічного походження < апел. *terebani* (в осн. *tereb* “викорчуване місце”) “люди, що заселяли викорчувані місця”) [54, с. 32]; *Terebušino*, *Terebuša* (як присвійна відособована назва секундарного походження з суф. *-in*) [54, с. 48]; *Tereben'*, *Terebeni*, *Terebuni*, *Terebuš* (як антропогенні назви < апел. *tereb*, “корчовисько, місце, очищене від зарослів” та дієсл. *terebiti* “очищати”) [54, с. 73, 76].

На решті слов'янських територій спостерігаємо численні ойконіми з цим коренем в основах, як-от: у районі Требішова в Словаччині [41, с. 190-191]; на Балканах – у Боснії, Герцеговині та Хорватії – наявні 35 топонімів, а саме: *Trebegovci*, *Trbovče*, *Trbovići*, *Trbovlje*, *Trebanjski vrh*, *Trebća vas*, *Trebće*, *Trebećaj*, *Trebelno*, *Trebenče*, *Trebenista*, *Trebesinj*, *Trebešovo*, *Trebčz*, *Trebež*, *Trebećino*, *Trebice*, *Trebija*, *Trebijovi*, *Trebimlja*, *Trebino*, *Trebinje*, *Trebiste*, *Trebizani*, *Trebizat*, *Trebna Gorica*, *Trebne*, *Trebni vrh*, *Treboje*, *Treboš*, *Trebotin*, *Trebovec*,

Trebović, Trebovljani, Trebovlje [3, с. 44].

Мікротопоніми. На Любельщині (Польща) – це, в основному, назви лук і полів, а також і лісів, що само собою вже вказує на колишні процеси викорчувування (лісів), розчищення під посіви територій (лук, полів) тут у минулому. Пор.: Tereba (ліс, поле), Terebeže (луга), Terebienica (луга), Terebież (поле), Terebina (луга), Terebiże (луга), Terebyhoszcz (луга) [43, с. 236]. Ярослав Рудницький онім Теребіж (у пол. транслітерації – Теребіж), що є назвою частини селища міського типу Верхнє Синьовидне Сколівського р-ну Львівської області [1, с. 185], виводить від апелятива *теребіж* (у пол. транслітерації – *terebiż*, пол. *trzebież*) “викорчування на місці лісу місце, теребіж” і відносить його до назв місцевостей, пов’язаних із культурною діяльністю людини [13, с. 113]. Сучасна мікротопонімія північно-західної України і суміжних територій також представлена багатьма назвами, які можна зводити до основи: урочище Теребейки (Вл.), урочище Теребіж (Вл.), куток Теребіжка (Вл.), пасовище Теребіжки (Лв.), куток Теребляне (Вл.), озеро Теребовицьке (Вл.), куток Теребович (Вл.) [16, т. II, с. 397].

Гідроніми. Ще надійніше підтвердження дають назви гідрооб’єктів, вміні в “Словнику гідронімів України” (К., 1979): р. Теребень (Чрг.), пот. Теребіж, (І.-Ф., Вн.), р. Теребля (Зк.), пот. Теребна (Тр.), пот. Теребовець (Вн.) [СГУ, с. 558] як онімів із найархаїчнішою семантикою основ, в яких відбиті процеси ведення підсічно-вогневого способу господарства в прирічкових зонах, звідки, власне, й починалося заселення (залинення) життєвого простору. Етимологію назв рік Trzebinka, Trzebunka Лівобережного Мазовіша басейну річки Пилиці (Польща) [34, с. 95], а також – Terebovec, Terebowiec, *Terebusz [31, 258] в басейні Бугу (Україна) польські вчені-гідронімісти Єжи Дума та Ева Білют також виводять від дієслівної основи *теребити* (пол. *trzebić*) “тс.” (див.).

Отже, підводячи підсумок нашого аналізу, пропонуємо етноімно-антропогенну версію походження міста Теребовлі, яку виводимо від племені *теребовлян*. Появу цієї назви можна віднести до пізньої праслов’янської доби та структурно зарахувати до однієї з найпоширеніших словотвірних моделей на *-ane* // *-ани* для називання етноімів, утворених від основних топографічних об’єктів, в межах яких проживали давні етноси – **berž-anе* (< **bergъ*), **buž-anе* (< р. *Бузь*), **moravj-anе* (< *Morava*), **rēč-anе* (< **rѣка*) [5, с. 415, 438] – та реконструювати у формі **terbo(v+jь)-anе* > **terbovl’ane* із семантикою “жителі вiterеблених, розчищених під посіви територій”. (Принагідно: *l-epentheticum* після губного приголосного є досить частим в основах багатьох давньоруських топонімів, таких як: Braslavль, Любомль, Переяславль, Путивль, Ярославль).

При такому підході гіпотетично можна побачити спільну формально-значеневу типологію етноімів *теребовляни* з іншими вище наведеними слов’янськими етноідами. Така беззаперечна вимога пояснюється тим фактом, що, як свого часу зауважив, С. Роспонд, “завжди і всюди більші чи менші нагромадження людей, групи, племена чи пізніше державні організми мали схожі назви, чи то з погляду фізіографічних умов (топографічні етноімі), чи відповідно до мешканців (антропонімічні етноімі)” [49, с. 21].

Таким чином, етнічну назву *теребовляни* з центром у Теребовлі треба, услід за етноідами *поляни* (**pol’ane*) “жителі полів” й *ленд(з)яни* (**ledjane* < **lēdo* / **lēda* “цілина, необроблена земля”) “жителі цілинних земель” включити в коло ранніх племінних назв землеробського походження, пов’язаних із землею та її культивацією.

З цього ще більше стає зрозуміло, що типологічні та структуральні дослідження мають зміст ще й з погляду повторюваності ідентичних слов’янських етноідів на кшталт *Slověne*, *Poljane*, *Sěverjane*, **Dervljane* у всій Славії [49, с. 23].

Література:

1. Адміністративно-територіальний устрій Українська РСР (1987). – К. : Головна редакція УРЕ, 1987. – 504 с.
2. Архів Юго-Западної Росії, издаваемый Временною комиссиюю для разбора древних актов высочайше учрежденою при Киевском, Подольской и Волынском генерал-губернаторе. – К., 1859–1914. – Ч. I–VIII. – Т. I–XXXV.
3. Войтович Л. Прикарпаття в другій половині I тисячоліття н.е.: найдавніші князівства / Л. Войтович // Вісник Львівського університету. Серія історична. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2010. – Вип. 45. – С. 13–54.
4. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / І. М. Железняк, А. П. Корепанова, Л. Т. Масенко, О. С. Стрижак. – К. : Наукова думка, 1985. – 253 с.
5. Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этноимах (Основные проблемы и перспективы) / В.В. Иванов // Из истории русской культуры. Древняя Русь. Статьи по истории и типологии русской культуры. – М., 2000. – Т. I. – С. 413–440.
6. Жерела до історії України-Руси / [Вид. М. Грушевський, С. Томашевський]. – Львів, 1895–1913. – Т. I–VII.
7. Йосифінська (1785–1788) і Францисканська (1819–1820) метрики. Перші поземельні кадастри Галичини. Покажчик населених пунктів. – К. : Наукова думка, 1965. – 353 с.
8. Котляр М. Ф. Княжий двір Галича у XII ст. / М. Ф. Котляр // Київська старовина. – 2006. – № 4. – С. 5–7.
9. Майоров А. В. О времени и обстоятельствах основания Галича: историография спорных и нерешенных проблем / А. В. Майоров // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. – К. ; Львів, 2004. – Т. 1. – С. 688–711.
10. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. – М. : Наука, 1983. – 207 с.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 1 Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. – 580 с.; Т. 2 Ипатьевская летопись. – 938 с.; Т. 9 Никонов-

ская летопись. – 256 с.; Т. 26 Вологодско-Пермская летопись. – 413 с.; Т. 30 Владимирский летописец. – 240 с.; Т. 32 Литовская и Жмойская, и Быховца. – М. : Изд-во вост. лит., 1962-1968.

12. *Ruer Я. Г.* Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века по археологическим данным / Я. Г. Риер. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2000. – 263 с.

13. *Рудницький Я.* Географічні назви Бойківщини. Друге справлене видання праці: "Nazwy geograficzne Bojkowszczyzny" з 1939 р. / Я. Рудницький // Українська Вільна Академія Наук. Серія : Назвознавство. – 1962. – Ч. 23–24. – 206 с.

14. Русско-польский и польско-русский алфавитные перечни географическихъ названий помѣщенныхъ на картѣ Галицы и Буковины инж. Корнмана. – Кіевъ : Издание Кіевскаго Округа Путей Сообщения, 1915. – 124 с. (60 с. + 64 с.).

15. *Скочилас I.* Від давньоруських десятин до намісництв-протопопій: особливості "впорядкування" сакрального простору Галичини в княжий період (до кінця XIV століття) / I. Скочилас // Вісник Львівського університету. Серія історична. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2010. – Вип. 45. – С. 55–91.

16. Словник мікротопонімів і мікрогідронімів північно-західної України та суміжних земель : у 2-х т. / [упоряд. Г. Л. Аркушин]. – Луцьк : РВВ "Вежа" Волинського державного університету імені Лесі Українки, 2007. – Т. 2 (Л–Я). – 536 с.

17. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам / И. И. Срезневский. – СПб., 1893–1903. – Т. I–III.

18. *Трубачев О. Н.* Мысли по поводу новой книги: Leszek Moszyński. Die vorchristliche religion der slaven im lichte der slavischen sprachwissenschaft (Böhlau Verlag, Köln; Weimar; Wien, 1992) / О. Н. Трубачев // Этногенез и культура древнейших славян / [Отв. ред. Н. И. Толстой]. – Изд. 2-е, доп. – М. : Наука, 2003. – 489 с.

19. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964–1973. – Т. I–IV.

20. *Худаш М. Л.* Українські карпатські і прикарпатські назви населених пунктів (утворення від слов'янських автохтонних від композитних скорочених особових власних імен) / М. Л. Худаш. – К. : Наукова думка, 1995. – 362 с.

21. *Худаш М. Л.* Українські карпатські і прикарпатські назви населених пунктів (відапелітивні утворення) / Михайло Худаш. – Львів, 2006. – 451 с.

22. Центральний державний історичний архів України у місті Львові. Відділ рукописів. – Ф. 52. – Оп. 2. – Спр. 9. – Арк. 374.

23. Шульгач В.П. Нариси з праслов'янської антропонімії / Шульгач В.П. – К., 2008. – 413 с.

24. Akta grodzkie i ziemskie czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie. – Lwów, 1868–1935. – T. I–XXV.

25. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (Головний архів давніх документів у Варшаві). – Ф. XVIII. – Т. 73. – К. 151.

26. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (Головний архів давніх документів у Варшаві) / Metyka Litewska. – Sygnatury : IV; B 8, 4 ; B 9, 4 ; B 12, 4 ; B 17, 4 ; B 19, XLVI, 119.

27. Archiwum Główne akt dawnych w Warszawie / Archiwum Skarbu Koronnego. – Ф. I. – Спр. № 17. – Арк. 349.

28. Atlas historyczny Rzeczypospolitej Polskiej. Epoka przełomu z wieku XVI na XVII. Dział II: Ziemie Ruskie Rzeczypospolitej / [Dział opracowany przez Aleksandra Jabłonowskiego]. – Warszawa ; Wiedeń, 1889–1904.

29. *Baliński M.* Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym / M. Baliński, T. Lipiński. – Warszawa, 1885. – Т. II. – Z. 6. – 986 s.

30. *Balzer O.* Corpus iuris Polonici / O. Balzer. – Lwów, 1906. – Т. III. – 796 s.

31. *Bilut E.* Gewässernamen im Flußgebiet des Westlichen Bug (Nazwy wodne dorzecza Bugu) / [Bearb. von Ewa Bilut] // Hydronymia Europaea. Lieferung 10. – Stuttgart : Franz Steiner, 1995. – 280 s.

32. *Dąbkowski P.* Podział administracyjny województwa Ruskiego i Bełskiego w XV wieku (z mapą) / Przemysław Dąbkowski // Zabytki dziejowe. – Lwów : Towarzystwo Naukowe, 1939. – Т. V. – 337 s.

33. *Decyk W.* Transpozycja wschodniosłowiańskich nazw geograficznych na język Polski (na przykładzie materiału z kroniki Nestora) // Prace filologiczne. – Т. XLI. – Warszawa, 1996. – S. 247–265.

34. *Duma J.* Nazwy rzek Lewobrzeżnego Mazowsza (z całym dorzeczem Pilicy) / Jerzy Duma. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1999. – 202 s.

35. *Haliczer J.* Słownik geograficzny: pochodzenie i znaczenie nazw geograficznych / Józef Haliczer; [słowo wstępne napisał Eugeniusz Romer]. – Wyd. 2 popr. i znacznie powiększ. – Tarnopol : nakł. i dr. Drukarni Podolskiej, 1935. – 171 s.

36. *Historya Państwa Rossyjskiego M. Karamzina* przełożona na język polski przez Grzegorza Buczyńskiego. – Warszawa : u Zawadzkiego i Węckiego, 1824. – Т. I–II.

37. *Hosák L.* Místní jména na Moravě a ve Slezsku / Ladislav Hosák, Rudolf Šrámek. – Praha: Academia, 1970, 1980. – D. 1–2.

38. *Latopis Nestora* / [opr. August Bielowski i Jan Wagilewicz] // Monumenta Poloniae Historica. – Warszawa : PWN, 1960. – Т. I. – S. 521–862 [przedruk z 1864 r., Lwów].

39. Lustracje dóbr królewskich XVI–XVIII wieku. Województwa Ruskie, Podolskie i Bełskie. Lustracja województw Ruskiego, Podolskiego i Bełskiego 1564–1565. Część I / [Wydali Krzysztof Chłapowski i Helena Żytkowicz]. – Warszawa; Łódź: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992. – 281 s.

40. *Matricularum Regni Poloniae Summaria* / [wyd. T. Wierzbowski]. – Varsoviae, 1905–1961. – Т. I–IV (1905–1910).

41. *Mlynarska-Kaletynowa M.* Trzebowianie / M. Mlynarska-Kaletynowa // Słownik starożytności słowiańskich. – Warszawa, 1977. – Т. 6. – Cz. 1. – S. 190–191.

42. *Nosek S.* Materiały do badań nad historią starożytną i wczesnośredniowieczną międzyrzecza Wisły i Bugu / Stefan Nosek. – Lublin; 75

Kraków : Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 1957. – 502 s. – (Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F : Nauki Filozoficzne i Humanistyczne ; vol. VI (1951)).

43. Olejnik M. Indeks alfabetyczny terenowych nazw własnych (mikrotoponimów) zawartych i opisanych w pracy Michała Łesiowa *Terenowe nazwy własne Lubelszczyzny*, Lublin 1972 / M. Olejnik // Mikroponimia na pogranicach językowo-kulturowych / [Red. M. Łesiów, M. Olejnik]. – Lublin : UMCS, 2005. – S. 181–245.

44. Persowski F. Studia nad pograniczem polsko-ruskim w X–XI wieku / Franciszek Persowski. – Wrocław ; Warszawa ; Kraków : Zakład Narodowy im. Ossolińskich ; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1962. – 151 s.

45. Piekosiński F. Kodeks dyplomatyczny Małopolski. Monumenta medii aevi historica / Franciszek Piekosiński. – Kraków : Akad.

Umiejętności, 1876–1905. – T. I–IV.

46. Polska XVI wieku pod względem geograficzno-statystycznym. Ziemia Ruskie: Ruś Czerwona / [Opisana przez A. Jabłonowskiego]. – Warszawa, 1902. – T. XVIII. – Cz. I.

47. Profous A. Místní jména v Čechách. Jejich vznik. původní význam a změny / Antonín Profous, Jan Svoboda. – Praha : Nakladatelství Československé akademie věd, 1947–1956. – D. 1–4.

48. Regna Galicie et Lodomeriae Josephi II et M. Theresiae augg. Iussu ... – 1790 r. Nomina Circulorum (numerus Chartae respondentia): 9. Przemyslensis; 10. Samborienensis; 11. Zolkievienensis; 12. Leopolienensis; 13. Stryiensis; 14. Złoczowienensis; 15. Brzezanyensis; 16. Stanislavovienensis; 17. Tarnopolienensis; 18. Zaleśzczykienensis.

49. Rospond S. Struktura pierwotnych etnonimów słowiańskich / Stanisław Rospond // Rocznik slawistyczny. – Wroclaw ; Warszawa ; Kraków, 1966. – T. XXVI. – Cz. II. – S. 21–32.

50. Rudnicki J. O nazwie miejscowości Trembowla / J. Rudnicki // Język Polski. – Rocznik XX II, 1937. – S. 134–140.

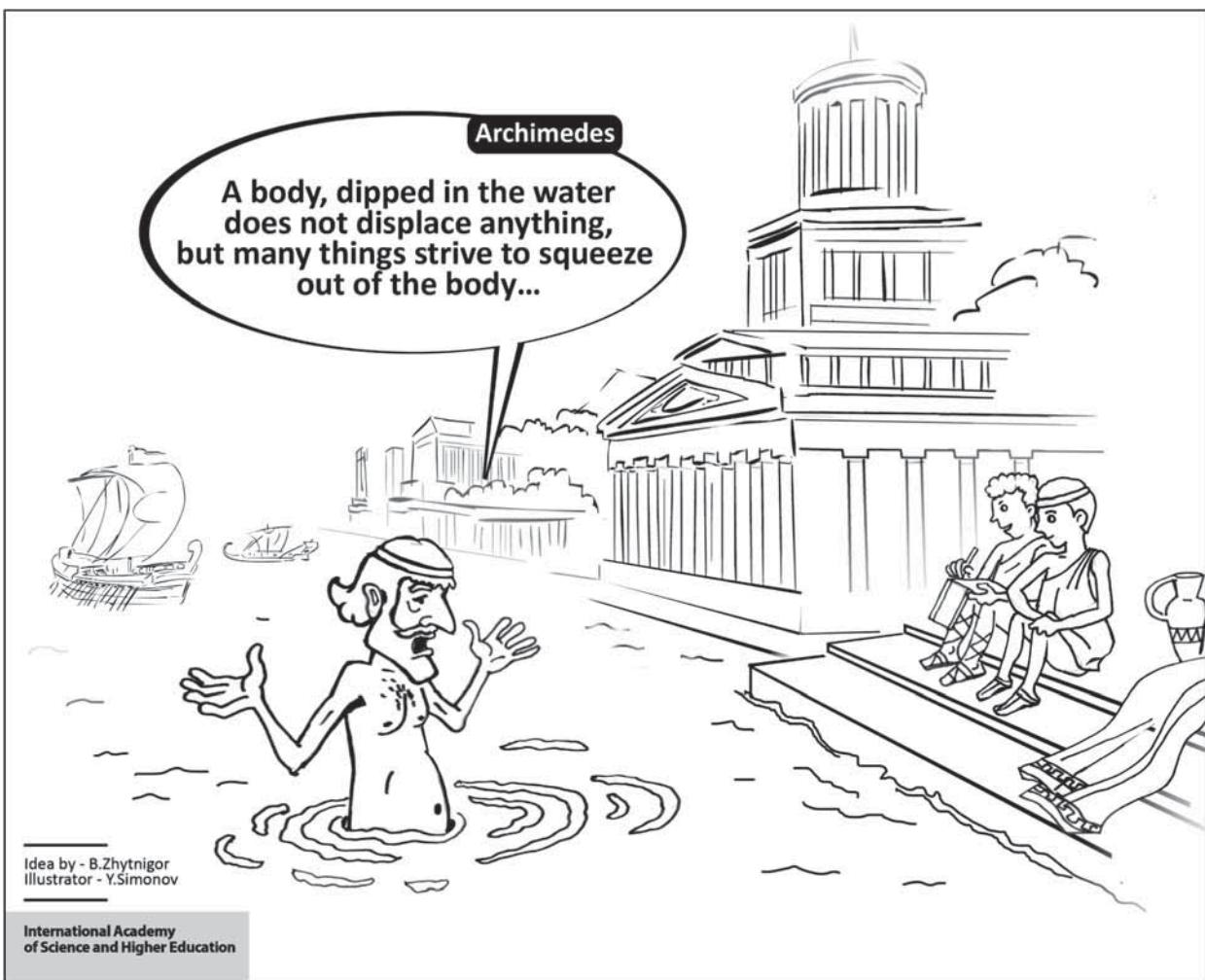
51. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / [Red. T. Sulimierski, B. Chlebowski, W. Walewski]. – Warszawa, 1880–1902. – T. I–XV.

52. Sąd Grodzki Trembowelski / Актovi книги Теребовлянського гродського суду Руського воєводства, що містяться в Центральному державному історичному архіві України у Львові // ЦДІАЛ – Фонд № 17. (Цифри, що йдуть після скорочення, вказують на номер тому і номер сторінки).

53. Słownik staropolskich nazw osobowych / [Red. W. Taszycki]. – Wrocław etc., 1965–1987. – T. I–VII.

54. Sosnowski J. Toponimia Rosyjska XVI wieku: Nazwy wsi / Jan Sosnowski. – Łódź : Wydaw. UŁ, 2002. – 202 s.

55. Volumina legum. – Sankt-Petersburg, 1859. – Vol. I–IX.

Саметова Ф.Т.,
канд. филол.
наук, доцент
Университет
Кайнар,
Казахстан

Участник
конференции,
Национального
первенства
по научной
аналитике

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРОСТРАНСТВО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Особую роль в передаче мировосприятия играет фразеологический состав языка. Историческое развитие народа, его трудовая деятельность, общественные отношения людей, быт, нравы, традиции, своеобразные условия жизни накладывают отпечаток на национальную специфику образных средств языка. Поэтому фразеологизмы рассматриваются как хранители культурной информации.

Ключевые слова: пространство, фразеологические единицы, русский язык, культурная коннотация.

A special role in the transmission of world view is a language phrasebook. The historical development of the people, their work activity, social relations, daily life, customs, traditions, and peculiar conditions of life leave their imprint on the national specifics of figurative language. Therefore, idioms are regarded as custodians of cultural information.

Keywords: space, phraseological units, the Russian language, the cultural connotation.

Пространство, являясь одной из двух форм существования материи, наряду со временем, играет большую роль в формировании представлений народа об окружающем мире, что можно увидеть в собранном нами языковом материале. Известно, что каждый фрагмент мира получает языковое выражение в виде слова. Особую роль в передаче мировосприятия играет фразеологический состав языка. Историческое развитие народа, его трудовая деятельность, общественные отношения людей, быт, нравы, традиции, своеобразные условия жизни накладывают отпечаток на национальную специфику образных средств языка. Поэтому фразеологизмы рассматриваются как хранители культурной информации.

Как известно, к всеобщим свойствам пространства относится протяженность: пространство распространяется в разные стороны от человека, следовательно, субъективно, чувственно. Субъективное восприятие пространства и объектов различны у разных народов, хотя и имеют некоторые черты сходства. Для народов, сложившихся как этнос в лесных или горных районах, мир представляется относительно замкнутым пространством, для народов, которые жили и живут в степи – пространство не имеет границ и кажется бесконечным, что во многом определяет поведение представителей народа, отраженные в понятиях.

С помощью понятия «пространство» человек характеризует протяженность мира. Его связность, непрерывность, многомерность. Оно представлено в языке, сознании, культуре,

«одушевляется» человеком, «прочитывается» им, представляя собой область человеческих представлений о мире.

В сознании русских образ пространства представляет собой горизонтальное движение: вширь, вдаль, вокруг, свидетельством чему являются языковые средства выражения значения: на все стороны, на все четыре стороны, на все четыре ветра, язык до Киева доведет; на белом свете, на край света. При этом нельзя утверждать, что мир не воспринимался вертикально: от горшка два вершка, аршин с шапкой, метр с кепкой, *роста в косую сажень*.

Известно, что каждый народ при обозначении того или иного измерения исходит из материальных предметов окружающего его мира. Из чего следует, что лексика того или иного языка является ярким примером, когда метафорическим использованием названия предметов, к которым человек привык в повседневном быту, обозначают понятия измерения пространства.

Рассмотрим, каким образом передается направление через содержание фразеологических единиц.

ФЕ со значением направленности соотносятся с наречиями близко, далеко. Если наречия нейтральны, то ФЕ имеют большие возможности для эмоциональной характеристики.

Значение «направленность в разные стороны» проявляется в ФЕ во все страны на бычий рев, *кто куда, на все стороны, на все четыре стороны, на все четыре ветра и др.*

ФЕ кто куда, указывая на разнонаправленное движение, как правило, характерна для ситуации крайне по-

спешного бегства с места пребывания субъекта. В отличие от ФЕ на все стороны, на все четыре стороны, на все четыре ветра данная ФЕ не имеет указания на прямолинейность движения, а характеризует неорганизованное разнонаправленное движение.

Наиболее ярко дополнительное значение проявляется у ФЕ в огонь и в воду, образно-смысловой центр которой базируется вокруг символического значения слов огонь и вода как основы материального мира. Представления о их вездесущности переносятся на пространственные реалии и возникает значение «куда угодно». Однако пространственное значение усиливается дополнительным элементом «безоглядно».

ФЕ хоть на край света реализует значение куда угодно если используется в сочетании с глаголами.

В основе значения некоторых ФЕ, указывающих на разнонаправленное движение, лежит представление об односторонности: куда ноги несут, куда ветер подует, куда глаза глядят, во все страны на бычий рев своей внутренней формой соотносятся с более или менее определенными линейными направлениями (направление ветра, взгляда), однако в речи значение этих ФЕ теряет сему «однородность» и употребляется в значении «не выбирая дороги, в любом направлении».

Значение «неизвестное направление» выражается в: сходи туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что; где раки зимуют; к черту на кулички.

Среди ФЕ со значением ненаправленности можно выделить такие, которые указывают на рассредоточенность объекта в пространстве: куда ни подайся, куда ни глянь, по всему све-

ту, на всех морях, куда ни повернись, куда ни пойдешь, куда ни кинь – всюду клин.

Значение «место, местность» прослеживается во фразеологизмах: между небом и землей; на море, на океане, на острове Буйне; за тридевять земель, в тридесятом царстве; в некотором царстве; в некотором государстве.

Сема «расстояние» во фразеологической системе русского языков реализуется в двух значениях, образующих оппозицию «близко – далеко».

Значение близкого расстояния передают ФЕ под ухом, не за горами, дверь в дверь, плечом к плечу, окно в окно, под носом, под рукой, нос к носу, рукой подать и т.д.

Указание на бесконечно далекое расстояние связывается в образной основе ФЕ с нереальными существами: черт, бес: у черта на куличках, к черту на кулички, ко всем чертям, пошел к черту, иди к черту.

В основу значения ФЕ куда Макар телят не гонял, куда ворон костей не заносил, где раки зимуют лежат представления о нереальных действиях. Чаще всего они употребляются с целью создания иронического эмоционального эффекта.

Некоторые фразеологизмы могут быть сопоставлены с близкими по своему лексическому составу и грамматической структуре свободными сочетаниями слов. К таким фразеологизмам, образно выражющим значение пространства можно отнести: один шаг, два шага, в нескольких ша-

гах, первые шаги, на краю света, шаг вперед два назад.

Объектом исследования явились также пословицы и поговорки, крылатые выражения, образно выраждающие значение пространства в языке. Как правило, это те пословицы и поговорки, которые претерпели семантические изменения и вследствие этого обладают целостным переносным значением: в Тулу со своим самоваром не ездят, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Основная функция фразеологизмов, образно выраждающих значение пространства, не столько объяснительная, сколько экспрессивная, эмоциональная, оценочная, что лингвистически представлено в формировании дополнительного компонента в структуре фразеологического значения и лингвистическом анализе иерархии его «составляющих»: образности и экспрессивности, эмоциональности и оценочности.

В ФЕ русского языка по тематической отнесенности опорного слова можно выделить группы: а) ФЕ, в состав которых входят соматизмы: дальше своего носа не видеть; близок локоток, да не укусишь; в чужом глазу соломинку видит – в своем глазу бревна не заметит; с глаз долой – из сердца вон; язык до Киева доведет; б) ФЕ, в состав которых входят названия рельефа: за тридевять земель (в тридесятом царстве); у черта на куличках; куда Макар телят не гонял; куда ворон костей не заносил;

из-под земли; между небом и землей; райские кущи; в Тулу со своим самоваром не ездят; в чужой монастырь со своим уставом не ходят; в какой народ придешь, таку шапку и наденешь; на Кудыкину гору; зачем далеко – и здесь хорошо; в) ФЕ, в состав которых входят зоонимы: за морем и телушка – полушка, да дорог перевоз. Кроме того, выделена большая группа ФЕ, со словом дом: и тесен дом, да просторен он; мой дом – моя крепость; моя хата с краю; на чужбине родная землица во сне снится, к нам люди ездят – к себе в гости зовут, которые характеризуются ярко выраженной ценностной семантикой.

Как видим, важным компонентом во фразеологизмах как единицах языка является культурная коннотация, которая определяется ценностями определенной культуры.

Вопрос познания пространства и времени, их природы, взаимосвязи и даже наличия во многом остается открытым. Представляется уместным привести высказывание основоположника современного представления о пространстве и времени А.Эйнштейна, – пространство и время являются способом, которым мы мыслим, а не условиями, в которых мы живем.

Литература:

1 Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. – М.: Издательство «Художественная литература», 1987. – 526 с.

2 Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 608с.

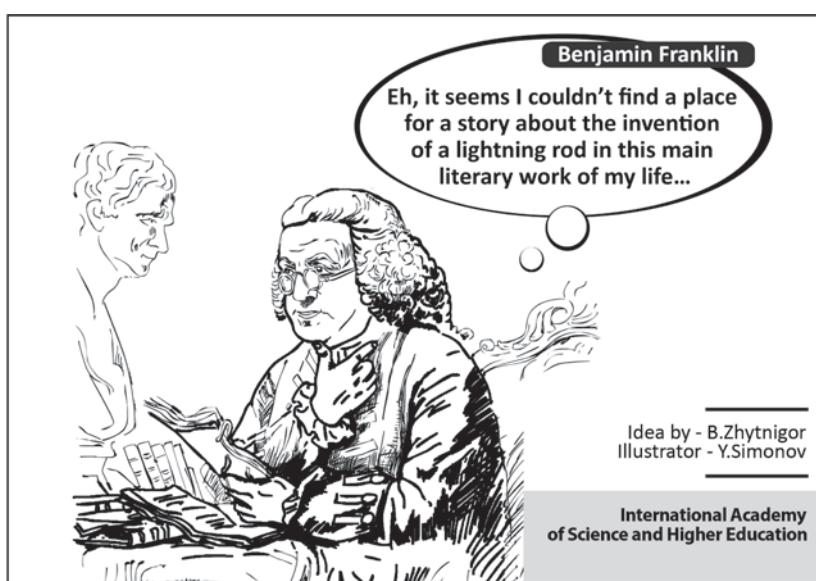
3 Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.

4 Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М.: Пресвящение, 1980. – 447 с.

5 Огольцов В.М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. – М.: Издательство АСТ, 1987. – 797 с.

6 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1999. – 944 с.

7 Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. Свыше 4000 сл. ст. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

Hamze, D., assistant in the University
University of Plovdiv
“Paisii Chilendarski”,
Bulgaria

Participant of the Conference,
National Research Analytics
Championship,
Open European-Asian
Research Analytics
Championship

IRONY IN ITS PRAGMATIC ASPECT

The article examines the range of communicative irony as a compendium of hierarchical speech acts within both, the illocutionary scope of the utterer and the perlocutionary scope of the addressee. The diversity of speech acts is summed up and “labelled” by the synthetic predicative to ironize.

Keywords: irony, comemes, modality, speech act, illocution, perlocution

With a view of assembling the illocutionary spectrum of irony, we deem appropriate to put forth the implicature we identified, which distinctly demonstrates the primary, fundamental and taxonomic character of irony, as the semantic prototype (skeleton) of parody and of grotesque. These three explicatures are axial constructs focussing on the basic and on the complementary illocutionary intentions within the flow of communication. Similar paradigmatic schemes constitute a very efficient exploration model both facilitating and exemplifying our surveys in the sense of reconstructing the illocutionary potential of the comemes¹, within the scope of which the hierarchy of the communicative axes takes shape (for more detailed information concerning the categories of the comic within the perspective of irony in its cognitive and pragmatic aspect Cf. Hamze 2012). The superficial apology of the ironic statement disfigures, but also signals, through intonation or contextual indication the *negative assertion* of the deeper level.

Implicature of irony

X ironizes Y

I say: you are some thing good. (I do not think what I say).

I think: You are not some thing good. (You are not what I say).

I want: you to understand what I think, you to know, that you may be what I say, you to become, what I say that you are.

The three constituents come gradually and are consolidated (united) within the synthetic predicative *To ironize*. In terms of a speech act this predicative represents an implicit

combination of a *verdictive*² („verdict”, related to the expression of a view, of an opinion) and of an *executive* (related to the expression of power, of influence with, at the same time - execution of an intent) – „*I ironize you*”, and if the addressee recognizes it, his/her possible reactions may be the following: „*I will not allow you to expose and humiliate me*”, „*Me too, I may ironize you and my attitude would be right and fully justified*” or on the contrary: „*You teach me a good lesson. I am grateful to you. I will remember the morale. I will try to change*”. There is the exception of the irony addressing phenomena from the reality, which are not subject to the will of the subject: „*Wonderful weather!*” (while there is a heavy storm outside), while the communicating is in the role of an adherent and associate of the utterer in his ironic statement. Then the third constituent „*I want*” solely includes the first stage „*you to understand* what I think and that you support me”. The main conclusion that can be drawn is that irony appears like an illocutionary „compendium” or a mixture, within whose scope there is distribution and graduation of illocutionary intentions. The generative body of the synthetic predicative *I ironize* is obviously a derivation of the constituent *I deny* (what I say) at the deep level i.e. the assertive-negative modality plays a domineering and decisive role in the genesis of irony. For understandable reasons we cannot dwell in length here on the issues of modality, related to the categories of the comic, for

their serious study would result in a lengthy work. We would just note, that modality in our view, is a psychomental adjustment of consciousness, having a reflection on the utterance in a definite speculative or emotional way. On one hand, the illocutionary strategy is a direct derivation of modality that it generates and from the other hand the modality attributes to the uttered speech act a specific, as if complementary intentional and emotive hue.

1. 1. Let us try to recreate the illocutionary ironic model having fed a whole ensemble of speech acts on the ground of a specific example: „*you are the cherry on the cake in my life*” the wife says to her husband in reproach that he has ruined her life. The presupposition here is: „*I can't abide you. I cannot stand you any more*”. The deictic marker (the second person of the pronoun) increases the hyperbolic and ironical impact of the metaphor. The superficial *assertion* (establishing the truth about a definite state of things) may denote a suggestion or an assurance – „*I instil in you (I assure you), that you are wonderful and I cannot live without you*”, but presumptively: „*I instil in you (I assure you), that practically things are exactly the opposite – I hardly abide you. Therefore, I react mockingly*”. In the second instance („*I assure you, I am sure*”) as if the assertion withholds and makes way at the deep level to the *hypothetical declaration* with a great degree of conviction – with a negative sign (with its negative equivalent). The explicit assertion is backed by

1 Comeme – a terminological suggestion for the name of a category, related to the three embodiments of the comic that we express (irony, parody, grotesque) as based on the common intellectual genealogy, on the structural and functional similitude and on ethical and aesthetic objectives and at the same time – on the grounds of their relatively autonomous expression and functioning. In our view, they are the most representative textual and artistic expressions of the comic.

2 The terminological array sticks to the terminology suggested by St. Dimitrova in her book Linguistic pragmatics.

the *expressive*, revealing the ecstatic character of the feelings („*I feel an emotion*”). It becomes obvious that the given utterance (as most of the communicative situations), is not the representation of a sole act of speech but represents an illocutionary mix, „led” and to a certain degree „requalified” by the performative *I ironize*. The illocutionary „cocktail” of jointly acting acts of speech is relevant (essential) to a degree, at which, in its ensemble and coagulation (interference) they obey to a main objective, namely they serve one leading objective – the ironizing of the utterance. It becomes clear from the above example that for the assertion identifying the irony generating content is of the greatest significance (the reason for the irony concerned operation) for the addressee of the communication and this justifies the strategy itself. In this context the acclamation (the pathetic outburst) plays the role of an irony mark, forbearing to a significant degree the *perlocutionary effects*. *The condensed deictics in the poem by Pushkine* : „*I have loved you... I pray God grant another love you so.*”, in the instance of an ironic reading, such as carried by R. Jacobson, („*Without divine interference, you would not meet any such love*”) is being identified as an assertion, accompanied by an *optional voletive* within the framework of the *religious behabitive*.

1. 2. In the next example, the *expressive and tender directive*, as strengthened additionally by the hypocoristic qualifier, emanates a stack of illocutionary axes, embodied in the different speech acts at the intentional level under the „command” of irony: „*Give your wife a kiss*”, says the wife to her husband. The irony addressing the marital partner gets mixed with *self-irony*: 1. The wife ironizes her husband – she is reproachful for his indifference, his apathy, lack of fantasy and invention. She is angry that he does not spare enough time for her and does not notice her assets; 2. The lady speaks with self irony and the following signs exist: self perception from a distance i.e. objectivating the proper „I” (a glance to one self from outside), when the observer is at the

same time also a concept and the object of her own conceptualization, grammaticalized from the third person singular (rather than from the first person singular.), and with the aim to distinctly carry a self definition; except that, through the self-diminutive she is tenderly coquettish. The self-ironizing strategy here is deprived of self-destructive functions, to the contrary – there is a confirmation of the tendency towards „magical defiance” and of the hypothetical, dreamed of qualities (assets) of the wife. Being aware of her own imperfections, she would wish her husband sees her as a charmer and admires her. The presumption appears here as an *expressive optative*, „*I wish I could be like that!*”, followed by a *weakened directive* as a kind of incitation, which in the instance of a right interpretation in the field of the addressee would entail a new illocutionary act, again in the field of the ironic utterer: *existential persuasive* (act of the convincing): „*Imagine that I am like this and apprehend me as such (a charmer). If you do that, then it means that I am like that*”.

1. 3. We can infer from the above that the synthetic component *I ironize* is the result of *I evaluate*, subject to division into the following pre-supposing acts: disapproval, dissatisfaction, disdain, criticism, reprimand, reproach, accusation, condemnation. Quite obviously the assessment has an emotional origin. The axiological (evaluating) predicates (which semantically coordinate with the scales „good – bad”, „nice – ugly”, „intelligent – stupid”, „useful – harmful”, „rapid – slow”), get consolidated within the general evaluating synthetic predicate and reveal the evaluation as the sheer representative of the pragmatic semantic of the ironic utterance. The expanded model of irony that we suggest might illustrate these observations:

Expanded implicature of irony
X ironizes Y

I say: You are good > You are wonderful, incredible great! (I do not think what I say).

I think: You are not good > You are horrible, impossible, unbearable! (You are not what I say).

I want: you to understand, what I

think (Will you be able to see through my intent?; try to understand me, to guess what is my intention and to draw your conclusions).

you to know, that you may become what I say (How will you react? Will you be offended or will you realize what your mistakes and faults, are and will you recognize that I am right; Correct your self, try to change, do not get offended and do not offend any one, improve yourself!).

you to become what I say that you are (Would you wish this change to happen?; Will you take my implicit advice for your and for other peoples' good?; I would wish and I would like to see you changed (different)).

1. 4. In the context of the Wendler terminology, irony could be also qualified as *quasiexpositive*: „I speak some thing different from what I should be in fact be saying to you, but I do not say it: 1. in order not to hurt you directly; 2. out of courtesy; we could add here that adherence to the speech etiquette taboos the direct challenge, while the ironic signal partly denies the pre-supposition; 3. to preserve my identity, my dignity and my own “integrity”. It is exactly the observance of the principles of ethics that protects the ironist. from accusations of „quasi-expositiveness”, generally defined as a communicative mishap (Zeno Wendler calls it an illocutionary suicide) (Wendler 1976). The explicitation of irony (i.e. its liquidation) by its utterer would constitute a similar “failure” in terms of communication like: „*I flatter you but in fact I am mocking you*”.

1. 5. If we have to attribute irony (as well as the other two comemes) to one of the two speech acts, which are roughly positioned along the *directness – indirectness* axis, we would undoubtedly associate it to the second type, i.e. the indirect acts of speech, representing a standardized mode of expression of a definite aim without naming it. As a *text having a projective nature* (related to formations standing on a vast pre-suppositionary basis), irony is an appropriate illustration of speech acts whose illocutionary strategy is not directly reflected into the linguistic structure of the produced utterance. Within the *illocutionary field* of the

utterer, the following speech acts are carried (some at the deep, others – at the superficial level):

– *assertion*, as expressed by the declarative component *I say*, and quite often complemented by an *expressive assertion* – „*You look great!*” (pre-supposition: „*You look ugly*”) or an *expressive behabitive* (addressative in the form of habitual greeting) – „*Good afternoon, old fool!*” (pre-supposition: „*I am seemingly quarrelsome and defy you, but in fact I love you and feel you close*”), or an *interrogative* – „*How are we today?*” (pre-supposition: „*I am not one of the ill*”);

– *negative statement* (again a type of assertion), expressed through the declarative component *I think*, completed by a *verdictive* („*I accuse*”, „*I reprimand*”) and an *executive* („*I provoke you for dispute*”, „*I throw you the gauntlet*”);

– *obligative directive* („*I insist that you recognize my ironic intention and to rightfully decipher my explicit assertion*”), expressed through the directive component *I want*, but which constitutes an illocutionary synthesis of several possible speech acts: a/ *deontive* („*You have to correct yourself*”); b/ *warning* („*If you do not correct yourself, things will get worse*”); c/ *optative* („*I*

hope you will improve yourself”; d/ *declarative hypothesis* with a high degree of conviction („*I believe that you will correct yourself*”).

Within the *perlocutionary field* of the addressee the following speech acts are carried: a/ *disagreement*, offence, will for revenge and threat, because of a sense of pride hurt, because of a feeling of humiliation and underestimation; b/ *verbal revenge*, counterattack, turning back the ironic „provocation”; c/ *gratitude* concerning the precious observations and assertions, even if negative; d/ *approval* of the strategy and *assurance* as to the personal ambition and mobilization for a change (for personal improvement); e/ *agreement*, *solidarity* with the utterer.

Based on the above outline we come to the following conclusions:

1. The irony is a synthetic speech act, which unites and is ahead of a varying multitude of hierarchical speech acts.
2. The indirect illocutionary reserve makes irony an idiomatic category.
3. The perlocutionary polyphony, as anticipated (foreseen) by the ironic utterer, practically excludes reactions by the addressee that are unforeseen.
4. Irony as a number of speech acts unveils the truth, that the success of the

communicative act is not measured by its temporal limitation to the moment of speech, but has rather a perspective and result oriented dimension.

5. Irony gives a new impetus to pragmatics for a partial solution of one of its most important and complex problems - the relationship between the form and the function of the speech acts;

6. Without the semantic universalia, which are an integral part of the implicature of irony, we could not recognize it, while without the individual conceptual and aesthetic creativity of the utterer, we could not attack inertia, the uniformness and uniformity of communication...

References:

1. Dimitrova 2009: Димитрова, С. *Лингвистична прагматика*. София, Издателство „Велес”, 2009.
2. Hamze 2012: Хамзе, Д. Категориите на комичното в перспективата на иронията в когнитивно-прагматичен аспект // *Съпоставително езикознание* кн. 3. София: 2012, 39–52.
3. Vendler 1976: Vendler, Z. *Illocutionary suicide* // *Issues in the Philosophy of Language*, Yale univ. Press, 1976, 135–145.

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

The International Academy of Science and Higher Education (London, UK) – scientific-educational organization, a union of scientists, educators, public figures and politicians of various countries.

- ❖ Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects.
- ❖ Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.
- ❖ Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

[www: http://iashe.eu/](http://iashe.eu/)

Хамзе Д., ассистент
Пловдивски
университет Паисий
Хилендарски,
Болгария

Участник конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства по
научной аналитике

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИРОНИИ

Цель этой статьи – рассеять некоторые неправильные представления об иронии как слабо коммуникативной категории (чье аристократическое превосходство привело к самоизоляции), и показать ее формодеструктивную (антистереотипную) роль для создания достоверного и креативного общения.

Ключевые слова: ирония, автоирония, коммуникация, Форма, автор, читатель, аутентичное общение

This article aims to dispel certain erroneous concepts about irony as not too communicative a category with its aristocratic superiority and self isolation and to highlight its role (countering stereotypes) as a form destroyer in view of triggering an authentic and creative communication.

Keywords: irony, communication, form, position of the ironist, self-irony, author, reader

Ирония (как и подвластные ей пародия и гротеск) всегда была заманчивым объектом для исследования философами, эстетами и литературоведами, но весьма редко, к сожалению, привлекала к себе внимание лингвистов, транслатологов и прагматиков. Без сомнения, она является ведущей по отношению к другим двум категориям комического – пародии и гротеску, и разделяет с ними общую территорию. Мы считаем уместным использовать для обозначения этих трех категорий объединяющий термин *комемы*¹ в силу выделяющегося в результате глубокого зондирования структурного профиля и категориального характера каждой из них (в отличие от остальных проявлений комического). Эти три категории переливаются одна в другую, претерпевают “мимикрию”, взаимно дополняют и заменяют друг друга. Их исключительная гибкость, подвижность, совместимость и параметрическая способность варьировать обуславливаются их взаимной гравитацией и напоминают принцип сообщающихся сосудов или матрешек. Это в какой-то степени объясняет трудность, можно сказать, почти невозможность ясно определить и классифицировать комемы, чтобы очертить границы между ними. Эта констатация, конечно, во все не обрекает на неуспех попытки в этом направлении, а напротив, стимулирует их. Господствующий и до сих пор в научной литературе, посвященной комемам, хаос, который вытека-

ет из их интуитивного рассмотрения, имеет и свою хорошую сторону: он свидетельствует о генетической связи между ними, об их аппроксимативных (сближающих их) и кореверсивных (взаимно возвращающихся одна к другой) тенденциях, чье внимательное изучение может привести к ценным научным результатам. Такие сочетания, как ироническая пародия, иронический гротеск, сатирическая ирония, иронический сарказм и т.д., с одной стороны, затуманивают наши представления о комическом, но, с другой стороны иллюстрируют гибридную способность данных категорий, а полутавтология лексических конструкций доказывает доминантную роль иронии как комикогенного субстрата, инварианта и катализатора порождения комического.

Другие две категории являются производными по отношению к иронии, как философской позиции, психо-эстетической предрасположенности и установки сознания, как отношения к миру. В качестве семантической базы ирония раскрывает их деривативную природу, но в то же время подсказывает и демонстрирует взаимную (интеркатегориальную) производность на уровне текста как прямая функция их постоянной интеракции. Каждая из этих категорий может быть средством и методом по отношению к двум остальным.

Являясь многогранный, поливалентной и интердисциплинарной категорией, ирония ускользает с точного определения, которое “сковало” бы

ее в рамки, но с полным сознанием условности и схематичности опытов в этой области мы предлагаем следующее определение: ирония – это критическая установка говорящего по отношению к иронизируемому объекту с целью выразить несогласие, неприязнь или чтобы констатировать или порицать недостатки в природе или поведении объекта с помощью ‘рationalизации’ языка (идеолектальной формулы, языкового алгоритма), воплощенной на поверхностном уровне посредством эвфемистической апологии симулированных преимуществ этого объекта.

Ирония как суперординативная (управляющая), илативная (вместимая), сублативная (способная подвести под общий знаменатель другие субкатегории) и таксономическая единица по отношению к остальным комемам представляет собой их матрицу, а они со своей стороны могут рассматриваться как ее дериваты. Эти качества иронии определяют ее ведущую роль в коммуникативном процессе.

1.0 Ирония как лакмус истинного общения.

На первый взгляд элитарная и редуцированная в коммуникативном отношении до камерного круга ‘посвященных’, ирония, как мы попытаемся доказать в ходе нашего изложения, разоблачает фальшь и лишенный персональности конвенционализм в общении, создавая условия для более аутентичной коммуникации.

¹ Мы предлагаем использовать термин *комема* для категориального обозначения трех выявленных нами перевоплощений комики – иронии, пародии и гротеска – на базе их общей интеллектуальной генеалогии, структурно-функционального сходства и этико-эстетических целей, но также и на основе их относительно самостоятельного профилирования и функционирования. На наш взгляд, они являются наиболее репрезентативными тексто-артистическими проявлениями комического

1.1. Эмиль Чоран заставляет нас задаться вопросом: а если кажущееся успешное и плодотворное общение ущемляет наше воображение и лишает нас последнего шанса диалога (хотя и трагического для нас) с Абсолютом? Выдающийся философ убеждает нас, что мы умираем пропорционально нашим словам, которые мы растрачиваем вокруг себя. Межличностное общение, которое a priori является дефектным, представляет собой взаимное унижение, ведущее к триумфальному взрыву всяческих тайн, в том числе и собственных (Чоран 2006). Ирония, однако, способна их уберечь. Чоран говорит, что только ложь артиста не является тотальной, потому что он творит только для себя и что юмор – это наша единственная рациональная позиция по отношению к существованию. Посредством эстетической мистификации ирония раскрывает нашу бесцельную экзистенцию, нашу “жизнеспасательную” потребность во лжи. Мы биологически запрограммированы под ложь, иначе мы перестали бы чувствовать землю под ногами (Чоран 2006).

1.2 Подобной является и концепция человеческого общения Карла Ясперса. Он также задает себе вопрос, не является ли в сущности вербальная коммуникация (симулирующая эффективное интерперсональное взаимодействие) подчеркиванием собственной личности со всеми ее капризами, утверждениями, “мудростями” и стратегиями? По Ясперсу, воля к коммуникации переплетается с противоречиями; мы требуем от своего коммуникативного партнера проявлять понимание, великолушие и такт по отношению к нам, а в то же время заставляем его быть абсолютно достоверным и самоопределенным.

На поверхностном уровне мы заявляем свою готовность коммунировать, тайно проклиная императивы общения. Думаем о себе, думая, что мы говорим о предмете разговора (Ясперс 1994). Философ предупреждает, что если мы хотим наслаждаться полноценной коммуникацией, мы должны поставить под сомнение саму

ее возможность. Ирония способна это делать. Одно из иронических проявлений является именно ирония коммуникации во имя коммуникации.

2.0. Ирония в атаку против деперсонализирующей Формы²

Коммуникация как языковой (и, разумеется, не только языковой) отпечаток стандартных предписаний увреждена официальной Формой (о философии Формы смотри: Хамзе 2010). Тотальное господство Формы как культуры парализует наши усилия найти себя и постичь собственную индивидуальность, которая все время теряется в межчеловеческом социальном пространстве, пораженного диктатурой формы. Единственным средством противодействия формальным императивам является творчество, представляемое иронией – одной из его основных философских и эстетических номинаций. Артистическая игра, которую именно категории комического делают особенно стимулирующей, преодолевает гнет Формы, разрушает стереотипы и клише, предлагает живительный отдых в Межформии (пространстве перехода между двумя Формами – старой и новой, потому что наше внеформальное существование невозможно – наша судьба быть о-формленными) и предлагает креативное Новоформие – Forma contra Forma. Коммуникативный заряд иронии ярко иллюстрирует это контраступление против униформы, пронизывающее все творчество В. Гомбровича.

3.0. Ирония как опровержение представления о свойственной ей некоммуникативности, обусловленной трудностями ее декодирования.

Иронию не так трудно разгадать, как нам кажется на первый взгляд. Интонации и контекстуальные сигналы в нашей речи, также как и пунктуационные и контекстуальные – в письменной, делают ее легче для распознавания. Следует, однако, отметить, что чем отчетливее иронические сигналы, тем слабее ирония – она превращается в отрицание себя. Вопреки ожиданиям, слабые иронические сигналы не делают иронию менее коммуникатив-

ной – наоборот, они повышают тонус общения, катализируют его. Интеракция между говорящим и адресатом иронии укрепляется. Неспособность адресата обнаружить интенцию говорящего только увеличивает иронический эффект, это не блокирует коммуникацию, а дает ей новый толчок.

Австралийский ученый Д.С. Мьюек (Мьюек 2002) предлагает трехмерную классификацию иронии: 1. скрытая; 2. явная; 3. персональная. Эта классификация не очень удачна в терминологическом отношении, так как явная ирония – это уже не ирония, а персональная совпадает с самоиронией. Несмотря на это, деление на три является основательным и мы принимаем условно предложенную терминологию. Скрытая, а точнее сказать ‘глубокая’ ирония является сложной, утонченной и хорошо спрятанной в многочисленных слоях. Явная (наше предложение – ‘мелкая’ или конвенциональная, фразематическая,rudimentarna) ирония имеет место тогда, когда адресат сразу понимает намерение говорящего. Иронические сигналы в данном случае рельефны: тон, модуляции голоса, интонация. Она является наиболее коммуникативной в разговорной злободневной речи: польск. *dobry gość*, болг. много як тип! (очень крутой парень!), польск. *ładny interes*, болг. хубава работа! (хорошее дело!) польск. *niezły typ*, болг. голям образ! (большой шутник!). Французская исследовательница Катрин Кербрат-Ореккони приводит примеры иронии с повышенной коммуникативностью: польск. *ale sprytnie!*, болг. много умно! (гениально!), польск. *a to pięknie, ładna historia*, болг. прекрасно, супер! (прелесть, супер!), польск. *pełne zaufanie!*, болг. с пълно доверие (с полным доверием), польск. *a to dopiero!*, болг. това се казва изпълнение! (вот это номер!) и называет их ироническими клише (Кербрат 2002: 110). Их постоянное повторение в связи с частым употреблением в речи как будто деиронизирует их. У такого типа иронических высказываний имеется и более глубокий слой (ирония с „двойным дном“) – раскрывается

2 Мы принимаем обозначение понятия форма с прописной буквы по примеру польского писателя Витольда Гомбровича, в чьем творчестве она является ключевой категорией и фокусом философско-эстетических поисков автора

ирония межчеловеческих отношений, которые так несовершены (Почему нам не справиться со своим гневом и воздержаться, вместо того, чтобы отреагировать раздражением и сварливостью?) Таким образом, мы пришли к иронии иронии, которая может быть идентифицирована нейтральным наблюдателем. Она может проявляться и как автоирония.

Инверсивная ирония (наш термин) также очень популярна в ежедневном общении - это нежная и трогательная интенция, облаченная в мимо строгую или грубую форму. Типичный пример – это упреки матери типа: польск. *Och, ty, paskudne, paskudne stworzonko!* (Ах, ты, ужасное исчадие!). К этому типу иронии можно отнести и некоторые примеры обмена поздравлений из австралийской коммуникативной практики, которые дает А. Вежбицкая: англ. *G day, you old bastard!*, польск. *Dobrego dnia, ty stary draniu!* (Добрый день, старый хрыч!) (Пример из Вежбицкая 1999: 169). Интересно отметить, что инверсивная ирония является иронией иронии: иронизируется сам иронический стереотип (популярный и утвержденный механизм иронии) – общепринятая практика апологизировать на поверхностном уровне и осуждать на глубинном. Здесь идет речь об обратной ситуации – по-видимому, объект суждения имплицитно одобряется и даже фаворизируется. На первый взгляд, мы показываем что-то плохое, но на самом деле вызываем у адресата милые и трогательные чувства, настраиваем его на позитивные мысли. Такой превентивный (и проективный) тип иронии является атавистическим реликтом первобытного опыта *homo sapiens* в его титанических усилиях справиться со злыми силами, обезвредить их и господствовать над ними благодаря магической силе слова (заклинаний и табуизации). Антисантиментальная ироническая запись австралийского английского языка выдает запрет общественного манифеста позитивных чувств. „Выливание” квази-негативных эмоций утоляет желание делиться радостью и удовлетворением с целью предотвратить их

возможное омрачение. Оксюморонное сочетание вежливой формулы и почти вульгарного обращения трансформирует иронию в гротеск.

В ораторском искусстве и полемике, где требуется немедленный эффект, часто используется явная ирония как риторический прием.

4.0. Литературная ирония как опровержение понятия коммуникативной самоизоляции иронизирующего автора.

Аристократизм иронического продуцента следовало бы понимать не как дистанцированную самовлюбленность, как демонстративное превосходство над противником, которое приводит к его игнорированию или дискриминации, а как духовную возвышенность, которая является результатом автоиронического рефлекса.

Применяя иронический метод в своих диалогах с собеседниками в поиске правды, Сократ прежде всего проявлял автоиронию. Он иронизирует себя даже и в роли иронизирующего. Иронизируя кого-то или что-то, мы уже иронизировали себя и свое присвоенное право иронизировать других. Таким образом, мы возвысились над своими недостатками и показали превосходство над самими собой. Кроме того, телеологическая стратегия иронизирующего, направленная на улучшение мира и людей, свидетельствует о коммуникативной склонности иронии. Иронический вызов является одним из основных стимулов для поддержки интерактивной динамики и механизмов синхронизации основных коммуникантов. Подобно антиномической структуре комем (эксплицитное одобрение и восхваление, имплицитный порицание и критика), отношение между А к Ч движется в амплитуде деонтика (императивность) – свобода. Амбивалентный подход А к Ч не ослабляет связи в коммуникативной паре, а делает их более прочными (действуя консолидирующе), поддерживая интеллектуальный тонус, активное бодрствование, долговременную концентрацию и креативность Ч на равных началах с А. Высокое аристократическое положение А как продуцента комического,

т.е. как судьи и корректива, снято им самим. Он же сам себя развенчивает посредством автоиронии, которая является предысторией и первоисточником комических процедур, направленных на другой объект. Игра в самого себя с противоположной стороны, с точки зрения реципиента, восприятие себя как объект иронии, расширение своей самоличности другой ролью (а это условно Антиформа – по крайней мере как процесс перехода из одной формы в другую, а также и прорыв в изначальную застывшую Форму), представляют собой функциональное слияние с Ч и деинерархизацию позиций.

Исходя из конвенциональной схемы мышления, польский писатель В. Гомбрович трудно куммуникует в реальной жизни. Если посмотреть на него глазами общества, он весь состоит из страхов, разочарований, тревог, всяческих беспокойств, маний и комплексов и часто ведет себя неадекватно. На литературном поприще, однако, благодаря иронии он никогда не проявлял особую стеснительность, а наоборот – дерзость, провоцируя реакцию читателей и занимая всевозможные эксцентрические позы. Вызов, который автоматически связывается с раздражением, враждебностью, отвержением, в литературе является приглашением к активному и благотворному сотрудничеству, к плодотворной дискуссии между равными и одинаково ценными партнерами. Она может произойти интенциально в синхронизированном и коритизированном пространстве двух собеседников (А и Ч).

Дискурсивная сущность иронизирующего автора как будто делает его радиальным и дистрибутивным. Его фигура мультилицируется, становится калейдоскопической, меняющейся (мутационной), отмеченной идентичностью, равняющейся нулю. Даже самый интимный, исповедальный и автобиографический жанр – дневник, в аристократической версии Гомбровича не является самообнажением и волниющим раскрытием личности, а иронией диарического канона и игрой с самим

3 Для удобства автор и читатель будут обозначаться соответственно как А и Ч.

собой в поиске самого себя, игрой, в которую вовлечен и Ч. Он толкает его к плодотворному и креативному миметизму – ‘Посмотри на меня, открай самого себя по моему подобию и делай так, как я. Таким образом ты сможешь осознать свою формальную предопределенность, а также сможешь научиться противостоять ей, сможешь разрушать ее с помощью иронии.’ Это взаимодействие является, пожалуй, лучшим примером перформативной специфики автора как иронизирующего субъекта и пульсирующей диалогичности монологического по презумпции Дневника. Множество ролей субъекта словно стирают его в некоторой мере, делают его анонимным, чтобы дать Ч преимущество в диалогическом континууме. Взаимная (реципронная) мимикрия двух коммуникативных партнеров делает интеграцию между ними более плотной. Если бы субъект был детерминированным (а идентичность – фиксирована), не было бы настоящего диалога, общение было бы дефективным, потому что А как схема был бы персонификацией симптоматической речи, и, следовательно, объектом анализа, а поскольку анализ является „насилием”, то он был бы объектом насилия. Децентрализация авторского субъекта посредством иронии, его омонимии, представленная по крайней мере тремя перевоплощениями: автор – нарратор, типичный рассказчик от первого лица, герой (а очень часто и другой герой – двойник), находящихся в отношениях полемики и конфронтации, является реверансом к личности Ч, удостоенной полным доверием для интерперативной свободы и высоко оцениваемой за свою способность к серьезным интеллектуальным усилиям и адекватной реакции на различные, иногда противоречивые инструкции. Между А и Ч происходит постоянный обмен ролей. „Разбросанная”, атомизированная и динамико-полифоническая деятельность А представляет собой

иронию утвержденного „Я”. Отсутствие центра в этом субъекте (констатация экс-эксцентричности) только привидно – центр является именно стратегией, волей оставаться верным себе, сопротивлением дискурсивным практикам. В этом смысле „Я” не является постмодернистским и децентрализованным, а снова призывает Ч последовать его примеру – дать ответ герменевтическим клише, не повиноваться интерпретативным императивам (антиопрессивная тенденция). Эта нестабильность иронического и автоиронического „Я” в процессе вечного совершения предопределяет постоянную поддержку диалога с Ч, который неуклонно старается уловить ее.

Игра с традиционными представлениями аутентичности, откровенности и исповедальности является только частью стратегии нарратора. Иронизируя прямое эгоистическое выступление как навязчивое экспонирование себялюбия, он прокладывает истину о своей собственной фикциональности, в которую вовлечен и Ч. Ирония переплетается с автоиронией собственной роли рассказчика в Дневнике, который, независимо от того, иронизируют его или нет, все же является самым интимным из жанров: „Piszę ten dziennik z niechęcią, jego nieszczerą szczerość męczy mnie. Dla kogo piszę? Jeśli dla siebie, dlaczego to idzie do druku? A jeśli dla czytelnika, dlaczego udaje, że rozmawiam ze sobą? Mówisz do siebie tak, żeby cię inni słyszeli?” (Dz I 56)⁴. Автоироническое признание: „Jestem niesmacznym snobem” (Dz III 214–215)⁵, подчиняясь силе ‘отбрасывающего’ притяжения, наэлектризовывает подлинный диалог с Ч. Автоироническая констатация о невозможности откровенности в силу ограниченных когнитивных способностей человека и его неизбежного подчинения императивам. Формы иронизируют вторично и саму возможность аутентичной коммуникации. Ироническое ‘признание’ и ‘самопризнание’ делают коммуника-

цию более откровенной и непринужденной (более аутентичной), а диалог с читателем становится более насыщенным и созидательным: „*Źródła moje biją w ogrodzie, u wrót którego stoi anioł z mieczem ognistym. Nie mogę tam wejść. Nigdy się nie przedostanę. Skazany jestem na wieczyste krążenie wokół miejsca, gdzie świeci się moje najprawdziwsze oczarowanie. Nie wolno mi, bo...te źródła wstydem tryskają, jak fontanny! Ale ten nakaz wewnętrzny: zbliz się jak najbliżej do źródeł wstydu twojego! Muszę powołać do działań wszystek rozum, świadomość, dyscyplinę, wszystkie elementy formy i stylu, całą technikę, do jakiej jestem zdolny, aby zdobyć przybliżenie do tajemniczej bramy tego ogrodu, za którą kwitnie mój wstęp. Czymże, w takim razie, jest moja dojrzałość, jeśli nie jest środkiem pomocniczym, sprawą wtórną? Zawsze to samo! Ubierać się we wspaniałym płaszczu, by móc zajść do portowej kajpy!*” (Dz II 110).

Нарратор иронизирует исповедь как речевой жанр и ее ожидание со стороны Ч. Часто ореол славы придает исповедальную тональность даже самым неудачным моментам творчества писателя, а это эррозия коммуникаций. Здесь также ирония сопровождается автоиронией: „*Co mam do roboty? Wyliczmy – to może zainteresować – tych mianowicie, co się mną interesują... (Zakłócenie perspektywy w skutek wzrastającej sławy; zatraciłem dawniejsze, jasne rozeznanie, pomiędzy tym co wpisaniem moim nudne, a co ciekawe, gdyż teraz coś nudnego może zaciekać dlatego jedynie, że mnie dotyczy; tak oto wzrastające „ja” moje wywołuje konfuzje...)*” (Dz II 150–151)⁶.

Симметричной по отношению к полиролевой специфичности А оказывается и динамическая поливалентность личности Ч, которая демистифицирована по принципу симпатии. Он взаимодействует со своим „собеседником” (А), принимая на себя по крайней мере три роли – виртуального Ч, реального Ч и самого слушателя –

4 „Я пишу этот дневник с нежеланием, его неоткровенность мучает меня. Для кого пишу его? Если для себя, почему издаю его? Если для читателя, почему я притворяюсь, что разговариваю сам с собой? Или говоришь с собой таким образом, чтобы тебя смогли услышать и другие” (пер. мой – Д. Х.)

5 „Я – досадный сноб” (пер. мой – Д. Х.)

героя произведения. Две орбиты – А и Ч, синхронизируются с помощью диалогической интерференции. Автоироническая откровенность А дает ему свободу выбирать как говорить, а Ч, соответственно, предоставляются способы комплементарной интерпретации и диалогического сотрудничества.

Из приведенного краткого обзора коммуникативных “месторождений” иронии можно сделать следующие выводы:

1. Ставя под сомнение возможность полноценной коммуникации, ирония на самом деле ее достигает. Она способна спасти общение от его псевдоаутентичности.

2. Посредством наступления против Формы культуры в целом и против Формы коммуникации в частности ирония ведет к артистическому и исцелительному Новоформио.

3. Слабые иронические сигналы не подавляют коммуникацию, а повышают ее градус.

4. Иронические клише, также как и инверсивная ирония, являются ярким доказательством коммуникатив-

ной адаптации и частотности иронического высказывания.

5. Стратегией иронизирующего, направленная на усовершенствование мира, людей и межличностных отношений, является достаточным аргументом в пользу высокого коммуникативного статуса иронии.

6. “Разбросанная” (дисперсная) идентичность автора иронии, поддерживаемая автоиронией, укрепляет и стимулирует диалог с читателем, ускоряет его интеллектуальную и со-творческую активность. Она деинерархизирует позиции и в то же время реинерхаризирует их (но по отношению к внечитательской, экстракоммуникативной аудитории) посредством интеллектуально-эстетического подъема.

7. Фаворизование субъективно-творческого начала, которое атакует клише и утрамбованный коммуникативный стандарт, а также призыв к Ч последовать примеру А в его роли иронического продуцента обеспечивают динамику и просперирование коммуникативного процесса в литературе.

8. Ирония, как блестящее сочетание субъективной индивидуальности и общедоступной универсальности послания, благодаря личностной креативности продуцента и общественному характеру языка, является мощным стимулом для развития и успеха коммуникации, а также для развития языка вообще.

Литература:

1. Вежбицкая 1999: Wierzbicka, A. Język – Umysł – Kultura. Warszawa: PWN, 1999.

2. Гомбрович 1986 а: Gombrowicz, W. Dziennik 1953-1956, Dzieła, t. VII. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1986; съкр. Dz I.

3. Гомбрович 1986 б: Gombrowicz, W. Dziennik 1957-1961, Dzieła, t. VIII. Kraków, Wydawnictwo Literackie, 1986; съкр. Dz II.

4. Гомбрович 1986 в: Gombrowicz, W. Dziennik 1961-1966, Dzieła, t. IX. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1986; съкр. Dz III.

5. Кербрат 2002: Kerbrat-Orecchioni, C. Ironia jako trop. // Ironia. Głowiński, M. (red.). Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2002, 109–143.

6. Мьюек 2002: Muecke D. S. Ironia: podsawowe klasyfikacje. // Ironia. Głowiński, M. (red.). Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2002, 43–74.

7. Хамзе 2010: Хамзе, Д. Итеративната модалност като културогема в творчеството на Витолд Гомбрович. // Научни трудове на ПУ „П. Хилендарски”, том 48, кн. 1, СБ. А, 2010, 373–384.

8. Чоран 2006: Чоран, Э. Наръчник по разложение. София: Факел експрес, 2006.

9. Ясперс 1994: Ясперс, К. Въведение във философията. София: Оксипарт, 1994.

6 Моя потоки вытекают из сада, в чьих дверях стоит ангел с пламенным мечом в руках. У меня нет доступа. И никогда не будет. Я осужден вечно кружиться над священным местом моего самого истинного очарования. Мне не позволено, потому что ... эти потоки бурные постыдны и постыдно вытекают как фонтаны! Ах, этот приказ – идет изнутри; иди сюда, подойди еще ближе к источнику твоего стыда! Мне нужно вызвать на помощь весь свой разум., все твоё сознание, всю свою дисциплину, все элементы формы и стиля, всю технику, на которую я способен, чтобы добраться до таинственной двери этого сада, позади которой цветет мой позор. Что тогда представляет собой моя зрелость, если не средство помочь, что-то вторичное? Все то же! Надевай свой прекрасный макинтош, чтобы оказаться в припортовом кабаке!” (пер. мой – Д. Х.)

7 Что мне делать сейчас? Давайте посчитаем – это, может быть, заинтригует именно тех, кто интересуется мной ... (нарушение перспективы параллельно с нарастанием славы; потерял предыдущий ясный ориентир на скучное и оригинальное в своем творчестве, потому что именно сейчас скучное может вызвать интерес только из-за того, что это связано со мной; вот так мое восходящее ‘Я’ ведет к смущению и неудобству....)” (пер. мой – Д.Х.)

Шило Е.И.,
аспирант
Белгородская
государственная
сельскохозяйственная
академия, Россия

Участник конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике,
Открытого Европейско-
Азиатского первенства по
научной аналитике

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОРФОЛОГИИ ЖИВОТНЫХ И ЕЕ ТЕРМИНОЛОГИИ (XVIII-XIX ВВ.)

В результате исследования ряда естественнонаучных оригинальных произведений XVIII века выявлена морфологическая лексика животных. Русская морфологическая терминология формировалась в неразрывной связи с развитием отечественной академической науки.

Ключевые слова: XVIII век, термин, естественная история, зоология, зоотомия, анатомия животных, сравнительная анатомия, ветеринария.

Morphological lexis of animals was discovered as a result of an examination of a range of XVIII century original natural-scientific works. Russian morphological terminology was formed in strong connection with the development of domestic academic science.

Keywords: XVIII century, term, natural history, zoology, zootomy, animal anatomy, comparative anatomy, veterinary.

Актуальность

Конец XX - начало XXI вв. показывают, что ряд практических биологических дисциплин (зоология, зоотехния, ветеринария и др.) остро нуждается в обновленном унифицированном терминологическом аппарате. Описание морфологии животных - от правной пункт всякого зоологического исследования, морфологические сведения востребованы также в ветеринарной медицине, эмбриологии, гистологии, цитологии, что находит свое отражение в научной литературе и соответствующих номенклатурах. Актуальной, поэтому, является проблема достижения единства в понимании и применении специальных терминов.

Огромное количество морфологических наименований, с которыми приходится иметь дело исследователям, измеряется десятками, а порой и сотнями, и это вызывает определенные трудности. Решение этой проблемы, по нашему мнению, невозможно без понимания процесса формирования важных концептуальных отношений в структуре биологических понятий, комплексного описания, анализа и упорядочения этой области специальной лексики.

Целью исследования является изучение русской морфологической терминологии XVIII-XIX веков. Предполагается тщательное рассмотрение данного раздела лексики, нередко служившего базой для создания других терминологических разделов ветеринарии и зоологии. Временные рамки исследования связаны с началом процесса становления и формирования русской морфологической терминологии.

Методы. Основной метод исследования - сравнительно - исторический, использованы также описательный; статистический и сравнительно - со-поставительный методы. История терминов рассматривается в связи с историей становления науки.

Результаты

В результате изучения ряда литературных источников выявлено, что становление ветеринарии и зоологии в России имеет свои особенности. В то время как в Европе ветеринария уже развивалась как самостоятельная наука, в России были созданы кафедры скотолечения на базе медицинских факультетов в Московском, Харьковском, Виленском университетах, на которых студенты получали основательные сведения по физиологии, гигиене, патологии, терапии и семиотике домашних животных. В то же время морфология животных не выделялась в отдельную учебную дисциплину. Заведующий кафедрой скотолечения в московском университете И. С. Андреевский в «Начальных основаниях медицины ветеринарии или скотолечения» (1805) указывает на то, что тело животного состоит из «таких же точно частей, из каких составлено и человеческое, выключая их частей вид, величину и положение»[1]. Практически в это же время, в 1807 году президент Санкт- Петербургской медико-хирургической академии П. Франк писал : «Ветеринарная наука имеет тесную связь с медициной, и поэтому она необходима каждому медику и хирургу, а поэтому, и поставить в обязанность всем студентам медико-

- хирургической академии слушать ветеринарные лекции»[12]. Зоология и ветеринария еще не отделились от медицины, что нашло свое отражение и в процессе формирования соответствующих терминологий. В частности, И.А. Двигубский, переводчик анатомического руководства И.Я. Пленка «О строении частей человеческого тела или первые черты анатомии» (1796), не только перевел с французского языка зоологические сочинения Г. Миллина, но и сам детально разрабатывал морфологическую (зоологическую) лексику животных [4]. А.П. Протасов, переводивший в середине XVIII века анатомические руководства И.Д. Прейслера [8] и И. Вейтбрехта [2], одновременно является одним из создателей естественнонаучной лексики «Словаря Академии Российской». И.И. Лепехин не только изучал и описывал флору и фауну России[4], но и в 1800 году опубликовал итоги своих патологоанатомических и клинических исследований.

Русская морфологическая терминология XVIII в. создавалась в процессе переводов анатомических и естественнонаучных произведений преимущественно с латинского языка с ориентацией на греко-латинские номинативно-терминологические образцы и модели. Однако в целом терминология остается исконно русской, в роли терминов выступают множество исконно русских слов: «бедро», «берцо» - «кость, переднюю часть голени составляющая», «бок» - «правая или левая сторона животного, начинающаяся от подмышек и простирающаяся до вздухов», «бровь», «волос», «горло», «грудь», «губа», «живот», «зуб»,

«везды» (веки), «желудок», «зев», «зеница» (зрачок), «зуб», «черева» (живот), «уста», «язык» и др.[14]. Примечательно, что естественнонаучная лексика XVIII века содержит значительное число общеславянских наименований органов и частей тела животных, сохранившихся до настоящего времени. Например, древнерусское название «бубрек» (почка у животного) сохранилось без изменения в сербском и болгарском языке - бубрек; др.русс. термин «голова» близок болгарскому глава и польскому *glova*; др. русск. «десница» (правая рука) - в старославянском «деснь», в современном болгарском десен, десна и др.[17].

Заимствования первой половины XVIII века характеризуются двумя особенностями. Во-первых, это почти без исключения латинизмы (среди них большая группа грецизмов ученой латыни). Во-вторых, рядом с каждым заимствованным словом имеется его перевод или русский аналог-калька [7]: «две носовые кости» (*osse nasi*), «две слезные или ного-тошные кости» (*osse lacrymalia* или *unguis*) [10]. Существенным было то, что к моменту заимствования латинских и греко-латинских терминов в русский язык, они имели общеевропейскую распространенность, таковы: «натура» (лат. *natura*), «пора» (лат. *porus*), «тело» (лат. *corpus*), «брюзжейка» (лат. *mesenterium*), «грудь» (лат. *thorax*) и др. Заимствование составных терминов нередко сопровождалось прямым заимствованием одного из компонентов и буквальным переводом другого. Так, кость илион (подвздошная кость) «перенесена» из лат. *os ilium*; кость исхион (седалищная кость) - от лат. *os ischium*; тарса кости (кости предплюсны) из лат. *tarsi ossa* [14]. Прямыми заимствованиями греко-латинских терминов в русской анатомо-клинической терминологии являются, например, остеология из греко-лат. *osteologia*, атлас (атлант) из греко-лат. *atlas*, краниум (череп) из лат. *cranium*. Многие русские морфологические и естественнонаучные термины представляют собой структурные заимствования, словообразовательные кальки.

Основным способом пополнения

русского морфологического словаря были буквальные этимологические переводы преимущественно греко-латинских терминов, например: «виски» (букв. перевод слова *tempora*), «щека» (букв. пер. лат. *bucca*), «шея» (букв. пер. лат. *collum*) - «Шея у них голая с небольшою гривою из жестких и курчавых волосов состоящую» [5], «гортань» (букв. пер. слова *Larynx*), «нароль на горле» (выступ гортани) и др. [6], «панцирь» заимствовано из западноевропейских языков от латинского *pantex*-брюхо; живот; «зубы песьи» - (букв. пер. лат. *dentes canini*); грудь (букв. перевод. греко-лат. *thorax*); хвост (букв. пер. лат. *cauda*); рука (букв. пер. лат. *manus*); перо (букв. пер. лат. *pinna*) [9].

Для морфологической терминологии свойственна метафоричность - использование терминов с переносным значением. Древние анатомы для определения формы костей сравнивали их с общезвестными предметами, в частности, клиновидная кость черепа - с летучей мышью с распластертыми крыльями, «самолет» (ладьевидная кость), «дужка» (ключица), «мышька» (мышца). Большинство исследователей полагают, что части человеческого тела были «наиболее удобным измерителем в любом трудовом процессе», поэтому часто служили мерами длины: «ноготь», «вершок», «палец, перст» «ладонь, рука, пясть», «локоть», «ступень, стопа, нога» [14].

Отдельные наименования являются антонимами (противоположными по смыслу): «верхний» и «нижний отросток» (верхний и нижний суставные отростки позвонков), «пустая недвижимая жила верховая и низовая» (верхняя и нижняя полые вены), «вход» и «исход», «верхняя» и «нижняя» апертура таза, «истинные» и «ложные» ребра, «верхняя косая» и «нижняя косая» мышца головы; «козлик и противокозлик», «длинный» и «короткий», «передние и задние зубы», «передние и задние ноги» (у нетопыря), «верхние члены» (руки) и «нижние члены» (ноги) [4].

Анализ общеанатомической, ветеринарной и зоологической лек-

сики XVIII-XIX вв. века свидетельствует о наличии большого числа синонимов для обозначения одного органа или части тела животного и человека. В частности, для обозначения затылочной кости в XVIII использовался ряд синонимов: «кость зада головы», «задняя часть головы», затылочная кость», «тыльная кость», «затылок», «затылочная кость». Череп в «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского именовался «лоб» и «чрешие», «Nomenclator» (1700) И.Ф. Копиевского именует череп «чашей головы», «костяной коробкой, мозг заключающей», Н.М. Максимович-Амбодик (1783) фиксирует словосочетания «крайне место», «лобное место». Орбита глаза в переводе «Анатомии» Г. Бидлоо (первая четверть XVIIIв.) именуется «костяным вместилищем ока, костистой ямой ока», А.П. Протасов в переводе «Анатомии живописцев» (1849) использует словосочетания «яма глазная» и «место глаза», перевод немецкой конструкции «Einfassung des Auges» - обиталище глаза. Практически любой современный морфологический термин имеет множество исторически сложившихся синонимов, которые затрудняют процесс поиска соответствующих морфологических структур в специальной литературе.

Полисемия (многозначность) - часто встречающаяся особенность изучаемой нами терминологии, например, «ость ноздреватая, пещеристая» относится к решетчатой кости и к носовым раковинам. Многозначный термин «уд» используется для названия различных частей человеческого тела: верхней и нижней конечности, наружных половых органов. Термин «жила» употреблялся для наименования сухожилий, нервов, кровеносных сосудов и мышц: рукопись «Философия естественная» (1718) содержит составной термин «жила, видению служащая» (зрительный нерв); М.В. Ломоносов в «Волфинской экспериментальной физике...» (1746) употребляет слово «жила» применительно к мышце и сухожилию - «Мясные жилки животных состоят из великаго множества весьма тонких жилочек», «Как

верьви сплетены в нем <бегемоте> жилы. Отвѣдай ты своей с ним силы!»; А.П. Протасов в «Анатомо-физиологическом словаре» (1783) перечислил различные значения употребления этого термина - «Крововозвратная, или возвращательная жила есть кровоносный сосуд, видом и раздѣлением своим почти во всем подобный боевой жилѣ: однако величиною или обширностию по больше боевой жилы. О сухих жилах- «Концы мышиц, когда они наподобие верви или тетивы соплетены бывают, вообще называются сухими жилами»[15]; в «Слове о подлинной цели математических наук .., говоренное июня 30 дня, 1792 г., проф. смешанной математики Михаилом Панкевичем» (1792) словосочетанием «чувственная жила» обозначается нерв - «Члены <животных>, через распространение движения сего духа по тонким волокнам чувственных жил от наружных органов чувств до мозга и от оного до мышиц, по произволению души, приводятся в движение»[16];

В настоящее время считается, что проблемы синонимии и полисемии неотделимы от вопроса связи языка, мышления и действительности. В XVIII-первой половине XIX века происходило становление русской медицины, ветеринарии и зоологии, научная терминология рождалась в процессе активного творческого поиска переводчиками наиболее адекватных терминов-эквивалентов переводимой иноязычной лексики. Научные термины появлялись в результате концентрации исторического знания, они вырабатывались на основе сравнения общих свойств определенного класса морфологических объектов (частей тела, органов или их элементов) и отражали принятый в научном сообществе стиль мышления.

Выводы:

Русская морфологическая терминология формировалась в неразрывной связи с развитием отечественной академической науки, рождением в XVIII - XIX вв. ряда естественнонаучных дисциплин, в том числе зоологии,

зоотомии, анатомии, ветеринарии, организацией естественнонаучного образования.

Становление терминологии морфологии животных связано с именами русских академиков: М.В. Ломоносова, А.П. Протасова, И.А. Дvigубского, М.И. Шеина, Н.А. Максимовича-Амбодика, П.С. Палласа, В.Ф. Зуева, Н.Я. Озерецковского И.С. Андреевского, В.И. Всеволодова и др.

В целом терминология XVIII века, используемая для описания животных была исконно русской, о чем свидетельствует значительное число исконно русских слов в древнерусской литературе, часть которых сохранилась в терминологии до наших дней.

В то же время, в связи с особенностями становления российской науки, большая часть терминологии создавалась «по образу и подобию» иноязычной, в основном, греко-латинской терминологии. Процесс её создания сопровождался заимствованием слов. Главными способами словообразования были буквальные этимологические переводы преимущественно греко-латинских терминов.

Для естественнонаучной, в том числе морфологической (зоотомической) терминологии характерна синонимия терминов. Владение синонимическими средствами позволяет выбрать из словаря и грамматической системы языка именно те термины, которые наиболее вос требованы научным сообществом в настоящее время.

Отечественная морфологическая терминология XVIII века не свободна от метафоричности, многозначности (полисемии), включает большое количество описательных конструкций.

Морфологическая лексика, используемая при описании животных в большой степени отражает систему научных представлений в России XVIII века. Она не только дает представление о том, как эволюционировали научные взгляды на строение организмов, но и позволяет представить, как развивалась категориальная модель русской биологической терминологии.

Литература:

1. Андреевский И. С. Начальные основания медицины ветеринарии или скотолечения. — М.: Университетская типография, 1805.
2. Вейтбрехт И (Weitbrecht I.). Краткое введение в анатомию / пер. с лат. А.П. Протасова.- СПб., 1749.
3. В.И. Всеволодов «Анатомия домашних животных» - СПб., 1847.
4. И.А.Дvigубский Изображения и описания животных Российской империи издаваемые Иваном Дvigубским. - М: Университетская типография, 1817
5. Зуев В.Ф. Педагогические труды. -М.: Издательство Академии наук, 1956.-147с.
6. С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.-Л.: Издательство Глаесевморпути, 1949.
7. Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. М. - Л.: 1966. - 288с.
8. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. - М.-Л.: 1954.-Т. 3, 600с.
9. Лепёхин И. И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российской государства в 1771 году. Часть 3. СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1780, 338с.
10. Озерецковский Н.Я. Начальные основания естественной истории. - СПб.: 1791.- Кн.1, ч.1и 2.
11. Пленк И.Я (Plenk J.J.) О строении частей человеческого тела или первые черты анатомии / пер. с немецк. А.П.Протасова.- М., 1796. 444с.
12. Прейслер И.Д. Ясное показание и основательное представление об анатомии живописцев / пер. с немецк А.П.Протасова.- СПб.,1749.- 15с.
13. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. - В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961.
14. Романов Н.А. Русская анатомическая терминология XVIII века.- Кн. 1 (Остеология).-Смоленск: САУ, 1997.- 333 с.
15. Словарь Академии Российской. - М., Московский гуманитарный институт имени Е.Р.Дашковой, 2006
16. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Л.: Наука. Ленингр. отд - ние, 1984—1992.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.-М.: Диксавери, 2007

Якоба И.А.,
канд. социол. наук,
доцент
Иркутский
государственный
технический
университет, Россия

Участник
конференции,
Национального
первенства по научной
аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского первенства
по научной аналитике

Понятие лингвистическая игра является одной из составляющих общей теории игр, куда также входят такие понятия, как спортивные игры, любовные игры, компьютерные игры, общественные игры [4]. Языковую игру при этом следует понимать не только как языковой прием, но более широко – как преобразование окружающей действительности в условиях нового технического ресурса – интернет-коммуникации. В данном процессе наблюдается отражение извечного стремления человека к преобразованию окружающей действительности, реализованное в неизбежном техническом усовершенствовании подобного воздействия. Надо отметить, что область влияния наблюдаемого преобразования распространяется не только на взаимодействие человека с миром материальным, но и трансформирует сферу языка как естественное оформление названной деятельности человека. Интернет-коммуникация предлагает широкие возможности для языковой игры в процессе подачи и последующего восприятия информации, способствует тому, что человек, внося изменения в повседневные коммуникативные ситуации, преобразует окружающую действительность. Знаменитый историк культуры Йохан Хейзинга считал, что «человеческая культура возникает и развертывается в игре и как игра» [10, с. 7]. Утверждая игровую природу оперирования человеком языком, Хейзинга замечает: «человечество все снова и снова творит свое выражение бытия, рядом с

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена обзору и анализу использования лингвистического явления языковой игры в процессе общения в сети Интернет. Автор выделяет причины и виды языковой игры. Рассматривает языковое шифрование как наиболее распространенный вид языковой игры. Приводит примеры языковой игры. Размышляет о противостоянии языковой игры и информатизации текстов. Это определяет актуальность темы статьи.

Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, игра, языковая игра, лингвистическая игра, языковой эксперимент, игра слов, причины языковой игры, виды языковой игры, языковое шифрование, теория игр.

The article is devoted to analysis of use of linguistic phenomenon of language game in online communication. The author points the causes of language games, demonstrates language encoding as the most wide spread type of language games, gives examples of language games in online communication. This determines the urgency of the article.

Keywords: online communication, game, language game, linguistic game, language experiment, word game, language game causes, language game types, language encoding, theory of games.

миром природы свой второй, измышленный мир» [10, с. 14].

Языковая игра (нем. Sprachspiel) — термин Людвига Витгенштейна, введённый им в «Философских исследованиях», в 1953 году, для описания языка как системы конвенциональных правил, в которых участвует говорящий. Понятие языковой игры подразумевает плюрализм смыслов. Концепция языковой игры приходит на смену концепции метаязыка.

В отечественном языкоznании термин вошел в широкий научный обиход после публикации одноименной работы Е. А. Земской, М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [7], хотя сами лингвистические явления, обозначаемые данным термином, имеют достаточно длительную историю изучения. Как указывается в данной работе, это «те явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т. д.)». Исследователи изучают факты языковой игры в разговорной речи и считают, что языковую игру следует рассматривать как реализацию поэтической функции языка. Играй в широком смысле можно считать всякое поэтическое творчество. «Поэзия в своей первоначальной функции как фактор ранней культуры рождается в игре и как игра. Это освященная игра, но в своей священности

этая игра все же постоянно остается на грани необузданности, шутки, развлечения» [10, с. 141]. Во все времена поэты играли со словом. Но если, например, в XIX веке тексты строились по принципу парадокса, не нарушая при этом грамматических форм и структурных компонентов предложения (Эдвард Лир, Льюис Кэрролл, Козьма Прутков и др.), то в начале XX века игра со словом породила философию зауми (Велемир Хлебников, Игорь Северянин, Алексей Крученых, Даниил Хармс) и языка абсурда.

Выделим следующие причины распространения языковой игры в интернет-коммуникации:

- прагматические установки автора; скрытая манипуляция (как способ достижения поставленной цели путем скрываемого неосознаваемого влияния на собеседника);
- флирт (привлечение внимания объектов, обычно противоположного пола с целью повышения собственной значимости в своих глазах и глазах виртуального собеседника, повышения настроения и уверенности в себе, установление доброжелательного контакта). При этом часто наблюдается снижение стилистических стандартов. В интернет-коммуникации флирт наиболее часто представлен фонетическим имитированием произносимого варианта жанра бытового диалога в письменном виде, как правило, утрированно искажённого, комичного (низа = нельзя, не = нет, када = когда, щас = сейчас, бүм = будем, мона = можно, чесс слово = честное слово,

моська = мордочка, шутливый вариант слова «лицо»), а также просторечными оборотами (харе = достаточно);

- иллюзия свободы вследствие «карнавализации» интернет-коммуникации (см. 11);

• неосознанные маркеры речевого поведения (профессиональная принадлежность, социальное положение, личностно-характеристики, гендерная принадлежность – маскулинный, фемининный, андрогинный или неопределенный тип);

• шифрование с целью развлечения, привлечения внимания, оттачивания навыков остроумия, развития чувства юмора, уменьшение психологической дистанции во время коммуникации (так называемый эффект сближения посредством разделения тайны); шифрование рассматривается как средство, побуждающее посылателя сообщения к шифрованию, а recipiента к дешифрированию (ребусное представление слов, словосочетаний; остроты, эллиптические конструкции, метафоризация, обобщение и др.).

• К лингвистическим видам языковой игры отнесем различные типы языкового шифрования:

- компрессия (принцип экономии усилий отправителя и получателя); аббревиатура (CU = See You «Увидимся, пока», 4U = for you «для тебя»);

• заимствования из других языков, использование разных языковых регистров (в рамках билингвизма и диглосии); «латинизация» русскоязычных пользователей Сети (Cdшка = компакт-диск (произносится: сидышка); от скуки пом.ru; Тсой жыфф! = Цой жив);

• изменение известных изречений, пословиц, поговорок, цитат из книг и фильмов и т.п. (Пирамида>Чайковский: ты не знаешь, что завещал нам Ленин? / Чайковский>Пирамида: знаю – лениться, лениться и еще раз лениться; Doni>Гвоздь: а как ты собираешься жить без работы и денег? Гвоздь>Doni: пойду работать, а учиться не обязательно. Ученые – свет, а не ученье – кайф».);

- «клавиатурные кальки» - сочетания кириллических букв, для записи международных и английских ча-

стотных клише, где каждая латинская буква заменяется той кириллической буквой, которая расположена на одной клавише с латинской (англ. BYE! (буе, до свидания) передается русскими буквами как ИНУ!; англ. PLS (please, пожалуйста) — как ЗДЫ; лат. P.S. (постскриптум) — как ЗЫ; лат. RE (повтор сообщения) — как КУ);

- графико-морфемные и графико-лексические гибриды (...начали не с литературы, а с «help'ов», компьютерных учебников, энциклопедий и словарей; обзавелись nickname'ом; как нас love'ят операторы);

• игровая фонетизация письма (айд = яд; пруцца = прутся; исчи = еще);

- «албанское письмо» - клишированные фразы и обороты в шутливой «фонетической» орфографии и с особыми сленговыми значениями (ацкий сотона = адский сатана; пазитиф = отлично, готично, прекрасно = нормально, здорово; криатиф = шутливый рассказ) и написания без пробелов (ржунимагу; фтему);

• идиомизация некоторых компьютерных словосочетаний (включи компьютер = подумай, пошевели мозгами; диск отформатировать = (шутл.) избить кого-л. (чаще как угроза); файлы не сошлись = (молодежн., шутл.) кто-л. недоумевает, не понимает чего-л., сильно удивлен чем-л.);

- использование слов из специальных профессиональных подсистем (медицинская (virus – вирус, clone – пиратская версия программного обеспечения; военная сфера (password – пароль, explode – полететь (о компьютере, системе); из социальной подсистемы – сленга (geek – компьютерный эксперт, nerd – компьютерный профессионал, dweeb – пользователь, который неправильно использует возможности Интернета, например, отправляет большие по объему сообщения);

• использование паравербальных факторов и экстралингвистических явлений, креолизация текстов (смайлики и знак @) и т. п.

Языковая игра строится по принципу намеренного использования отклоняющихся от нормы и осознаваемых на фоне системы и нормы

явлений: «Языковая игра порождает иные, чем в узусе и норме, средства выражения определенного содержания или объективирует новое содержание при сохранении или изменении старой формы» [4, с.7]. В современной лингвистике при «заведомо неправильном употреблении слов для выявления закономерностей и правил функционирования языка» [9, с. 64], а также при изучении аномальных (периферийных) явлений в языке все чаще используется понятие «языковой эксперимент» [2, с. 50-71]. Прием остранения, которым так широко пользуются в литературоведении для осознания и исследования нормативных явлений, в лингвистике приобрел статус языковой игры, языкового эксперимента. «Экспериментами над языком занимаются все: поэты, писатели, остряки и лингвисты. Удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный - на их пределы» [3, с. 6].

В современной культуре понятия игры и эксперимента тесно переплетаются. Играя с языком, с самим собой, с читателем автор бросает вызов читателю, дразнит его. За маской (персоной) автора, пишущего порой с явными отклонениями от литературного языка, прячущегося за нелепыми ошибками, якобы не понимающего и не различающего стили, смешивающего высокое и низкое, серьезное и смешное, стоит своего рода «юродивый», переворачивающий традиционные представления, провоцирующий всеобщее поругание и смех. [1]

В общем, можно сказать, что языковая игра как средство передачи мыслей, чувств, эмоций, ощущений, невербализованных идей автора становится все более востребованной и в разговорной речи, и в художественном тексте, и в интернет-коммуникации, прежде всего в связи со стремлением сказать что-то, не повторяясь, не прибегая к «избитым формулировкам», потерявшим уже не только образность, но и четко различимый смысл. Установка на языковую игру, т. е. на остроумие, характерна для обоих партнеров сетевой коммуникации: человек не

только сам стремится писать «прикольно», но и ожидает «приколов» со стороны партнера. Стремление к языковой игре сказывается также в любви пользователей Сети к сленгу. Истоки подобных интенций связаны с эмоционально-экспрессивными, эстетическими и соревновательными потребностями человека [5, с. 289-321]. С помощью языковой игры можно выразить оценку окружающей реальности, самоидентифицироваться, отразить свои эмоции. Отсутствие визуального контакта в интернет-коммуникации акцентирует внимание на используемых языковых средствах, что обуславливает эстетическую ориентацию при употреблении языковых единиц.

Если же рассматривать языковую игру в общем контексте современной языковой ситуации, то можно сказать, что это один из двух возможных путей переходного периода русского языка, по мнению М.В. Захаровой [6]. Вторым возможным путем она считает информатизацию текста, то есть значимое преобладание фактического содержания над всеми иными компонентами, что превращает текст (и письменный, и устный) в сжатое сухое сообщение. Если в разговорной речи и интернет-коммуникации подобное явление может вызвать лишь эстетическое неприятие, то в письменной, особенно в художественных текстах, — это печальное зрелище.

Художественное произведение, созданное в стиле sms-сообщение (если, конечно, это не творческий замысел автора), теряет все признаки литературы: и образность, и эмоциональность, и подтекст, и многозначность... В отличие от сторонников языковой игры люди, избирающие информатизацию, отказываются от работы над словом, не обращают на форму сообщаемой информации никакого внимания. Информационная направленность общения и вызывает отмечаемое сейчас «оскудение словаря русского языка»: оценочная лексика, эмоционально насыщенные языковые элементы, эпитеты — все это не используется некоторыми носителями языка, так как не нужно для реализации информационной функции речевого общения.

Не смотря на информатизацию текстов, в целом, можно утверждать, что на данном этапе развития интернет-коммуникации, повышенная метаязыковая рефлексия (термин Н.Б. Мечковской [8]) влияется в тенденцию к возрастанию насыщенности интернет-коммуникации метаязыковыми значениями, что проявляется в графико-орфографической рефлексии (графико-орфографических игр, шутки с буквами и азбуками, игры с английскими заимствованиями и т.д.). Таким образом, языковая игра становится неотъемлемой частью интернет-коммуникации.

Литература:

1. Аксенова О. Языковая игра как лингвистический эксперимент поэта (Лексика и грамматика в стихах Александра Левина). Режим доступа: <http://levin.rinet.ru/ABOUT/Aksanova1.html>
2. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica*. М., 1990,
3. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Вопросы языкоznания. 1987, № 3, с. 6
4. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
5. Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 289—321.
6. Захарова М.В. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка // «Знамя» 2006, №5. <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/5/za12-pr.html>
7. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика, Жест. М., 1983.
8. Мечковская Н.Б. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век интернета // Русский язык в научном освещении. - № 2 (12). - М., 2006. - С. 165-185.
9. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1975.
10. Хейзинга, Й. *Homo ludens*. М., 1992.
11. Якоба И.А. Особенности Интернет-коммуникации (лингвистический, социальный, гендерный аспекты) // Вестник ИрГТУ, 2012. - № 3. С.365- 372.

TOP ARTICLES OF 2012

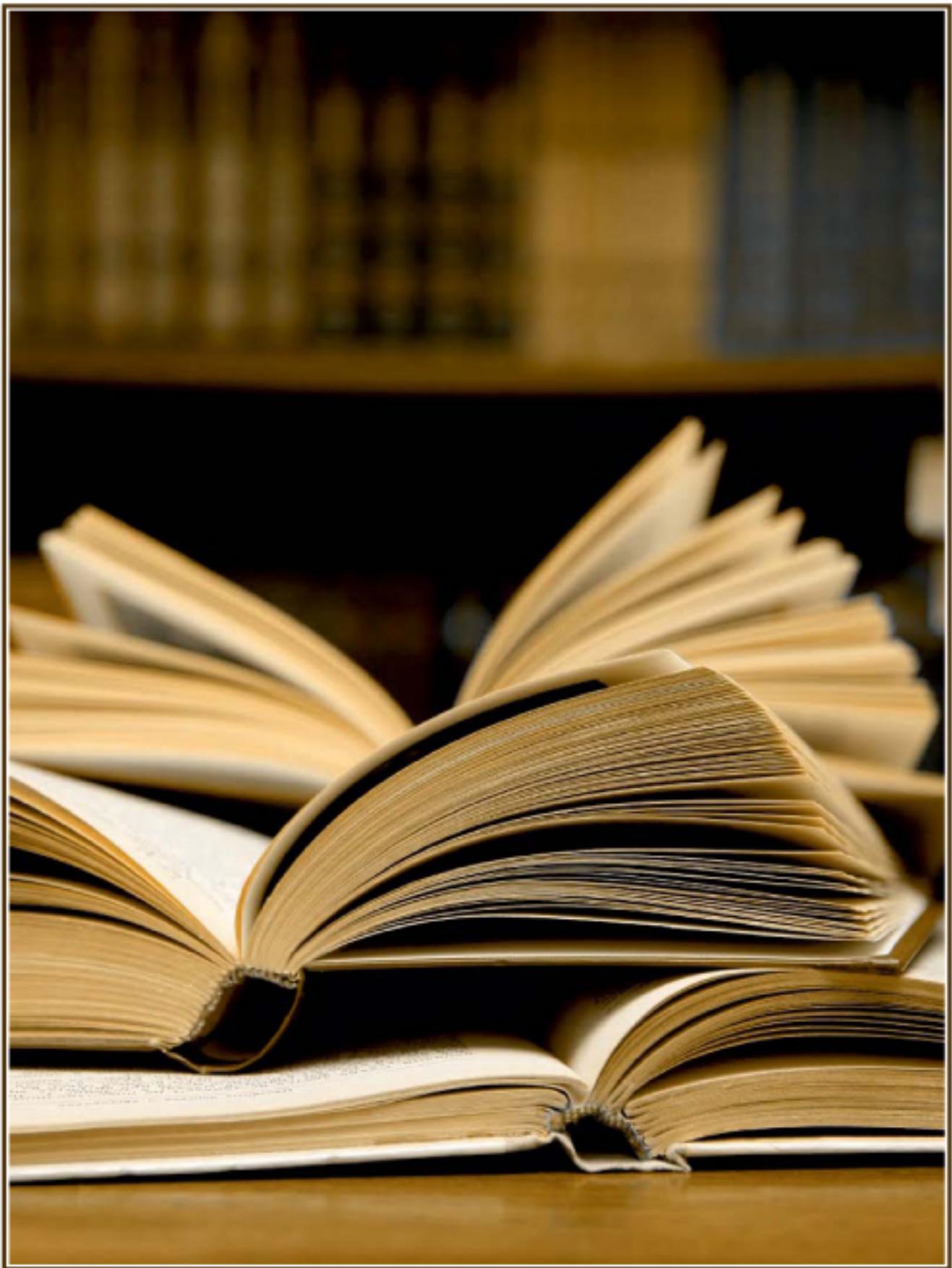
in the field of philology (as of the December 2012)

Kolistratova Alevtina	О НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ДИСКУРСА В КОНТЕКСТЕ БРИТАНО-АНГЛИЙСКОЙ СИТУАЦИИ
Plotnikova Anna	ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ЛИРИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ
Zalevskaya Alexandra	ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И МЕТАФОРА «ЖИВОЙ ПОЛИКОДОВЫЙ ГИПЕРТЕКСТ»
Popov Andrey Popov Konstantin	ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТА УНИВЕРСАЛЬНОГО АЛФАВИТА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
Lee Valentyn	ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА VS. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА: ОТ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ К ВЗАИМООБОГАЩЕНИЮ (НА МАТЕРИАЛЕ

GISAP Championships and Conferences

April - September 2013

Branch of science	Dates	Stage	Event name
APRIL			
Technical sciences, Construction, Architecture	11.04-16.04	I	Construction technologies and architectural aesthetics of the information society
Earth and Space Sciences	25.04-30.04	I	The third planet from the Sun: modern theories and research practice in the field of Earth and Space sciences
Physics, Mathematics, Chemistry	25.04-30.04	I	Abstraction and empiricism in interlacements of truth
MAY			
Pedagogical Sciences	15.05-20.05	II	Education as the basis of the humanity evolution in conditions of the information environment of the society domination
Economics, Jurisprudence, Management	23.05-28.05	II	Social processes regulation in the context of economics, law and management
JUNE			
Culturology, Art History	06.06-11.06	II	Cultural heritage in knowledge, works of art and images
History, Philosophy	06.06-11.06	II	Problems and paradoxes of the historical science in context of the philosophical thought development
Biology, Veterinary, Agriculture	20.06-25.06	II	Blooming planet: origins, evolution and the future of life on Earth
Medicine, Physical Culture, Pharmaceutics	20.06-25.06	II	Modern methodology of health care and psychosomatic development of a man
JULY			
Philological Sciences	04.07-09.07	II	Verbal culture of the humanity through the prism of ages
Psychological Sciences	04.07-09.07	II	Biosocial characteristics of the modern human psychology
Sociological, Political and Military Sciences	18.07-23.07	II	Social and political aspects of the post-industrial life activity of states
AUGUST			
Technical sciences, Construction, Architecture	01.08-06.08	II	Industrial science in the service of creation and progress
Earth and Space Sciences	22.08-28.08	II	Earth in the spatio-temporal coordinate system
Physics, Mathematics, Chemistry	22.08-28.08	II	Ordered chaos: modern problematics of physical, mathematical and chemical sciences
SEPTEMBER			
Pedagogical Sciences	12.09-17.09	III	Forming and qualitative development of modern educational systems
Economics, Jurisprudence, Management	26.09-01.10	III	The state, corporation and individual: correlation of rights, economic interests and ways of their realization

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442032899949
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>